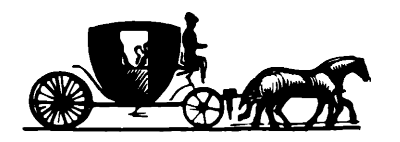

ЗОЩЕНКО

Михаил Зощенко

РАССКАЗЫ — 1921-1930

Ардис / Анн Арбор
1979

Ardis
2901 Heatherway
Ann Arbor, Michigan 48104

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Землетрясение в Крыму было, как всем известно, два года тому назад. Однако, убытки только сейчас окончательно выясняются.

Конечно, официальные убытки тогда же подсчитали — два миллиона рублей. Но к этой скромной цифре надо добавить, как теперь выясняется, еще небольшую суммишку рублей этак в сто.

Как-раз на эту цифру пострадал один милый человек такой, некто Снопков. Сапожник.

Он — кустарь. Он держал в Ялте мастерскую. Не мастерскую, а такую каменную будку имел, такую небольшую каменную халупку.

И он работал со своим приятелем на-пару. Они оба два приезжие были. И производили починку обуви как местному населению, так и курсовым гражданам.

И они жили определенно не худо. Зимой, безусловно, голодовали, но летом работы чересчур хватало. Другой раз даже выпить было некогда. Ну, выпить-то, наверное, времени хватало. Чего-чего другого...

Так и тут. Перед самым, значит, землетрясе-

нием, а именно, кажется, в пятницу одиннадцатого сентября сапожник Иван Яковлевич Снопков, не дождавшись субботы, выкушал полторы бутылки русской горькой.

Тем более, он кончил работу. И тем более, было у него две бутылки запасено. Так что чего же особенно ждать? Он взял и выкушал. Тем более, он еще не знал, что будет землетрясение.

И вот выпил человек полторы бутылки горькой, немножко, конечно, поколбасился на улице, спел чего-то там такое и назад к дому вернулся.

Он вернулся к дому назад, лег во дворе и заснул, не дождавшись землетрясения.

А он выпивши, обязательно во дворе ложился. Он под крышей не любил в пьяном виде спать. Ему нехорошо было под потолком. Душно. Его мутило. И он завсегда чистое небо себе требовал.

Так и тут. Одиннадцатого сентября в аккурат перед самым землетрясением Иван Яковлевич Снопков набрался горькой, сильно захмелел и заснул под самым кипарисом во дворе.

Вот он спит, видит разные интересные сны, а тут параллельно с этим происходило знаменитое крымское землетрясение. Домишки колышутся, земля гудит и трясется, а Снопков спит себе без задних ног и знать ничего не хочет.

А что до его приятеля, так его приятель с первого удара дал тигаля и расположился в городском саду, боясь, чтоб его камнем не убило.

Только рано утром, часов, может, около шести, продрал свои очи наш Снопков. Проснулся наш

Снопков под кипарисом и, значит, свой родной двор нипочем не узнает. Тем более, ихнюю каменную будку свалило. Не целиком свалило, а стена расползлась и заборчик набок рухнул. Только-что кипарис тот же, а все остальное признать довольно затруднительно.

Продрал свои очи наш Снопков и думает:

«Мать честная, куда ж это меня занесло? Неужели, думает, я в пьяном виде вчерась еще куда-нибудь зашел? Ишь ты, кругом какое разрозненное хозяйство! Только не понять — чье. Нет, думает, нехорошо так в дым напиваться. Алкоголь, думает, действительно чересчур вредный напиток, ни черта в памяти не остается».

И так ему на душе неловко стало, неинтересно.

«Эва, думает, забрел куда. Еще спасибо, думает, во дворе прилег, а ну-те на улице: мотор может меня раздавить или собака может чего-нибудь такое отгрызть. Надо, думает полегче пить или вовсе бросить».

Стало ему нехорошо от этих всех мыслей, загрюнился он, вынул из кармана остатние полбутылки и тут же от полного огорчения выкушал.

Выкушал Снопков свою жидкость и обратно захмелел. Тем более, он не жрал давно и тем более, голова была ослабши с похмелюги.

Вот захмелел наш Снопков, встал на свои ножки и пошел себе на улицу.

Идет он по улице и с пьяных глаз нипочем улицу не узнает. Тем более, после землетрясения народ

стаями ходит. И все на улице, никого дома. И все не в своем виде, полуодетые.

Вот Снопков ходит себе по улице, и душа у него холодеет.

«Господи, думает, семь-восемь, куда же это я, в какую дыру зашел? Или, думает, я в Батум на пароходе приехал? Или может меня в Турцию занесло. Эвон народ ходит раздевшись, как в тропиках.

Идет, пьяный, и прямо чуть не рыдает.

Вышел на шоссе и пошел себе, ничего не признавая.

Шел, шел и от переутомления и от сильного алкоголя свалился у шоссе и заснул, как убитый.

Только просыпается — темно, вечер. Над головой звезды сверкают. И прохладно. А почему прохладно — он лежит при дороге раздетый и разутый. Только в одних подштанниках.

Лежит он при дороге совершенно обобранный и думает:

«Господи, думает, семь-восемь, где же это я обратно лежу?»

Тут действительно испугался Снопков, вскочил на свои босые ножки и пошел по дороге.

Только прошел он сгоряча верст, может, десять и присел на камушек.

Он присел на камушек и загорюнился. Местности он не узнает и мыслей он никаких подвести не может. И душа и тело у него холодеют. И жрать чрезвычайно хочется.

Только под утро Иван Яковлевич Снопков узнал, как и чего. Он у прохожего спросил.

Прохожий ему говорит:

— А ты чего в кальсонах тут шляешься?

Снопков говорит:

— Прямо и сам не понимаю. Скажите, будьте любезны, где я нахожусь?

Ну, разговорились. Прохожий говорит:

— Так-что до Ялты верст, может, тринадцать будет. Эва куда ты зашел!

Ну, рассказал ему прохожий насчет землетрясения и чего где разрушило и где еще разрушается.

Очень Снопков огорчился, что землетрясение идет, и заспешил в Ялту.

Так через всю Ялту и прошел он в своих кальсонах. Хотя, конечно, никто и не удивился по случаю землетрясения. Да, впрочем, и так никто бы не поразился. После подсчитал Снопков свои убытки: уперли порядочно. Наличные деньги — шестьдесят целковых, пиджак — рублей восемь, штаны — рубля полтора и сандалии почти-что новенькие. Так-что набежало рублей до ста, не считая пострадавшей будки.

Теперь И. Я. Снопков собирался ехать в Харьков. Он хочет полечиться от алкоголя. А то выходит себе дороже.

Чего хочет автор сказать этим художественным произведением? Этим произведением автор энергично выступает против пьянства. Жало этой художественной сатиры направлено в аккурат против выпивки и алкоголя.

Автор хочет сказать, что выпивающие люди не

только другие более нежные вещи — землетрясение и то могут проморгать.

Или как в одном плакате сказано: «Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага!»

И очень даже просто.

РАСПИСКА

Недавно произошло одно очень даже характерное дело.

Оно тем более интересно, что это факт. Тут нету, что ли, такой выдумки или чистой фантастики. Наоборот, все взято, так сказать, с источника жизни.

И оно тем более интересно, что дело имеет любовную подкладку. И в силу этого многим забавно будет поглядеть, как и чего в данную минуту бывает на этом довольно важном и актуальном фронте.

Так вот два года тому назад, а именно в городе Саратове, произошли такие мелко-мещанские события. Один довольно-таки безыдейный молодой человек Сережа Хренов, а именно служащий, или — вернее — браковщик-приемщик с одного учреждения, начал вроде как ухаживать за одной барышней, за одной, скажем, работницей. Или она за ним начала ухаживать. Сейчас за давностью времени нету возможности в этом разобраться. Только известно, что стали их вместе замечать на саратовских улицах.

Начали они вместе гулять и выходить. Начали

даже подручку прохаживаться. Начали разные всякие любовные слова произносить. И так далее. И тому подобное. И прочее.

А этот молодой франтоватый браковщик однажды так замечает своей даме:

— Вот, говорит, чего, гражданка Л. Сейчас, говорит, мы гуляем с вами и вместе ходим и безусловно, говорит, совершенно не можем предвидеть, чего от этого будет и получится. И, говорит, будьте любезны, дайте мне расписку, мол, в случае чего и если произойдет на свет ребенок, то никаких данных вы к означенному лицу не имеете. А я, говорит, находясь с такой распиской, буду, говорит, более с вами откровенен, а то, говорит, сейчас окончательно убита любовь, и каждое действие предусматривает уголовный кодекс. И я, говорит, скорее всего отвернусь от нашей с вами любви, чем я буду впоследствии беспокоиться за свои действия и платить деньги за содержание потомства.

Или она была в него слишком влюблена или этот франтик заморочил ей голову в своем болоте безыдейности, но только она не стала с ним понапрасну много спорить, а взяла и подписала ему бумажку. Мол, и так далее и в случае чего я никаких претензий к нему не имею и с него денег требовать не буду.

Она подписала ему такую бумажку, но, конечно, сказала кой-какие слова.

— Это, говорит, довольно странно с вашей стороны. И даже мне, говорит, чересчур обидно делается, раз ваша любовь принимает такие причудливые формы. Но, говорит, раз вы настаиваете, то я,

конечно, могу потрудиться подписать вашу бумаженцию.

Браковщик говорит:

— Да уж будьте любезны. Я, говорит, двенадцать лет присматриваюсь к нашей стране и знаю, чего бывает.

Одним словом, она подписала бумажку. А он, не будь дурак, засвидетельствовал подпись ее прелестной ручки в домоуправлении и спрятал этот драгоценный документ поближе к сердцу.

Короче говоря, через полтора года они, как миленькие, стояли перед лицом народного судьи и докладывали ему о своем прежнем погасшем чувстве.

Она стояла в белом своем трикотажном платочке и покачивала малютку.

— Да, говорит, действительно, я по глупости подписалась, но вот родился ребенок, как таковой, и пущай отец ребенка тоже несет свою долю. Тем более, я не имею сейчас работы, и так далее.

А он, то есть бывший молодой отец, стоит таким огурчиком и усмехается в свои усики.

Мол, об чем тут речь? Чего такое тут происходит, ась? Чего делается — я не пойму. Когда и так все ясно и наглядно, и при нем, будьте любезны, имеется документ.

Он торжественно распахивает свой пиджак, недолго в нем роется и достает свою заветную бумажку.

Он достает заветную бумажку и, тихонько смеясь, кладет ее на судейский стол.

Народный судья поглядел на эту расписку, по-

смотрел на подпись и на печать, усмехнулся и так говорит:

— Безусловно, документ правильный!..

Браковщик говорит:

— Да уж совершенно, так сказать, я извиняюсь правильный! И вообще не остается никакого сомнения. Все, говорит, соблюдено и все ненарушено.

Народный судья говорит:

— Документ, безусловно, правильный. Но только является такое соображение: закон стоит на стороне ребенка и защищает как раз его интересы. И в данном случае по закону ребенок не должен отвечать или страдать, если у него отец попался довольно-таки хитрый сукин сын. И в силу, говорит, вышеизложенного ваша расписка не имеет никакой цены, и она только дорога, как память. Вот, говорит, возьмите ее обратно и спрячьте ее поскорей себе на грудку.

Короче говоря, вот уже полгода как бывший отец платит деньги.

НЕ НАДО СПЕКУЛИРОВАТЬ

Пока мы тут с вами решаем разные ответственные вопросы насчет колхозов и промфинплана — жизнь идет своим чередом. Люди устраивают свою судьбу, женятся, выходят замуж, заботятся о своем личном счастьишке, а некоторые даже жулят и спекулируют.

Конечно, в настоящее время спекулировать довольно затруднительно. Но вместе с тем находятся граждане, которые придумывают чего-то такое свеженькое в этой области.

Вот об одной такой спекуляции я и хочу вам рассказать. Тем более факт довольно забавный. И тем более, это — истинное происшествие. Один мой родственник прибыл из провинции и поделился со мной этой новостью.

Одна симферопольская жительница, зубной врач О., вдова по происхождению, решила выйти замуж.

Ну, а замуж в настоящее время выйти не так-то просто. Тем более, если дама интеллигентная и ей охота видеть вокруг себя тоже интеллигентного, созвучного с ней субъекта.

В нашей, так сказать, пролетарской стране вопрос

об интеллигентах — вопрос довольно острый. Проблема кадров еще не разрешена в положительном смысле, а тут, я извиняюсь, — женихи.

Ясное дело, что интеллигентных женихов нынче не много. То есть, есть, конечно, но все они какие-то такие — или уже женатые, или уже имеют две-три семьи, или вообще лишенцы, что, конечно, тоже не сахар в супружеской жизни.

И вот при такой ситуации живет в Симферополе вдова, которая в прошлом году потеряла мужа. Он у ней помер от туберкулеза.

Вот, значит, помер у ней муж. Она сначала, наверное, легко отнеслась к этому событию. А-а, думает, ерунда. А после видит — нет, далеко не ерунда, — женихи по свету не бегают пачками. И, конечно, загоревала.

И вот, значит, горюет она около года и рассказывает о своем горе молочнице. К ней ходила молочница, молоко приносила. Поскольку муж у ней помер от туберкулеза, так вот она начала заботиться о себе — усиленно питалась.

Вот она пьет молоко около года и между прочим имеет дамский обывательский разговор со своей молочницей.

Неизвестно, с чего у них началось. Наверное, она пришла на кухню и разговорилась. Вот, мол, продукты дорожают. Молоко, дескать, жидковатое и вообще женихов нету.

Молочница говорит:

— Да, мол, безусловно, чего-чего, а этого мало.

Зубной врач говорит:

— Зарабатываю подходяще. Все у меня есть — квартира, обстановка, деньжата. И сама, говорит, я не такое уж мурло. А вот, подите ж, вторично выйти замуж буквально не в состоянии. Прямо хоть в газете печатай.

Молочница говорит:

— Ну, говорит, газета — это не разговор. А чего-нибудь такое надо, конечно, придумать.

Зубной врач отвечает:

— В крайнем случае я бы, говорит, и денег не пожалела. Дала бы денег той, которая меня познакомит в смысле брака.

Молочница спрашивает:

— А много ли вы дадите?

— Да, — говорит врачиха, — смотря какой человек отыщется. Если, конечно, он интеллигент и женится, то, говорит, червонца три я бы дала, не сморгнув глазом.

Молочница говорит:

— Три, говорит, это мало. Давайте пять червонцев, тогда я вам подыму это дело. У меня, говорит, есть на примете подходящий человек.

— Да может он не интеллигентный, — говорит врачиха, — может он крючник.

— Нет, говорит, зачем крючник. Он очень интеллигентный. Он — монтер.

Врачиха говорит:

— Тогда вы меня с ним познакомьте. Вот вам пока червонец за труды.

И вот на этом они расстаются.

А, надо сказать, у молочницы ничего такого не было на примете, кроме собственного ее супруга.

Но крупная сумма ее взволновала, и она начала прикидывать в своем мозгу, как и чего и как бы ей попроще выбить деньги из рук этой врачихи.

И вот приходит она домой и говорит своему супругу:

— Вот, мол, Николаша, чего получается. Можно, говорит, рублей пятьдесят схватить так себе, здорово живешь, без особых хлопот.

И, значит, рассказывает ему всю суть дела. Мол, чего если она нарочно познакомит его с этой разбогатевшей врачихой, а та сдуру возьмет да и отсыпет ей пять червонцев.

— И, говорит, в крайнем случае, если она будет настаивать, можно и записаться. В настоящее время это не составляет труда. Сегодня ты распишешься, а завтра или там послезавтра — обратный ход.

А муж этой молочницы, этакий довольно красивый сукин сын, с усиками, так ей говорит:

— Очень отлично. Пожалуйста! Я, говорит, всегда определенно рад пятьдесят рублей взять за ни за что. Другие ради такой суммы месяц работают, а тут такие пустяки — записаться.

И вот, значит, через пару дней молочница знакомит своего мужа с зубным врачом.

Зубной врач сердечно радуется и без лишних слов и причитаний уплачивает молочнице деньги.

Теперь складывается такая ситуация.

Муж молочницы, этот известный трепач с уси-

ками, срочно записывается с врачихой, переходит временно в ее апартаменты и пока-что живет там.

Так он живет пять дней, потом неделю, потом десять дней.

Тогда приходит молочница.

— Так-что, говорит, в чем же дело?

Монтер говорит:

— Да нет, я раздумал вернуться. Я, говорит, с этим врачом жить останусь. Мне тут как-то интересней получается.

Тут, правда, он схлопотал по морде за такое свое безобразное поведение, но мнения своего не изменил. Так и остался жить у врачихи.

А врачиха, узнав про все, очень хохотала и сказала, что поскольку нет насилия, а есть свободный выбор, то инцидент исчерпан.

Правда, молочница еще пару раз заходила на квартиру и дико скандалила, требуя возврата своего супруга, однако ни черта хорошего из этого не вышло. Больше того — ей отказали от места, не велели больше носить молока во избежание дальнейших скандалов и драм.

Так за пять червонцев скупая и корыстная молочница потеряла своего красивого, интеллигентного супруга.

СТОРОЖ

Один знакомый парнишка рассказал мне эту занятную историю. Только, к сожалению, я позабыл название села, где развернулись все эти события. Не то Кривючи, не то Кривуши. Где-то, одним словом, недалеко от Пскова.

Так вот была в этом селе церковь «Никола-на-могильцах». Ну, такое у ней было название. Не могу вам объяснить, отчего она так называлась.

И вот при этой церкви «Никола-на-могильцах» находился сторож некто Морозов.

И вот стало известно во Пскове, что этого сторожа нещадным образом эксплоатируют. Держат его без страховки, без жалованья и без выходных дней. Ну, там, может, кинут ему, как собаке, рубля три в месяц и живи как хочешь.

Но между прочим сам сторож не жаловался. В довершение всего это был религиозный старик и при церкви находился вроде как бы по призванию. Ну, что ли, ему нравилось быть церковным сторожем. Это, что ли, отвечало его религиозным запросам. Однако от этого картина эксплоатации не менялась.

И, значит, отрядили в эту деревню, в это село Кривуши легкую кавалерию. Отрядили трех ребят-комсомольцев обследовать, как и чего и верно ли, что сторожу жалованья не платят.

Вот прибыли ребята на село и взяли сторожа в оборот. Мол, как обстоят дела? И, небось, вам жалованья не платят, поскольку вы не застрахованы. Ну, а если это так, то можете с них потребовать за все проработанное время.

Очень от этих слов взволновался старикан.

— То есть, говорит, как, позвольте, понимать ваши слова? Значит, я могу с них деньги потребовать?

Да, говорят, можете требовать разницу. И если вам, для примеру, кидали по пятерке, то можете получить остальное, сколько не хватало до ставки.

— А сколько эта ставка?

— Рублей наверное 20 или 18.

— И за три года я могу получить?

— Да, говорят, можете. Сколько вам платили?

Тут, значит, у сторожа психология надвое раздвоилась.

С одной стороны, очень уж ему захотелось деньжонок хапнуть. С другой стороны, как будто бы неловко церковь под удар подводить. Ну, скажи он: трешку платят. И сразу невиданная сумма перейдет в его карман. А с другой стороны — неловко, срамота, религиозное чувство страдает и вообще для церкви непоправимый удар.

Очень стал старикан мучиться, волноваться, бо-

роденку свою зубами кусать. Начал чего-то бормотать, карман наружу выворачивать.

После все-таки деньги перетянули.

— Да, говорит, безусловно, какая же от них плата. Рубля три отвалят и, значит, цельный месяц кушай кошкин навоз. Они завсегда рады чью-нибудь шкуру содрать.

Кавалерия говорит:

— Очень великолепно! Сейчас составим акт и двинем дело под гору.

Сторож говорит:

— Да уж будьте милостивцы! Пущай с них деньги сдерут. Три года им дарма храм стерег. Неинтересно получается.

Вот кавалерия уехала и вскоре после этого попу представили иск на 280 рублей.

Чего тут было — описать перу нету возможности. Были скандалы, волнения, крики и форменная неразбериха.

Однако делать нечего. Пришлось сторожа застраховать и пришлось ему понемногу выплачивать.

А, надо сказать, все это было в аккурат под самую пасху.

Тут, значит, идет разное богослужение, церковный звон, исповедь и тому подобная религиозная волынка. И, значит, наряду с этим такой скандал.

И вот последнюю неделю поста во время исповеди сторож Морозов пришел с измученной душой к попу исповедываться. И наряду с другими прихожанами стал скромненько в очередь.

Поп, конечно, его увидел, вышел из-за ширмы и так ему говорит:

— Я тебя, Морозов, исповедывать не буду. Отойди с богом в сторону. Ты мне храм начисто разорил, и не будет тебе никакой исповеди и прощения!

Сторож говорит:

— Батюшка, это есть гражданское дело по советским законам, а исповедь есть вроде как религия, и вы не можете мне отказать в этом, поскольку происходит отделение церкви от государства.

Поп говорит:

— Уйди, я тебя не буду исповедывать! Откажись от своих нахальных претензий — и тогда другой разговор.

Очень они тут оба взволновались, начали срамить друг друга.

Сторож говорит:

— Ну, не хочешь, — не надо. Пес с тобой! И поскольку церковь не одна, то я могу в другой приход сходить. А только мне без исповеди нельзя, — меня грехи мучают.

Взял лошадь и поехал за 16 верст.

Теперь получилась такая картина. Сторож Морозов служит при этой церкви. Однако в этом храме он ничего религиозного себе не дозволяет. Даже не крестится и демонстративно ходит в шапке.

А молиться и за другими мелкими религиозными делишками ездит в соседний приход. Так сердечный и живет, не бросая религию. Пущай его.

ПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Презабавная история произошла со мной на транспорте этой осенью.

Конечно, эта история, как бы сказать, не бичует разные темные стороны нашей жизни и не откликается на урожай, на отсутствие тары и так далее и тому подобное. А просто в ней говорится, чего со мной этим летом произошло.

Хотя, с другой стороны, прочитавши этот рассказ, можно, безусловно, заклеймить порядочки и вообще железнодорожную администрацию, зачем она допускает такие прискорбные факты. Так что, вообще говоря, эта сатира не совсем беззубая. Она кое-кого кусает и кое-кого призывает к порядку.

Тем более, действительно, нельзя же допускать подобные обстоятельства. Что вы, что вы!

А ехал я, конечно, в Москву. Из Орловской губернии. Я там был в одном совхозе. Поглядел, как и чего там делается.

Действительно верно, очень грандиозные картины наблюдаются. Тракторы ходят взад и вперед. Всюду на сегодняшний день пшеница поспевает. Овес так и растет из-под земли.

Но, конечно, не об этом речь.

А сажусь я в поезд на своей станции «Петровская», чтобы, конечно, после незабываемых картин природы следовать в Москву.

И вот, подходит почтово-пассажирский поезд в 6. 45 вечера.

Сажусь в этот поезд.

Народу не так чтобы безобразно много. Даже, в крайнем случае, сесть можно.

Прошу потесниться. Сажусь.

И вот гляжу на своих попутчиков.

А дело, я говорю, к вечеру. Не то чтобы темно, но темновато. Вообще сумерки. И огня еще не дают. Провода экономят.

Так вот гляжу на окружающих пассажиров и вижу—компания подобралась довольно славная. Такие все, вижу, симпатичные, не надутые люди.

Один такой без шапки, длинногривый субъект, но не поп. Такой вообще интеллигент в черной тужурке.

Рядом с ним — в русских сапогах и в форменной фуражке. Такой усатый. Только не инженер. Может быть, он сторож из зоологического сада или агроном. Только — видать — очень отзывчивой души человек. Он держит своими ручками перочинный ножик и этим ножиком нарезает антоновское яблоко на кусочки и кормит своего другого соседа — безрукого. Такой с ним рядом, вижу, безрукий гражданин едет. Такой молодой пролетарский парень. Без обеих рук. Наверное, инвалид труда. Очень жалко глядеть.

Но он с таким аппетитом кушает. И, поскольку у него нету рук, тот ему нарезает на дольки и подает в рот на кончике ножа.

Такая, вижу, гуманная картинка. Сюжет, достойный Рембрандта.

А напротив них сидит немолодой седоватый мужчина в черном картузе. И все он, этот мужчина, усмехается.

Может, до меня у них какой-нибудь слишком забавный разговор был. Только, видать, этот пассажир все еще не может остыть и все хохочет по временам: «Хее и хее!»

А очень меня заинтриговал не этот седоватый, а тот, который безрукий. Такой, вижу, молодой, а уж безрукий.

И гляжу я на него с гражданской скорбью и очень меня подмывает спросить, как это он так опростоволосился и на чем конечности потерял. Но спросить неловко.

Думаю, привыкну к пассажирам, разговорюсь и после спрошу.

Стал посторонние вопросы задавать усатому субъекту, как более отзывчивому, но тот отвечает хмуро и с неохотой.

Только вдруг в разговор со мной ввязывается первый интеллигентный мужчина, который с длинными волосами.

Чего-то он до меня обратился, и у нас с ним завязался разговор на разные легкие темы и за жизнь — куда едете, почем капуста и есть ли у вас жилищный кризис на сегодняшний день.

Он говорит:

— У нас жилищного кризиса не наблюдается. Тем более мы проживаем у себя в усадьбе, в поместье.

— И что же, говорю, вы комнату имеете или как, угол?

— Нет, говорит, зачем комнату. Берите выше. У меня шестнадцать комнат, не считая, безусловно, людских, сараев и так далее.

Я говорю:

— Что ж, говорю, вас не выселили в революцию, или это есть совхоз?

— Нет, говорит, это есть мое родовое поместье, особняк. Да вы, говорит, приезжайте ко мне. Я еще довольно роскошно живу. Иногда вечера устраиваю. Кругом у меня фонтаны брызжут. Симфонические оркестры поминутно собачьи вальсы играют...

— Что же вы, говорю, я извиняюсь, арендатор будете или вы есть частное лицо?

— Да, говорит, я частное лицо. Я помещик.

— То есть, говорю, как вас, позвольте, понимать? Вы есть бывший помещик? То есть, говорю, пролетарская революция смела же вашу категорию. Я, говорю, извиняюсь, мне чего-то не разобраться в этом деле. Может быть, у вас дарственное имение за особые заслуги перед революцией?

Он говорит:

— Ну да, безусловно, за особые заслуги... Да вы приезжайте — увидите. Ну, хотите, — сейчас заедем ко мне? Очень, говорит, роскошную жизнь встретите. Поедем.

Что, думаю, за чорт! Поехать, что ли, поглядеть, как это он сохранился сквозь пролетарскую революцию. Или он брешет.

Тем более—вижу—седоватый мужчина смеется. Все хохочет: «Хее и хее!»

Только я хотел сделать ему замечание за неуместный смех, а который усатый, который раньше нарезал яблоко, отложил свой перочинный нож на столик, дожрал остатки и говорит мне довольно громко:

— Да вы с ними перестаньте разговор поддерживать. Это психические.

Тут я поглядел на всю честную компанию и вижу — батюшки мои! Да ведь это, действительно, ненормальные едут со сторожем. И который длинноволосый — ненормальный. И который все время хохочет. И безрукий тоже. На нем просто смирительная рубашка надета—руки скручены. И сразу не разобрать, что он с руками. Одним словом, едут ненормальные. А этот усатый — ихний сторож. Он их перевозит.

Гляжу я на них с бесспокойством и нервничаю— еще, думаю, чорт их побери, задушат, раз они есть психические и не отвечают за свои поступки!

Только вдруг — вижу — один ненормальный с черной бородой, мой сосед, поглядел своим хитрым глазом на перочинный ножик и вдруг — хватает его в руку.

Тут у меня сердце екнуло, и мороз по коже прошел. В одну секунду я вскочил, навалился на бородатого и начал у него ножик отбирать.

А он отчаянное сопротивление мне оказывает. И прямо меня норовит укусить своими бешеными зубами.

Только вдруг усатый сторож меня назад оттягивает.

— Чего вы, говорит, на них навалились, как вам, право, не совестно! Это ихний ножик. Это не психический пассажир. Вот эти трое — да, мои психические. А этот пассажир просто едет, как и не вы. Мы у них ножик одалживали — попросили. Это ихний ножик. Как вам не совестно!

Которого я подмял, говорит:

— Я же им ножик давай, они же на меня и накидываются! Душат за горло! Благодарю — спасибо! Какие странные поступки с ихней стороны!

Я говорю:

— Я извиняюсь, я думал — вы психический.

— Вы, говорит, думали! Думают индейские петухи! .. Чуть, сволочь, не задушил за горло.

Тут, слегка побранившись, мы вскоре поиехали на станцию «Игрень», и наши психические со своим проводником вышли. И вышли они довольно в строгом порядке. Только что «безрукого» пришлось слегка подталкивать.

А после кондуктор нам сказал, что на этой станции «Игрень» как раз имеется дом для душевнобольных, куда довольно часто возят таких психических. И что как же их еще возить? Не в собачьей теплушке же? Обижаться нечего.

Да я, собственно, и не обижаюсь. Глупо, конечно, произошло, что разговорился, как дурак, но ничего!

А вот которого я подмял, тот, действительно, обиделся. Он долго глядел на меня хмуро и следил за моими движениями. А после, не ожидая от меня ничего хорошего, перешел с вещами в другое отделение.

Пожалуйста!

ДАМА С ЦВЕТАМИ

Вот, знаете, до чего дошло — напишешь на серьезную тему не такой слишком смешной рассказ, а уж публика обижается.

— Мы, говорят, хотели веселенькое почитать, а тут про чего-то научное нацарапано. Так нельзя! Фамилия автора должна отвечать сама за себя.

Так что приходится теперь всякий раз извиняться, если чего-нибудь не так и если, скажем, темка взята не такая чересчур смехотворная.

Другой раз бывают такие малосмешные темки, взятые из жизни. Так какая-нибудь драка, мордобой, безобразное убийство или имущество свистнули.

Тут, действительно, много не посмеешься и не посмешишь почтеннейшую публику. И рад бы, так сказать, обслужить читателя с этой стороны, да обстановка не дозволяет.

Или, например, этот рассказ. Определенно печальный. Про то, как одна интеллигентная дама потонула.

Так сказать, смеха с этого факта не много можно собрать.

Так что покорнейшая просьба извинить автора

за его нахальство и за то, что он хватается за такие слишком грустные полунаучные описания.

Ну, как-нибудь потерпите на этот раз, а там в дальнейшем можно будет расстараться и снова дурака валять.

Хотя, надо сказать, что и в этом рассказе будут некоторые смешные положения. Сами увидите.

Конечно, я не стал бы затруднять современного читателя таким не слишком бравурным рассказом, но уж очень, знаете, ответственная современная темка. Насчет материализма.

Одним словом, это рассказ насчет того, как однажды через несчастный случай окончательно выяснилось, что всякая мистика, всякая идеалистика, разная неземная любовь и так далее и тому подобное есть форменная брехня и ерундистика. И что в жизни действителен только настоящий материальный подход и ничего, к сожалению, больше.

Может быть, это чересчур грустным покажется некоторым отсталым интеллигентам и академикам, может быть, они через это обратно поскулят, но, поскуливши, пущай окинут взором свою прошедшую жизнь и тогда увидят, сколько всего они накрутили на себя лишнего.

Так вот дозвольте старому грубоватому материалисту, окончательно после этой истории поставившему крест на многие возвышенные вещи, рассказать эту самую историю. И дозвольте еще раз извиниться, если будет не такой сплошной смех, как хотелось бы.

Тем более, повторяем, какой уж там смех, если

одна дама потонула. Она потонула в реке. Она хотела итти купаться. И пошла по бревнам. Там на реке у берега были гонки. Такие плоты. И она имела обыкновение итти по этим бревнам подальше от берега для простору и красоты и там купаться. И, конечно, потонула.

Но дело не в этом.

А в деревне Отрадное по реке Неве приехал в этом году на дачу некто такой инженер Николай Николаевич Горбатов.

Он — инженер технолог или путеец. Одним словом, у него на форменной фуражке какой-то производственный значок — напильник и еще чего-то такое. Но не в этом суть.

Весной в этом году приехал в Отрадное этот инженер со своей молодой супругой Ниной Петровной.

Ничего такого особенного в ней не наблюдалось. Так, дама и дама. Черненькая такая, пестренькая. Завсегда в ручках цветы. Или она их держит или нюхает. И, конечно, одета очень прекрасно.

Несмотря на это, инженер Горбатов ее до того любил, что было удивительно наблюдать.

Действительно верно, он ничего другого от жизни не имел и никуда не стремился. Он общественной нагрузки не нес. Он физкультурой не занимался. Статей не писал. И вообще, надо откровенно сказать, он избегал общественной жизни.

Он не попал в ногу с современностью. Ему было, конечно, лет сорок, и он весь был в своем прошлом.

Ему, одним словом, нравилась прошлая буржуазная жизнь с ее разными подушечками, консоме и так далее.

А в настоящей текущей жизни он ничего, кроме грубого, не видел и свою личность от всего отворачивал.

И, поскольку она — супруга и не выдаст его, он рассказывал ей свои разные реакционные мысли и взгляды:

— Я, говорит, человек глубоко интеллигентный, мне, говорит, доступно понимание многих мистических и отвлеченных картин моего детства. И я, говорит, не могу удовлетвориться той грубой действительностью, спецеедством, сокращением, квартирной платой и так далее. Я, говорит, воспитан на многих красивых вещах и безделушках, понимаю тонкую любовь и не вижу ничего приличного в грубых объятиях и так далее и тому подобное.

И вот, в силу всего этого, он оторвался от масс и окончательно замкнулся в свою семейную жизнь и в свою любовь к этой своей милочке с цветочками.

А она, безусловно, соответствовала своему назначению.

И, поскольку она была его супругой, она в тон ему пела, со всем таким соглашалась и чересчур горевала о прежней жизни.

Одним словом, это была поэтическая особа, способная целый день нюхать цветки и настурции или сидеть на бережку и глядеть вдаль, как будто там чего-нибудь имеется определенное — фрукты или ливерная колбаса.

Вот, значит, такие это были супруги со своей любовью.

Про нее нельзя сказать, чтоб она его чересчур любила и обожала, но он, действительно, глаз с нее не сводил. Утром он уезжает на пароходе, а она, в своем миленьком пеньюаре, спешит его провожать на своих тонких интеллигентских ножках. Он ее за локоток придерживает, чтоб, боже сохрани, она ножки себе не вывихнула. И чего-то ей щебечет, воздушные поцелуи с парохода посылает. Одним словом, противно глядеть.

Вот он уехал, а она села и сидит, что дура, мечтает про разные отвлеченные вещи. Ну, пойди постирай, если не хочешь физкультурой заняться. Или пойди тому же своему Горбатову кровать прибери. Нет! Сидит и сидит. И кушать не просит. Зато потом, наверное, легко растерялась со своими мечтами и не могла через это на сушу выбраться.

Ну, постольку, поскольку она уже потонула, не будем тревожить ее память разными оскорбительными замечаниями.

Так вот, часов около семи Горбатов приезжал обратно с места своей службы. Он приезжает с места службы и спешит увидеть свою голубку.

Он первый прыгает с парохода. И чего-нибудь несет в своих руках. Или там гостинцы, или там трусики ей, или какой-нибудь новенький бюстгальтер.

Он дарит ей тут же и сам ее по спинке хлопает, дурачится, обнимает. Чего ему! Он, главное, никакой общественной нагрузки не несет и весь за-

мкнулся в свой горизонт и в свои нежные переживания.

Ну, она посмотрит, чего он принес, нахмурит носик и идет на своих тонких ножках.

Только, одним словом, она потонула. Очень, конечно, жалко, вполне прискорбный факт, но вернуть ее к жизни, тем более с нашей медициной, невозможно.

Конечно, занимайся она в свое время хотя бы зарядовой гимнастикой, она нашлась бы в самый последний момент и выплыла бы. А тут со своими цветами окунулась и враз пошла ко дну, не сопротивляясь природе.

Тем более, она шла по скользким бревнам. Она всегда по этим бревнам ходила купаться. А тут пошла после дождя на своих французских каблучках и свалилась. Только-что трусички остались на плоту.

А, может быть, она и нарочно в воду сунулась. Может, она жила, жила с таким отсталым элементом и взяла и утонула. Тем более, может быть, он заморочил ей голову своей мистикой.

Но только, конечно, вряд ли. Скорей всего, если объяснить психологически, она поскользнулась на бревнах и потонула.

Конечно, не будем чересчур расстраивать читателей художественным описанием дальнейших событий. Скажем только, что инженер Николай Николаевич чрезвычайно убивался и страдал от этого факта! Он валялся на берегу, рыдал, и все такое, но его подруга погибла безвозвратно и даже ее

тело не могли найти. И от этого инженер тоже чересчур страдал и расстраивался.

— Если бы, — говорил он своей хозяйке, — она нашлась, я бы больше успокоился. Но, говорит, такая жуткая подробность, что ее не нашли, совершенно меня ослабляет. И, я, говорит, через это ночи не сплю и все про нее думаю. Тем более, я ее любил совершенно неземной любовью и мне, говорит, только и делов сейчас, что найти ее, приложиться к ее праху и захоронить ее в приличной могилке и на ту могилку каждую субботу ходить, чтобы с ней духовно общаться и иметь с ней потусторонние разговоры.

Так он сказал, настриг листочков и на этих листочках написал крупным шрифтом — мол, нашедшему тело и так далее будет дано крупное вознаграждение в размере тридцати рублей и тому подобное.

И эти записульки он расклеил по всей деревне и по рыбацкому поселку.

Только проходит месяц — безрезультатно. Очень многие ее ищут кошками, баграми и так далее, но почему-то найти не могут.

А он, голубчик инженер Горбатов, ходит все время сторонкой, ни с кем не здоровается и только у него и делов, что ожидает — не найдут ли его подругу.

Конечно, никакое горе особенно долго не может продолжаться. В этом отношении наш организм дивно устроен. И самая кошмарная драма слишком скоро забывается и почти ничего от нее не остается.

Так что горе инженера немножко тоже поутихло. Хотя он и продолжал горевать, считая, что его крупная любовь останется с ним навеки.

И, горюя, он не переехал с дачи, а продолжал ежедневно ездить, не желая расставаться с дорогими местами.

И вот, в начале сентября, рыбаки отыскали ее тело. Ее течением отнесло верст на пять и прибило к берегу.

Ну, приезжают к инженеру два рыбака и докладывают — мол, осмотрите, надо опознать и в случае чего с вас приходится.

Ах, он очень засуетился, побледнел, заторопился в своих движениях, сел в лодку и поехал с рыбаками.

Не будем особенно сгущать краски и описывать психологические подробности, скажем только, что инженер Горбатов тут же на берегу подошел в своей бывшей подруге и остановился подле нее. Кругом рыбаки, конечно, стоят молча и глядят на него, чего он скажет — признает ли он или не признает, тем более, признать было, конечно, затруднительно — время и вода сделали свое черное дело. И даже грязные тряпки от костюма были теперь мало похожи на что-нибудь такое приличное, на бывший прекрасный костюм. Не говоря уже про лик, который был тем более попорчен временем.

Тогда один из рыбаков, не желая, конечно, терять понапрасну драгоценное времечко, говорит — дескать, ну, как? Она? Если не она, так давайте, граждане, разойдемся, чего стоять понапрасну!

Инженер Горбатов наклонился несколько ниже, и тут полная гримаса отвращения и брезгливости передернула его интеллигентские губы.

Носком своего сапожка он перевернул лицо утопленницы и вновь посмотрел на нее.

После он наклонил голову и тихо прошептал про себя:

— Да... это она!

Снова брезгливость передернула его плечи. Он повернулся назад и быстро пошел к лодке.

Тут рыбаки начали на него кричать — мол, а деньги, деньги, мол, посулил, а сам тигаля дает, а еще бывший интеллигент и в фуражке!

Горбатов, конечно, без слова вынимает деньги и подает рыбакам и прибавляет еще пять целковых с тем, чтобы они захоронили эту даму на здешнем кладбище.

И после этого Н. Н. Горбатов уехал в Отрадное, а оттуда в Ленинград.

А недавно его видели — он шел по улице с какой-то дамочкой. Он вел ее под локоток и что-то такое вкручивал.

Так вот и вся история.

Память утонувшей и глубокую неземную любовь к ней со стороны инженера почтим вставанием и перейдем к текущим делам. Тем более, время не такое, чтоб подолгу задерживаться на утонувших гражданах и подводить под них всякую психологию, физиологию и тому подобное.

ПРОИСШЕСТВИЕ

Конечно, об чем может быть речь — дети нам крайне необходимы.

Государство без них не может так гладко существовать. Они нам — наша смена. Мы на их надеемся и расчеты на их строим.

Тем более, взрослые не так легко могут расстаться со своими мещанскими привычками. А детишки, может быть, подрастут и определенно выравняют нашу некультурность.

Так-что в этом отношении детей мы прямо на руках должны носить и пыль с них сдувать и носики им сморкать. Невзирая на то — это наш ребенок или ребенок чужой и нам посторонний.

А только этого как-раз мало наблюдается в нашей жизни.

Нам вспоминается одно довольно оригинальное событие, которое развернулось на наших глазах в поезде, недоезжая Новороссийска.

Которые были в этом вагоне, те почти все в Новороссийск ехали.

И едет, между прочим, в этом вагоне среди других такая вообще бабочка. Такая молодая женщина с ребенком.

У нее ребенок на руках. Вот она с ним и едет.

Она едет с ним в Новороссийск. У нее муж, что ли, там служит на заводе. Вот она к нему и едет.

И вот она едет к мужу. Все как полагается: на руках у ней малютка, на лавке узелок и корзинка. И вот она едет в таком виде в Новороссийск.

Едет она к мужу в Новороссийск. А у ей малютка на руках очень такой звонкий. И орет и орет все равно, как оглашенный. Он, видать, хворает. Его, как оказалось, в пути желудочная болезнь настигла. Или он покушал сырых продуктов или чего-нибудь выпил, только его в пути схватило. Вот он и орет.

Одним словом — малютка. Он не понимает, что к чему и зачем у него желудочек страдает. Ему сколько лет? Ему, может быть, три года или там два. Не наблюдая детей в частной жизни, затруднительно определить, сколько этому предмету лет. Только он, видать, пионер. У него такой красный нагрудничек повязан.

И вот едет эта малютка со своей мамой в Новороссийск. Они едут, конечно, в Новороссийск, и как на зло в пути с ним случается болезнь.

И по случаю болезни он каждую минуту вякает, хворает и требует до себя внимания. И, конечно, не дает своей мамаше ни отдыху, ни сроку. Она с рук его два дня не спущает. И спать не может. И чаю не может попить.

И тогда перед станцией Лихны она, конечно, обращается до пассажиров:

— Я, говорит, очень извиняюсь, — поглядите за моим крошкой. Я побегу на станцию Лихны, хотя

бы супу покушаю. У меня, говорит, язык к глотке прилипает. Я, говорит, ну, прямо не предвижу конца. Я, говорит, в Новороссийск еду до своего мужа.

Пассажиры, конечное дело, стараются не глядеть, откуда это говорится, отворачиваются, дескать, еще чего: то орет и вякает, а то еще возись с ним! Еще, думают, подкинет. Смотря какая мамаша. Другая мамаша очень просто на это решится.

И, значит, не берутся.

А едет в вагоне, между прочим, один такой гражданин. Он, видать, городской житель. В кепочке и в таком международном прорезиненном макинтоше. И, конечно, в сандалиях.

Он так обращается до публики:

— То-есть, говорит, мне тошно на вас глядеть. То есть, говорит, что вы за люди — я прямо дивуюсь! Нельзя, говорит, граждане, иметь такой слишком равнодушный подход. Может, на наших глазах мать покушать затрудняется, ее малютка чересчур сковывает, а тут каждый от этих общественных дел морду отворачивает. Это, ну, прямо ведет к отказу от социализма!

Другие говорят:

— Вот ты и погляди за крошкой! Какой нашелся бродяга — передовые речи в спальном вагоне произносит!

Он говорит:

— И хотя я есть человек холостой и мне спать хочется и вообще не мое дело в крайнем случае за

это самое браться, но я не имею такого бесчувствия в детском вопросе.

И берет он малютку на руки, качает его и пальцем его забавляет.

Конечно, молодая женщина очень горячо его благодарит и на станцию Лихны сходит.

Уходит она на эту станцию в буфет и долго не является. Поезд стоит десять минут. Эти десять минут проходят, и уже дается сигнал. И дежурный махает красной шапкой. А ее нету...

И уже дергается состав, и поезд бежит по рельсам, а молодой матери нету.

Тогда происходят разные сцены в вагоне. Которые открыто хохочут, которые хватаются за тормоза и хотят состав остановить.

А сам, который в сандалиях, сидит побледневший, как сукин сын, и спать больше не хочет.

Он держит малютку на своих коленях и разные советы слушает.

Ну, один, конечно, советует телеграмму за свои деньги дать, другие, напротив того, говорят: «Довезите до Новороссийска и сдайте в ГПУ. А если там малютку не примут, то усыновите в крайнем случае».

А малютка, между тем, вякает, хворает и с рук нипочем не уходит.

И вот проходит отчаянных два часа, и поезд, конечно, останавливается на большой станции. Который в сандалиях берет свою малютку и хочет пойти на платформу в ГПУ. Только вдруг молодая мамаша в вагон вкатывается.

— Я, говорит, извиняюсь! Я как горячего супу покушала, так меня сразу и разморило, я и зашла в тот соседний вагон и маленько подзаснула. Я, говорит, два дни не спавши.

И берет она своего крошку и снова его няньчит.

Который в сандалиях говорит:

— Довольно неаккуратно так поступать, гражданка! Но раз вы поспали, то я вхожу в ваше положение. Дети нам — наша смена, — я не против за ними поглядеть.

Тут в вагоне происходит веселый смех. И все кончается к общему благополучию.

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

Это маленькое незаметное происшествие случилось на станции «Ряжи».

Там наш поезд остановился минут на десять, поджидая встречного.

Вот наш поезд остановился. Посыпалась, конечно, публика в вагоны. А среди них, семеня ножками, видим, протискивается один такой немолодой уже гражданин с мешком за плечами.

Это был такой довольно затюканный интеллигентик. Такие у него были усишки висячие, как у Максима Горького. Кожица на лице такая тусклая. Ну, сразу видать — человек незнаком с физкультурой и вообще, видать, редко посещает общие собрания.

Вот он спешит по платформе к вагону. А на спине у него довольно-таки изрядный мешок болтается. И чего в этом мешке — пока неизвестно. Но поскольку человек спешит из деревенского района, то можно заключить, что в мешке не еловые шишки лежат, а пшеница, или там сало, или, скорей всего, мука, поскольку с мешка сыплется именно эта самая продукция.

Помощник дежурного по станции оглядел вверенных ему пассажиров и вдруг видит такой прискорбный факт — мешочник.

Вот он мигнул агенту, — мол, обратите внимание на этого субъекта. И, поскольку в связи с уборкой урожая спекулянты и мешочники закопошились и начали хлеб вывозить, так вот — не угодно ли — опять факт налицо.

Агент дежурному говорит:

— То есть наглость этих господ совершенно не поддается описанию. Каждый день сорок или пятьдесят спекулянтов вывозят отсюда драгоценное зерно. То есть на это больно глядеть.

Тем временем наш интеллигентик покрякивая взобрался в вагон со своим товаром. Сел и, как ни в чем не бывало, засунул свой мешок под лавку. И делает вид, что все спокойно, — он, изволите видеть, в Москву едет.

Дежурный агенту говорит:

— Позвольте, позвольте, я где-то этого старикана видел. Ну да, говорит, я его тут на прошлой неделе видел. Он, говорит, по платформе колбасился и какие-то мешки и корзинки в вагон нагружал.

Агент говорит:

— Тогда надо у него удостоверение личности потребовать и поглядеть его поклажу.

Вот агент с дежурным по станции взошли в вагон и обращаются до этого интеллигентика: мол, будьте добры, прихватите свой мешочек и будьте любезны за нами следовать.

Пассажир, конечно, побледнел, как полотно. На-

чал чего-то такое лопотать, за свой карманчик хвататься.

— Позвольте, говорит, в чем дело? Я в Москву еду. Вот мои документы. Я есть доктор медицины.

Агент говорит:

— Все мы доктора! Тем не менее, говорит, будьте любезны без лишних рассуждений о высоких материях слезть с вагона и проследовать за нами в дежурную комнату.

Интеллигент говорит:

— Но, позвольте, говорит, скорей всего поезд сейчас тронется. Я запоздать могу.

Дежурный по станции говорит:

— Поезд еще не сейчас тронется. Но на этот счет вам не приходится беспокоиться. Тем более, у вас скорей всего мало будет шансов ехать именно с этим поездом.

Начал наш пассажир тяжело дышать, за сердечишко свое браться, пульс щупать. После видит — надо исполнять приказание. Вынул из-под лавки мешок, нагрузил на свои плечики и последовал за дежурным.

Вот пришли они в дежурную комнату.

Агент говорит:

— Не успели, знаете, урожай собрать, как эти форменные гады обратно закопошились и мешками вывозят ценную продукцию. Вот шлепнуть бы, говорит, одного, другого, и тогда это начисто заглохнет. Нуте, говорит, развяжи мешок и покажи, чего там у тебя внутри напихано.

Интеллигент говорит:

— Тогда, говорит, сами развязывайте. Я вам не мальчик мешки расшнуровывать. Я, говорит, из деревни еду и мне, говорит, удивительно глядеть, чего вы ко мне прилипаете.

Развязали мешок. Развернули. Видят, поверх всего каравай хлеба лежит.

Агент говорит:

— Ах, вот, говорит, какой ты есть врач медицины! Врач медицины, а у самого хлеб в мешках понапихан. Очень великолепно! Вытрусите весь мешок!

Вытряхнули из мешка всю продукцию, глядят — ничего такого нету. Вот бельишко, докторские подштанники. Вот пикейное одеяльце. В одеяльце завернут ящик с разными докторскими щипцами, штучками и чертовщинками. Вот еще пара научных книг. И больше ничего.

Оба два администратора начали весьма извиняться. Мол, очень извините и все такое. Сейчас мы вам обратно все в мешок запихаем и, будьте любезны, поезжайте со спокойной совестью.

Доктор медицины говорит:

— Мне, говорит, все это очень оскорбительно. И поскольку я послан с ударной бригадой в колхоз, как доктор медицины, то мне, говорит, просто неинтересно видеть, как меня спихивают с вагона чуть не под колесья и роются в моем гардеробе.

Дежурный, услыхав про колхоз и ударную бригаду, прямо даже затрясся всем телом и начал интеллигенту беспрестанно кланяться. Мол, будьте так добры, извините. Прямо это такое печальное

недоразумение. Тем более, нас мешок ввел в заблуждение.

Доктор говорит:

— Что касается мешка, то мне, говорит, его крестьяне дали, поскольку моя жена, другой врач медицины, выехала из колхоза в Москву с чемоданом, а меня, говорит, еще на неделю задержали по случаю эпидемии остро-желудочных заболеваний. А жену, говорит, может быть, помните, на прошлой неделе провожал и помогал ей предметы в вагон носить.

Дежурный говорит:

— Да, да, я чего-то такое вспоминаю.

Тут агент с дежурным поскорей запихали в мешок чего вытряхнули, сами донесли мешок до вагона, расчистили место интеллигенту, прислонили его к самой стеночке, чтоб он, утомленный событиями, боже сохрани, не сковырнулся во время движения, пожали ему благородную ручку и опять стали сердечно извиняться.

— Прямо, говорят, мы и сами не рады, что вас схватили. Тем более, человек едет в колхоз, лечит, беспокоится, лишний месяц задерживается по случаю желудочных заболеваний, а тут наряду с этим такое неосмотрительное канальство с нашей стороны. Очень, говорят, сердечно извините!

Доктор говорит:

— Да уж ладно, чего там! Пущай только поезд поскорей тронется, а то у меня на вашем полустанке голова закружилась.

Дежурный с агентом почтительно поклонились и

вышли из вагона, рассуждая о том, что, конечно, и среди этой классовой прослойки — не все сукины дети. А вот некоторые, не щадя своих знаний, едут во все места и отдают свои научные силы народу.

Вскоре после этого наш поезд тронулся.

Да перед тем как тронуться, дежурный лично смотался на станцию, приволок пару газет и подал их интеллигенту.

— Вот, говорит, почитайте в пути, неравно заскучаете.

И тут раздался свисток, гудок, дежурный с агентом взяли под-козырек и наш поезд самосильно пошел.

НЯНЯ

Очень возмутительное дело произошло на этих днях на наших ленинградских улицах.

Тут такие супруги Фарфоровы имели няню. Они взяли ее до своего ребенка. Они сами не могли своему ребенку обеспечить уход и ласку. Они оба-два служили на производстве.

Сам Серега Фарфоров служил. И она служила. Он рублей, может, шестьдесят брал. И она не менее полста огребала.

И вот при такой ситуации у них происходит рождение ребенка.

Родился у них ребенок, как таковой, и, конечно, пришлось до него взять няню. А то бы, конечно, они не взяли.

А тут тем более выгодней иметь няню, чем самой мадам Фарфоровой покинуть место службы и удалиться с производства.

И вот, конечно, определилась к ним няня.

Не очень такая старая и не очень такая молодая. Одним словом, пожилая и довольно-таки на вид страхолюдная.

Но они нарочно такую определили, чтоб она не

шлялась и чтобы не имела личного счастья и чтобы только смотрела на ихнего младенца.

И, тем более, они взяли ее по рекомендации и через газету. Им так и сказали, — дескать, это вполне непьющий и пожилой человек.

И вот они берут себе эту няню и видят — золото, а не няня.

Тем более, она сразу полюбила ребенка. Все время с ним ходит, с рук не спущает и прямо гуляет с ним до ночи.

А Фарфоровы, являясь передовыми людьми, не перечили в этом. Они понимали, что воздух и гулянье вполне укрепляют организм ихнему младенцу. И думают: «Пожалуйста!»

И вот происходит такая ситуация.

Утром родители — на производство, а ихняя няня берет младенца, берет пузырек с коровьим молоком и идет гулять по улицам Ленинграда.

Только раз однажды идет по улице член правления Цаплин. С домкома.

Он идет по улице, думает, может, про свои интимные дела и вдруг глядит: стоит на углу довольно затрюшанная гражданка. Она стоит, как таковая, и держит при себе ребенка. И под этого ребенка просит.

Семен Михайлович Цаплин давать ей не хотел, он только просто так поглядел в ее личность. И видит — личность будто знакомая. И глядит: да, действительно это суть няня с фарфоровским ребенком.

Член правления С. М. Цаплин ничего ей на это

не сказал и вообще ни копья не подал, но повернулся и пошел обратно домой.

Неизвестно, как он дожил до вечера, но вечером говорит самому Фарфорову:

— Я, говорит, чересчур удивляюсь, уважаемый товарищ, но, говорит, или вы своей домработнице деньжат не платите, или, говорит, я не пойму такую ситуацию. А если, говорит, вы ее нарочно засылаете под ребенка просить, то вы, говорит, есть определенно чуждая прослойка в нашем пролетарском доме.

Фарфоров, конечно, говорит:

— Я извиняюсь, об чем речь?

Тогда член правления говорит про что видел.

Тут происходят разные сцены. Происходят крик и улыбки. И все выясняется.

Тогда зовут няню. Ей говорят:

— Как же так можно?

Она говорит:

— В этом пороку нету. Так ли я стою, или мне сердобольные прохожие в руку дают. Я, говорит, прямо не пойму, об чем разговор. Ребенок через это не страдает. И, может, ему даже забавно видеть такое вращение людей вокруг себя.

Тем не менее все-таки товарищ Фарфоров наорал на нее и с позором выгнал.

И вскоре после этого взял молодую девчонку.

И пока никаких эксцессов с ней еще не было.

БОЛЬНЫЕ

Человек — животное довольно странное. Нет, навряд ли оно произошло от обезьян. Старик Дарвин, пожалуй что, в этом вопросе слегка заврался.

Очень уж у человека поступки — совершенно, как бы сказать, чисто человеческие. Никакого, знаете, сходства с животным миром.

Вот, если животные разговаривают на каком-нибудь своем наречии, то навряд ли они могли бы вести такую беседу, как я давеча слышал.

А это было в лечебнице. На амбулаторном приеме. Я раз в неделю по внутренним болезням лечусь. У доктора Опушкина. Хороший такой, понимающий медик. Я у него пятый год лечусь. И ничего, болезнь не хуже.

Так вот, прихожу в лечебницу. Записывают меня седьмым номером. Делать нечего — надо ждать.

Вот присаживаюсь в коридоре на диване и жду.

И слышу — ожидающие больные про себя беседуют. Беседа довольно тихая, вполголоса, без драки.

Один такой дядя, довольно мордастый, в коротком полупальто, говорит своему соседу:

— Это, — говорит, — милый ты мой, разве у

тебя болезнь — грыжа. Это плюнуть и растереть — вот вся твоя болезнь. Ты не гляди, что у меня морда выпуклая. Я, тем не менее, очень больной. Я почками хвораю.

Сосед несколько обиженным тоном говорит:

— У меня не только грыжа. У меня легкие ослабшие. И вот еще жировик около уха.

Мордастый говорит:

— Это безразлично. Эти болезни разве могут равняться с почками!

Вдруг одна ожидающая дама в байковом платке язвительно говорит:

— Ну что ж, хотя бы и почки. У меня родная племянница хворала почками — и ничего. Даже шить и гладить могла. А при вашей морде болезнь ваша мало опасная. Вы не можете помереть через эту вашу болезнь.

Мордастый говорит:

— Я не могу помереть! Вы слыхали? Она говорит, я не могу помереть через эту болезнь. Много вы понимаете, гражданка! А еще суетесь в медицинские разговоры.

Гражданка говорит:

— Я вашу болезнь не унижаю, товарищ. Это болезнь тоже самостоятельная. Я это признаю. А я к тому говорю, что у меня, может, болезнь посерьезнее, чем ваши разные почки. У меня —рак.

Мордастый говорит:

— Ну что ж — рак, рак. Смотря какой рак. Другой рак — совершенно безвредный рак. Он может в полгода пройти.

От такого незаслуженного оскорбления гражданка совершенно побледнела и затряслась. Потом всплеснула руками и сказала:

— Рак в полгода! Видали! Ну, не знаю, какой это рак ты видел. Ишь морду-то отрастил за свою болезнь.

Мордастый гражданин хотел достойным образом ответить на оскорбление, но махнул рукой и отвернулся.

В это время один ожидающий гражданин усмехнулся и говорит:

— А собственно, граждане, чего вы тут расхвастались?

Больные посмотрели на говорившего и молча стали ожидать приема.

НЕ ДАЮТ РАЗВЕРНУТЬСЯ

Вот довольно странное психологическое явление. Скажем, за прилавком всегда обязательно мужчина работает, а за кассой определенно женщина.

И почему такое? Почему за кассой женщина? Что за странное явление природы?

Или наш брат мужик не может равнодушно глядеть на вращение денег около себя? Или он запивает от постоянного морального воздействия и денежного звона? Или еще есть какие-нибудь причины? Но только очень изредка можно увидеть нашего брата за этим деликатным денежным делом. И то это будет по большей части старый субъект вроде бабы с осоловевшими глазами и с тонким голосом.

Между прочим на этой почве разыгралась трагедия в станице «Бабинская». Это где-то у них на Кубани.

А был в этой станице универсальный кооператив «Пролетарский путь». Кстати сказать, очень отличный кооператив.

В других станичных кооперативах один и тот же работник одной ручкой деньги принимает, в другую ручку сморкается, а после за колбасу берется.

А тут, как в Европе. Даром, что не очень громадная станица, а дело поставлено шикарно.

Один колбасу стрижет. Другой, я извиняюсь, в винном отделе. А за кассой, не угодно ли, кассирша ручку вертит за те же деньги.

Скажите какие европейские данные!

Да еще заведывающий в придачу.

Заведывающий, так сказать, лакирует все ихнее дело. Он надзирает, чтоб все было без сучка, без задоринки. И слов нет, дело шло чересчур аккуратно. Никто не обижался.

Только были обиды со стороны кассирш.

Их за короткую зиму троих сменили.

Их заведывающий отставлял. Поработает барышня месяц, и ее обратно отсылают. Мол, не соответствует своему назначению.

Были, конечно, через это дамские слезы, оскорбления и разные слова, но дело не изменялось.

И оно не могло измениться. Тем более заведывающий имел на этот счет свою твердую психологию. Он иной раз говорил промежду своих ребят:

— Хотя бы, говорит, один раз нам мужчину прислали, а то все бабы и бабы. Прямо, говорит, у меня коломитно на душе становится.

Работники прилавка говорят:

— Да уж это как есть. При бабе после трудового дня и поругаться немыслимо и вообще нету такой душевной спайки.

Заведывающий говорит:

— Вот именно. Совершенно то есть неудобно. Может, я хочу после трудового дня при подсчете то-

вара не иметь на себе лишней одежды. Или, может быть, я хочу выругаться. Почем кто знает, чего я хочу. Я только знаю, что баба, хотя бы она и кассирша, совершенно меня стесняет и не дает мне творчески развернуться. Пущай бы нам мужика прислали. Мы бы с ним живо спелись.

Ну и, конечно, за зиму при таких обстоятельствах сменили трех кассирш.

Значит, снимут и ждут: вот, даст бог, из своего лагеря пришлют — кассира.

А отдел труда (или, я не знаю, откуда кассирш засылают), так отдел все барышень и барышень шлет.

И неизвестно, как долго продолжалась бы эта конвеерная система из барышень, если б не один случай.

А месяц тому назад уволили одного работника прилавка. Вот он обозлился и размотал все дело.

А заведывающий, милый человек, на допросе так сказал:

— Действительно, я троих уволил. Только я сам щадил ихнюю наивность. У меня фронтовая привычка ругаться. Когда публика, я ругаюсь мало. Но в конце дня я нервничаю и не могу сдержаться. А меня кассирша смущает. Я сознаю, что поступил неправильно, но я не хотел молодых женщин подвергать оскорблению.

Газета «Знамя труда» сообщает, что на заведывающего С. Дошевца наложено дисциплинарное взыскание.

Наверное, он теперь ругается дома.

НЕУВЯЗКА

Новый быт наступает, а многие родители еще и за ум не схватились.

Многие родители еще называют своих детишек — Коля, Петя, Андрюша и так далее.

А через двадцать лет, когда, можно сказать, засияет жизнь, такие мещанские названия, как Петя, будут прямо убийственны.

Безусловно, другие родители и рады бы сейчас давать новые имена, да, знаете, выбору маловато. Раз-два и обчелся. Да и неувязка может произойти. Как у моих знакомых.

У моих знакомых в том сезоне родился мальчик.

Родители, люди очень такие, что ли, передовые, обрадовались.

— Ага, говорят, уж в этом случае мы будем на высоте положения. Уж мы дадим ему настоящее название. Это будет не какой-нибудь Петя.

Начали они думать, как назвать. Два дня думали и глядели в календари, на третий прямо захворали. Не могут придумать подходящего красивого названия.

Вдруг приходит ихний сосед.

— Да вы, говорит, откройте любой политсловарь и хватайте оттуда какую-нибудь выдающуюся фамилию. И называйте этой фамилией свою невинную крошку.

Развернули родители словарь. Словарь впоследствии оказался «Походным политсловарем».

Видят — симпатичная, красивая фамилия — Жорес. Читают: «Вождь социалистического движения во Франции... Предательски убит из-за угла».

Думают: подходящее. Пущай мальчик будет Жорес, в честь героя Жореса. Ура!..

И назвали своего мальчика этим именем. Зарегистрировали его, конечно, и стали называть Жоря.

Вдруг приходят к ним гости. И между прочим братишка жены, комсомолец Паша К — ов.

Паша говорит:

— Да, говорит, имячко вы дали довольно странное, если не сказать больше...

И сам усмехается.

— А что? — говорят.

— Да как же, говорит. Жорес, говорит, хотя и был социалистом, но он был врагом коммунизма. Он деятель II интернационала. Он вроде как меньшевик. Ну и дали вы имячко, поздравляю, милые родители!

Тут родители растерялись. Развернули словарь — социалист. На Пашку поглядят — Пашка усмехается.

Начали родители огорчаться. Начали ахать и за мальчика своего хвататься.

Мамаша говорит:

— Это такая неувязка произошла. Хорошо, что сын маленький, а то бы ему неловко было такое меньшевистское название иметь.

Отец говорит:

— Надо завтра побежать в ЗАГС — поменять имя. Пущай назовем хотя бы Магний.

И, значит, на другой день побежала мамаша со своим младенцем в ЗАГС.

— Так и так, говорит, будьте любезны, а то прямо скандал...

Там ей отвечают:

— Очень, говорят, печально, но, говорят, по закону запрещается менять имена и фамилии до 18 лет. Пущай ваш мальчик зайдет через 17 лет в понедельник, от 2 до 3, тогда будет можно.

Так и не разрешили.

А родители убиваются. Хотя и не теряют надежды.

А надежды терять не надо.

Надо полагать, что какая-нибудь крупная инстанция все же разрешит это досадное недоразумение.

ЧЕСТНОЕ ДЕЛО

Вот некоторые, конечно, специалистов поругивают, — дескать, это вредители, спецы и так далее.

А я, например, особенно худых специалистов не видел. Не приходилось.

Наоборот, которых встречал, все были такие милые, особенные.

Как, например, этим летом.

У нас из коммунальной квартиры выехала на дачу одна семья. Папа, мама и ихнее чадо.

Ну, выехали. Заперли на висячий замок свою комнатенку. Один ключ себе взяли, а другой, конечно, соседке отдали, — мало ли чего случится. И отбыли.

А надо сказать — был у них в комнате инструмент — рояль. Ну, обыкновенное пианино. Они его брали на прокат от Музпреда.

Брали они на прокат этот рояль для цели обучения своего оболтуса, который действительно бил по роялю со всей своей детской изворотливостью.

И вот наступает лето, — надо оболтуса на дачу везти.

И, конечно, знаете, повезли.

А этот рояль, или — проще скажем — пианино, заперли в комнате с разными другими вещицами и отбыли. Отдыхают они себе на даче. Вдруг, значит, является на ихнюю городскую квартиру специалист-настройщик роялей, присланный, конечно, своим учреждением.

Конечно, соседка ему говорит: мол, сами уехадши до осени, рояль заперли и безусловно его настраивать не приходится.

Настройщик говорит:

— Это не мое постороннее дело входить в психологию отъезжающих. Раз, говорит, у меня на руках наряд, то я и должен этот наряд произвести, чтоб меня не согнали с места службы, как шахтинца или вредителя.

И, значит, открыла ему дверь; он пиджачок скинул и начал разбирать это пианино, развинчивая всякие гаечки, штучки и гвоздики. Развинтил и начал свою какофонию. Часа два или три, как больной, определял разные звуки и мурыжил соседей. После расписались в его путевке, он очень просветлел, попрощался и отбыл.

Только проходит месяц — снова является.

Ну, как, говорит, мой рояль?

— Да ничего, говорят, стоит.

— Ну, говорит, я еще беспременно должен его настроить. У нас раз в месяц настраивают. Такой порядок.

Начали его жильцы уговаривать и урезонивать, — мол не надо. Комнатка, дескать, заперта.

Рояль еще два месяца будет стоять без движения. К чему такие лишние траты производить!

Уперся на своем.

— У меня, говорит, наряд на руках. Не просите. Не могу.

Ну, опять развинтил рояль. Опять часа два назад свинчивал. Бренчал и звучал и на брюхе под рояль ползал.

После попрощался и ушел, утомленный тяжелой специальностью.

На-днях он в третий раз приперся.

— Ну, как, говорит, не приехадши?

— Нет, говорят, на даче отдыхают!

— Ну, так я еще поднастрою. Приедут — очень великолепно звучать им будет.

И хотя ему объясняли и даже один наиболее горячий жилец хотел ему морду наколотить за потусторонние звуки, однако он дорвался до своего рояля и снова начал свои научные изыскания.

Сделал свое честное дело и ушел на своих интеллигентных ножках.

ЧИСТАЯ ВЫГОДА

Скажу вам откровенно: я раньше чуждался самокритики, не особенно ей доверяя.

Я, одним словом, боялся, как бы чего с ней не вышло. Как бы эту нашу тонкую и деликатную классовую прослойку в лице интеллигенции не очень раздражать разными намеками, — мол, такой-то — жуликоват, а такой-то — бюрократ, а этот — вообще сукин сын.

Я думал, как бы этим не разбередить ихние раны. А то прочтут утром чего про них напечатано и работать будут уже не с таким энтузиазмом, как раньше.

Тем более, это люди с психологией. Они, я думал, сразу загрустят по прежней спокойной жизни.

Но теперь вижу обратный ход действия.

Слов нет, некоторые, конечно, обижаются, ежатся под горячими словами, но, между прочим, чистая выгода уже наблюдается.

Для примера такой факт. Проживает в нашем доме один такой гражданин. Такой, ну, чорт его дери, вообще гражданин Ф. Полную фамилию его трогать не будем. А то, конечно, петушиться будет.

Или какую-нибудь пакость состряпает. Или моего ребенка с лестницы спихнет.

Но не в этом суть. Так, у говорю, проживает в нашем доме такой гражданин Ф. И, надо сказать, он у нас в доме вроде как барометр. Чего в политике делается, то он на себе и отражает. И после всякого декрета в лепешку разбивается. Старается на чем-нибудь не пострадать. Бывают такие пугливые интеллигенты с нежной конституцией.

И когда, например, нэп вводили, он первый колбасился и всем советовал магазины открывать.

В голодные годы он тоже не отставал от века — ездил куда-то с мешками и фабриковал детские продовольственные карточки.

Во время зажима самокритики он жил себе, как обыкновенный гражданин. Ходил вообще на работу, кушал чего выдавала кооперация, газеты читал.

А тут, глядим, чересчур изменился человек. После того как велено энергично ввести самокритику, нельзя было узнать нашего Федотова.

Очень он закопошился. И вся квартира у него закопошилась.

В первую голову, видим, бежит его мадам Федотиха на своих ножках.

Что? Куда? Почему такая спешка?

Она, видите ли, бежит на своих ножках няньку поскорей зарегистрировать. А то у ней была взята нянька до ее малютки, так она была без регистрации.

Побежала мадам в соцстрах, а наряду с этим в

квартире происходят хлопоты. Один молодой вузовец вселяется как ихний родственник. Уплотняет ихнюю квартирку.

Что? Почему такое? Зачем такие действия?

Соседи говорят:

— Это у них было маленько площади зажулено, так они теперича боятся, как бы это не вскрылось под огнем самокритики.

Ну, прописали парня как родственника и ждем, чего будет дальше.

Только, видим, обратно бежит Федотиха на своих ножках. Добегает до своей квартиры и, мало ототдохнувши, снова вниз спущается.

И снова поскорей бежит на своих ножках, — ей надо, видите ли, свою собачку отметить и налог за нее заплатить. У них, видите ли, пудель имеется. Не чистой породы, но вообще пудель. Он тринадцать лет без жетончика бегал, не имея своей регистрации. Так вот надо ему, наконец, жетончик приобрести, пока не околел от старости. Тем более, к чему жулить, когда можно собачку и честно содержать.

Регистрирует Федотиха собачку, а в это время бежит в домовую контору сам гражданин Ф.

— Ай, говорит, по декрету надо сына в школу отдавать, ему девятый годик, а я все сроки промигал. Как бы чего не вышло. А то тиснет кто-нибудь в газету — мол, у такого-то сынишка школу не посещает. Еще со службы сгонят.

Ну, дали ему справку, что промигал сроки, — успокоился. Только не надолго. Обратно бежит —

узнать, надо ли трехламповый радиоприемник регистрировать или можно на нем зайцем играть.

Побежал регистрировать.

А давеча, видим, идет наш гражданин Ф. со своей Федотихой. Под ручку ее ведет. Скажите на милость! То ее чуть багром не отпихивал и предметами в нее кидался, а тут под ручку, — мол, вполне честная семейная жизнь, без мордобоя.

Ну, видим, произошли в природе большие сдвиги.

Правда, это, конечно, мелкие мелочи, но если так дальше и глубже пойдет, то, чорт подери, пожалуй, в стране скоро ни одного жулика не останется.

Все будут честные, порядочные. Все будут смело друг другу в глаза глядеть и друг на дружку любоваться.

Вот тогда жизнь засияет в полном своем блеске!

ЛЕТНЯЯ ПЕРЕДЫШКА

Конечно, заиметь собственную отдельную квартирку — это все-таки как-никак мещанство.

Надо жить дружно, коллективной семьей, а не запираться в своей домашней крепости.

Надо жить в коммунальной квартире. Там все на людях. Есть с кем поговорить. Посоветоваться. Подраться.

Конечно, имеются свои недочеты.

Например, электричество дает неудобство.

Не знаешь, как рассчитываться. С кого сколько брать.

Конечно, в дальнейшем, когда наша промышленность развернется, тогда можно будет каждому жильцу в каждом углу поставить хотя по два счетчика. И тогда пущай сами счетчики определяют отпущенную энергию. И тогда, конечно, жизнь в наших квартирах засияет, как солнце.

Ну, а пока, действительно, имеем сплошное неудобство.

Для примеру, у нас 9 семей. Один провод. Один счетчик. В конце месяца надо к расчету строиться. И тогда, конечно, происходят сильные недоразумения и другой раз мордобой.

Ну, хорошо, вы скажете: считайте с лампочки.

Ну, хорошо, с лампочки. Один сознательный жилец лампочку-то, может, на пять минут зажигает, чтоб раздеться или блоху поймать. А другой жилец до 12 ночи чего-то там жует при свете. И электричество гасить не хочет. Хотя ему не узоры писать.

Третий найдется такой, без сомнения интеллигент, который в книжку глядит буквально до часу ночи и больше, не считаясь с общей обстановкой.

Да, может быть, еще лампочку перевертывает на более ясную. И алгебру читает, что днем.

Да закрывшись еще в своей берлоге, может, тот же интеллигент на электрической вилке кипяток кипятит или макароны варит. Это же понимать надо!

Один у нас такой был жилец — грузчик, так он буквально свихнулся на этой почве. Он спать перестал и все добивался, кто из жильцов по ночам алгебру читает и кто на вилках продукты греет. И не стало человека. Свихнулся.

И после того как он свихнулся, его комнату занимел его родственник. И вот тогда и началась форменная вакханалия.

Каждый месяц у нас набегало по счетчику, ну, не более 12 целковых. Ну, в самый захудалый месяц, ну, 13. Это, конечно, при контроле жильца, который свихнулся. У него контроль очень хорошо был поставлен. Он, я говорю, буквально ночи не спал и каждую минуту ревизию делал. То сюда зайдет, то туда. И все грозил, что топором разру-

бит, если найдет излишки. Еще удивительно, как другие жильцы с ума не свихнулись от такой жизни.

Так вот, имели в месяц не свыше 12 рублей.

И вдруг имеем 16. Пардон! В чем дело? Это какая же собака навертела такое количество? Или это вилка, или грелка, или еще что.

Поругались, поругались, но заплатили.

Через месяц имеем обратно 16.

Которые честные жильцы, те прямо говорят:

— Не интересно жить. Мы будем, как подлецы, экономить, а другие току не жалеют. Тогда и мы не будем жалеть. Тогда и мы будем вилки зажигать и макароны стряпать.

Через месяц мы имели по счетчику 19.

Ахнули жильцы, но все-таки заплатили и начали наворачивать. Свет не тушат. Романы читают. И вилки зажигают.

Через месяц имели 26.

И тогда началась полная вакханалия.

Одним словом, когда докрутили счетчик до 38 рублей, тогда пришлось прекратить энергию. Все отказались платить. Один интеллигент только умолял и за провод цеплялся, но с ним не посчитались. Обрезали.

Конечно, это сделали временно. Никто не против электрификации. На общем собрании так и заявили: дескать, никто не против и в дальнейшем похлопочем и включимся в сеть. А пока и так ладно. Дело тем более к весне. Светло. А там лето. Птички поют. И свет ни к чему. Не узоры

писать. Ну, а зимой — там видно будет. Зимой, может, снова включим электрическую тягу. Или контроль устроим, или еще что.

А пока надо летом отдохнуть. Устали от этих квартирных делов.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Не знаю, как в других городах, а у нас, в Ленинграде, беспартийные очень в громадном почете.

У нас беспартийных очень берегут, лелеют и даже поручают им разные ответственные партийные дела.

Не знаю, как в других городах, а у нас беспартийные иной раз даже партийных чистят. Ей-богу!

Недавно у нас один беспартийный председателем был на партийной чистке. И ничего.

Это было как-раз, когда ветеринарно-фельдшерскую школу чистили.

Действительно, ее очень спешно чистили. С одной стороны, надо ребятам в лагерь ехать, а с другой стороны — чистка.

Тогда некоторые говорят:

— Придется, безусловно, в две комиссии чистить. Пущай будут две комиссии и два председателя. Оно, может, побыстрей пойдет.

И вот, конечно, организовали вторую комиссию. Остановка только за председателем.

Тогда первый председатель, один известный то-

варищ, бежит до телефона и вызывает с одного учреждения назначенного партийного товарища. Он вызывает этого партийного товарища и просит его в ударном порядке бросить всякие мирные дела и приехать.

Тут, конечно, происходила такая небольшая неувязка.

Заместо одного товарища вызывают как-раз другого. Или председатель запарился и не те звуки стал произносить или который вызывал — ошибся. Только требуют до телефона одного беспартийного товарища.

Фамилия партийного товарища была что-то в роде Миллер, а беспартийного — вроде Швиллер. Одним словом, фамилии, безусловно, похожи. Ну, дело не в фамилии, а в факте.

И вот подводят к телефону этого беспартийного Швиллера и говорят ему разные высокие ответственные слова. Дескать, будьте добры, пятое-десятое, приезжайте чистить и так далее.

Очень тут беспартийный товарищ Швиллер по началу оробел и забеспокоился от таких слов, начал отмахиваться, начал он за других хвататься. Дескать, как это понять—меня на чистку вызывают?

Другие говорят:

— Надо, безусловно, ехать, раз вызывают. Может, такая инструкция есть, чтобы беспартийные чистили. Поезжайте с богом.

Вот, значит, наш Швилер, или — как его — Швильдер, почистил ботинки и со скорбящей душой заспешил на ответственное дело.

Ну, приезжает. Скромно здоровкается. А ему стулья подвигают, чернильницу напротив его становят и разные ответственные партийные слова говорят.

— Будьте, говорят, любезны и так далее — примите председательствование.

Наш голубчик, конечно, руками делает отвороты, дескать, ну как это можно? Разве я смею? Не извольте беспокоиться — я и так посижу. И вообще, говорит, я извиняюсь, — не только председателем, а я, говорит, и на собраньях-то никогда раньше не бывал. Не смешите меня!

Ну, на него поглядели — дескать, уставший товарищ отнекивается и... начали чистку.

А надо сказать, что перед этим была совершенно непонятная ситуация.

Первый председатель отлично знал этого беспартийного. Он с ним поздоровался за ручку, угостил папироской и не обратил внимания на такое странное появление. Одним словом, в спешке запарился.

И вот, не знаю, как в других городах, но у нас, в Ленинграде, беспартийный товарищ присел за стол, и началась чистка.

Полтора часа самосильно чистили. В конце концов, наш беспартийный осмелел и тоже начал разные гордые слова произносить. Только вдруг является настоящий партийный товарищ, и все, конечно, разъясняется.

Тут встает со своего почетного места наш бес-

партийный голубчик и скромно уходит без лишних слов.

— До свидания, говорит, я пойду!

Теперь эту чистку признали недействительной. И мы с этим совершенно то-есть согласны. Хотя нам и жалко которых чистили.

Шлем привет беспартийному товарищу.

МЕРСИ

В этом году население еще немножко потеснилось.

С одной стороны, конечно, нэпманы за город выехали во избежание разных крупных недоразумений и под влиянием декрета. С другой стороны, население само уплотнилось, а то в тройном размере платить не каждому интересно.

И, безусловно, уничтожение квартирного института тоже сыграло выдающуюся роль.

Так-что этот год очень даже выгодно обернулся в смысле площади.

Если каждый год такая жилплощадь будет освобождаться — это вполне роскошно, это новых домов можно пока-что не возводить.

В этом году очень многие пролетарии квартирки и комнатки заимели путем вселения. Вот это хорошо!

Хорошо, да не совсем. Тем более, это вселение производят без особого ума. Только бы вселить. А чего и куда и к кому — в это, безусловно, не входят.

Действительно верно, особенно входить не приходится в силу такого острого кризиса.

Но, конечно, хотелось бы, если нельзя сейчас, то в дальнейшем иметь некоторую точность при вселении. Или гарантию, что, скажем, к тихому человеку не вселяли бы трубача или танцора, который прыгает, как бешеный дурак, до потолка и трясет квартиру.

Или бы так: научных секретарей вселять, скажем, к научным секретарям. Академиков, прошедших чистку аппарата, — к академику. Зубных врачей — к зубным врачам. Которые на флейте свистят — опять же к своим ребятам, — вали свисти вместе!

Ну, конечно, если нельзя иметь такую точность при вселении, то и не надо. Пущай бы по главным признакам вселяли. Которые люди умственного труда и которые любят по ночам книжки перелистывать — вали к своим ночным труженикам.

Другие — к другим. Третьи — к третьим.

Вот тогда бы жизнь засияла. А то сейчас очень другой раз обидно получается. Как, например, такой факт с одним нашим знакомым. Он вообще рабочий. Текстильщик. Он фамилию свою просил не употреблять. Про факт велел рассказать, а фамилию не дозволил трогать. А то, говорит, меня могут окончательно доконать звуками.

Так-что назовем его, ну, хотя бы Захаров.

Его, голубчика, как-раз вселили в этом году. Конечно, мерси и спасибо, что вселили, а то он у своих родственников проживал. А только это вселение ему боком вышло.

Был это славный гражданин и хотя, конечно,

нервный, но довольно порядочного здоровья. А теперича, будьте любезны — невроз сердца, и вся кровь выкипела от раздражения.

А главная причина — он в этой квартире не ко двору пришелся.

Эту квартирку как-раз интеллигенты населяли. В одной комнате — инженер. В другой, конечно, музыкальный техник, — он в кино играет и в ресторанах. В третьей, обратно — незамужняя женщина с ребенком. В ванной комнате — домашняя работница. Тоже, как на-зло, вполне интеллигентная особа, бывшая генеральша. Она за ребенком приглядывает. А ночью в ванне проживает. Спит.

Одним словом, куда ни плюнь — интеллигенты! И ихняя жизнь не такая подходящая, как, конечно, хотелось бы.

Для примера, Захаров встает, конечно, не поздно. Он часов в пять встает. Или там в половине пятого. У него такая привычка — пораньше встать. Тем более, он на работу встает, не на бал.

А инженер об это время как-раз ложится. Или там на часик раньше. И в стенку стучит. Мол, будьте любезны, тихонько двигайтесь на своих каблуках.

Ну, Захаров, конечно, ему объясняет, — мол, не на бал он спешит. Мол, он должен помыться, кипяточек себе скипятить и так далее.

И тут, конечно, происходит первая схватка.

Хочет Захаров пойти помыться — в ванной комнате интеллигентная дама спит. Она визг подымает, дискуссии устраивает и так далее.

И, конечное дело, после таких схваток и дебатов человек является на работу не такой свеженький, как следует.

После приходит он обратно домой. Часам, что ли, к пяти. Ну, подзаправится. Поглядит газету.

Где бы ему тихонечко полежать, подумать про политику или про качество продукции — опять нельзя!

По левую руку уже имеется музыкальный квинтет.

Наш музыкант с оркестра имеет привычку об это время перед сеансом упражняться на своем инструменте. У него флейта. Очень ужасно звонкий инструмент. Он в него дудит, продувает, слюнки выколачивает и после гаммы играет.

Ну, выйдет Захаров во двор. Посидит часик-другой на тумбочке, — душа домой просится.

Придет домой, чайку покушает, а по правую ручку у инженера уже гости колбасятся. В преферанс играют. Или на своей пианоле какой-нибудь собачий вальс Листа играют. Или шимми танцуют, — наверное, в дни получек.

Глядишь, и вечерок незаметно прошел. Дело к ночи. И хотя, конечно, ночью они остерегаются шуметь, а то можно и в милицию, но все-таки полного спокойствия нету. Двигаются. За паркет ножками цепляются. И так далее.

Только разошлись — музыкант с ресторана или с вечеринки заявляется. Кладет свой инструмент на комод. С женой ругается.

Только он поругался и затих — инженер задвигался: почитал, видите ли, и спать ложится.

Только он лег спать — Захарову вставать надо.

Только Захаров встал — инженер расстраивается, в стенку ударяет, не велит на каблуках вращаться.

Только в ванную пошел — визг и крики, мол, зачем брызги падают. И так далее, и так далее.

И, конечно, от всего этого работа страдает: ситчик, сами видите, другой раз какой редкий и неинтересный бывает, — это, наверное, Захаров производит. И как ему другой произвести — ножки гнутся, ручки трясутся и печенка от огорченья пухнет.

Вот я и говорю: ученых секретарей надо к ученым секретарям, зубных врачей к зубным врачам и так далее. А которые на флейте свистят, тех можно за городом поселить.

Вот тогда жизнь засияет в полном свом блеске.

II

СИРЕНЬ ЦВЕТЕТ

Предисловие

В силу прошлых недоразумений, писатель уведомляет критику, что лицо, от которого ведется эта повесть, есть, так сказать, воображаемое лицо. Это есть тот средний интеллигентский тип, которому случилось жить на переломе двух эпох.

Неврастения, идеологическое шатание, крупные противоречия и меланхолия — вот чем пришлось наделить нам своего «выдвиженца». Сам же автор — писатель М. М. Зощенко, сын и брат таких нездоровых людей, — давно перешагнул все это. И в настоящее время он никаких противоречий не имеет. У него на душе полная ясность, и розы распускаются. А если в другой раз эти розы вянут и нету настоящего сердечного спокойствия, то по многим другим причинам, о которых автор расскажет как-нибудь после.

В данном же случае это есть литературный прием.

И автор умоляет почтеннейшую критику вспомнить об этом замысловатом обстоятельстве,

прежде чем замахнуться на беззащитного писателя.

Кроме того, автор считает долгом успокоить читателя: несмотря на то, что лицо, от которого ведется повествование, есть вымышленное лицо — сама повесть далека от вымысла — все взято целиком из жизни, и главные события развернулись буквально на глазах у автора.

1

Вот опять будут упрекать автора за это новое художественное произведение.

Опять, скажут, грубая клевета на человека, отрыв от масс и так далее.

И, дескать, скажут, идейки взяты, безусловно, некрупные.

И герои не горазд такие значительные, как, конечно, хотелось бы. Социальной значимости в них, скажут, чего-то мало заметно. И вообще ихние поступки не вызовут такой, что ли, горячей симпатии со стороны трудящихся масс, которые, дескать, не пойдут безоговорочно за такими персонажами.

Конечно, об чем говорить — персонажи, действительно, взяты не высокого полета. Не вожди, безусловно. Это, просто, так сказать, прочие граждане с ихними житейскими поступками и беспокойством.

Что же касается клеветы на человечество, то этого здесь определенно нету.

Это раньше можно было упрекать автора, если и не за клевету, то за некоторый, что ли, мали-

шек меланхолии и за желание видеть разные темные и грубые стороны в природе и людях. Это раньше, действительно, автор горячо заблуждался в некоторых основных вопросах и доходил до форменного мракобесия.

Еще какие-нибудь два года назад автору и то не нравилось и это. Все он подвергал самой отчаяннной критике и разрушительной фантазии. Теперь, конечно, неловко сознаться перед лицом читателя, но автор в своих воззрениях докатился до того, что начал обижаться на непрочность и недолговечность человеческого организма и на то, что человек, например, состоит главным образом из воды, из влаги.

— Да что это, помилуйте, гриб или ягода? — восклицал автор. — Ну, зачем же столько воды? Это, ну, прямо оскорбительно знать, из чего человек состоит.

Даже в таком святом деле — во внешнем человеческом облике — автор и то стал видеть только грубое и нехорошее.

— Только что мы привыкли к человеку, — бывало говорил автор своим близким родственникам, — а если чуть отвлечься или, к примеру, не видеть человека 5 — 6 лет, то прямо удивиться можно, какое острое безобразие наблюдается в нашей наружности. Ну, рот, — какая-то небрежная дыра в морде. Оттуда зубы веером выступают. Уши с боков висят. Нос — какая-то загогулина, то есть как нарочно посреди самой морды. Ну, не красиво! Неинтересно глядеть.

Вот, примерно, до таких глупых и вредных для здоровья идей доходил автор.

Даже такую несомненную и фундаментальную вещь, как ум, автор и то подвергал самой отчаянной критике.

— Ну, ум, — говорил автор, — предположим. Действительно, спору нет, много чего любопытного и занимательного изобрели люди благодаря уму: микроскоп, бритва жилет, фотография и так далее, и так далее. Но чтоб, значит, такое изобрести, чтоб каждому человеку жилось бы совершенно припеваючи, — этого еще окончательно нету. А столетия, промежду прочим, идут, века идут. Солнце уже пятнами стало покрываться. Остывает, видите ли. Год-то у нас, скажем, одна тысяча девятьсот двадцать девятый. Эвон сколько времени уже промигали.

Вот, примерно, такие недостойные мысли мелькали у автора.

Но эти мысли мелькали, без сомнения, по случаю болезни автора.

Его острая меланхолия и раздражение к людям доводили его форменно до ручки, заслоняли горизонты и закрывали глаза на многие вещи и на то, что сейчас кругом происходит.

И теперь автор бесконечно рад и доволен, что ему не пришлось писать повести в эти два или три прискорбные года. Иначе крупный позор лег бы на его плечи. Вот это был бы дейстительно злостный поклеп, это была бы действительно грубая

и хамская клевета на мировое устройство и человеческий распорядок.

Но теперь вся эта бурная меланхолия прошла, и автор снова видит своими глазами все, как оно есть.

Причем, хворая, автор отнюдь не отрывался от масс. Напротив того, он живет и хворает в самой, можно сказать, человеческой гуще. И описывает события не с планеты Марс, а с нашей окаянной землишки, с нашего восточного полушария, где как раз и находится в одном из домов коммунальная квартирка, в которой жительствует автор и в которой он, так сказать, воочию видит людей, без всяких прикрас, нарядов и драпировок.

И по роду такой жизни автор замечает, что к чему и почему. И сейчас упрекать автора в клевете и в оскорблении людей словами просто не приходится. Тем более, автор последнее время особенно горячо полюбил людей со всеми ихними пороками и недостатками.

Конечно, другие интеллигенты, действительно, верно, другой раз произносят разные слова. И, дескать, люди определенно еще дрянь. И, дескать, их надо еще подравнять, привести в порядок. Надо из них вытряхнуть всякие грубые элементы. Надо их подутюжить. Только тогда жизнь может засиять в полном своем дивном блеске. Остановка, так сказать, за небольшим. Но автор как раз не имеет такого мнения. Он решительно отмежевывается от таких взглядов. Конечно, безусловно надо изжить такие печальные недостатки меха-

низма, как бюрократизм, мещанство, канцелярская волокита, чубаровщина и так далее.

Но все остальное, пока-что, более или менее стоит на месте и не мешает.

И если б автора спросили:

— Чего ты, уважаемый дружок, хочешь? Чего бы ты хотел, например, в ударном порядке изменить в своих близких людях, кроме этих вышеуказанных недостатков? —

автор затруднился бы сразу ответить.

Нет, кроме этого он ничего не хочет изменять. Так, разве самую малость. В смысле, что ли, корысти. В смысле повседневной грубости материального расчета.

Ну, чтобы люди в гости стали ходить, что ли, так, для приятного душевного общения, не имея при этом никаких задних мыслей и расчетов. Конечно, все это блажь, пустая фантазия, и автор, вероятно, с жиру бесится. Но такая уж сентиментальная у него натура — ему желательно, чтоб фиалки прямо на тротуарах росли.

2

Конечно, все, что сейчас говорилось, может, и не имеет прямого отношения к нашему художественному произведению, но уж очень, знаете, все это наболевшие, актуальные вопросы. И такой уж каторжный характер у автора: покуда он не выскажется перед читателем — прямо, знаете ли, не до повестушки.

Хотя как раз в данном случае эти все слова

имеют некоторое отношение к нашей повести. Тем более, мы беседовали тут про разные корыстные расчеты. И в повести как раз выведен такой герой, который столкнулся лицом к лицу с этими же самыми обстоятельствами и прямо рот раскрыл, утомленный целым вихрем событий, которые разыгрались на этой почве. В молодые прекрасные годы, когда жизнь казалась утренней прогулкой, вроде как по бульвару, автор не видел многих теневых сторон. Он просто не замечал этого. Не на то глядели его глаза. Его глаза глядели на разные веселые вещицы, на разные красивые предметы и переживания. И на то, как цветки растут и бутончики распускаются, и как облака плавают и как люди друг дружку взаимно горячо любят. А на то, как все это происходит и что чем движется и чем толкается, автор не глядел по молодости лет, по глупости характера и по наивности своего зрения.

А после, конечно, стал себе автор приглядываться. И вдруг видит разные вещи.

Вот он видит — седовласый человек жмет другому ручку и в глаза ему глядит и слова произносит. Вот раньше поглядел бы на это автор — душевно бы порадовался. «Эвон, — подумал бы, — какие все милые, особенные, до чего любят друг друга и до чего жизнь прелестно складывается».

Ну, а сейчас не доверяет автор галлюцинации своего зрения. Автора гложут сомнения. Он беспокоится — а, может, эта седовласая борода ручку жмет и в глаза глядит, чтоб поправить пошатнувшееся свое служебное положение или чтоб заиметь

кафедру и читать с этой кафедры лекции о красоте и искусстве.

Автор запомнил на всю жизнь одно небольшое событие, случившееся совсем недавно. И это событие буквально режет автора без ножа. Вот один милый дом. Гости туда шляются. Днюют и ночуют. В картишки играют. И кофе со сливками жрут. И за молодой хозяйкой почтительно ухаживают и ручки ей лобызают. И вот, конечно, арестовывают хозяина-инженера. Жена хворает и чуть, конечно, с голоду не пухнет. И ни одна сволочь не заявляется. И никто ручку не лобызает. И вообще пугаются, как бы это бывшее знакомство не кинуло на них тень.

Но вот после инженера освободили — никакой особой вины за ним не нашли. И все снова опять завертелось. Хотя инженер стал грустный и к гостям не всегда выходил, а если и выходил, то глядел на них с некоторым испугом и удивлением.

Ну, что? Может быть, это клевета? Может быть, это есть злобное измышление? Ха! Нет, это именно так и наблюдается в каждую минуту нашей жизни. И пора, пора об этом говорить в глаза. А то все, знаете, красота да величие, да звучит гордо. А как до дела дойдет, так просто, ну, пустяки получаются.

Но автор не поддается унынию. Тем более иногда, раз в пять лет, он и встречает чудаков, которые резко отличаются от всех прочих граждан.

Но все это есть теоретическое размышление, а то, что автор хочет рассказать, есть подлинная

история, взятая из самого источника жизни. Но, прежде чем приступить к описанию событий, автор хочет поделиться еще некоторыми сомнениями.

Дело в том, что по ходу сюжета в повести имеются две-три дамы, которые выведены не так, чтоб слишком симпатично.

Автор не жалел на них никаких красок и старался придать им свеженький актуальный вид, но совесть не дозволяла особенно стараться. И по этой причине они все три получились одна другой хуже и вообще мало героичны.

И многие, в особенности читательницы, могут вполне оскорбиться за эти женские образцы и постараются уличить автора в реакционном подходе и нежелании, чтоб женщины сравнивались в своих законных правах с мужчинами. Тем более, что некоторые знакомые женщины уже обижаются: ну, говорят, вас к чорту, действительно, дамочки у вас завсегда совершенно то есть аховые.

Но автор горячо просит за это его не бранить. Автор и сам диву дается, чего это у него из-под пера такие малоинтересные дамочки определяются.

И это тем более странно, что автор, может, всю жизнь видел, главным образом, только довольно хороших, добродушных и не злых дам.

И вообще на этот вопрос автор так глядит, что женщины, пожалуй, даже лучше, нежели мужчины. Что ли, они как-то сердечней, мягче, отзывчивей и приятней.

И в силу таких взглядов автор никогда не дозволит себе оскорблять женщину. А если в повести

другой раз и получаются неясности по этому вопросу, то это просто недоразумение, и автор умоляет на это не обращать внимания и тем более не расстраиваться по пустякам. Для автора безусловно все равны.

Другое дело, если взять, любопытства и смеха ради, мир животных.

Там бывает разница. Там даже птицы имеют свою разницу. Там самец всегда как-то несколько дороже стоит, чем самка.

Там, для примеру, чижик стоит два целковых по теперешней калькуляции, а чижиха копеек пятьдесят, сорок, а то и двугривенный. А по виду птички — как две капли воды. То есть буквально не разобрать, которая что, которая ничего.

И вот сели эти птички в клетки. Они зернышки жуют, водичку пьют, на палочках прыгают и так далее. Но вот чижик перестал водичку пить. Он сел поплотней, устремил свой птичий взор в высоту и запел.

И за это такая дороговизна. За это гони монету. За пение и за творческое исполнение.

Но что в птичьем мире прилично, то среди людей не полагается. И дамы у нас в одной цене находятся, как и мужчины. Тем более, у нас и дамы поют и мужчины поют. Так что все вопросы и все сомнения в этом отпадают. А, кроме того, в нашей повести все грубые нападки на женщину и подозрения относительно ее корысти идут со стороны нашего самого главного героя — человека опреде-

ленно мнительного и больного. Бывшего прапорщика царской армии, к тому же слегка контуженного в голову и потрепанного революцией. В 19 году он в камышах сколько раз ночевал — боялся, что его коммунисты арестуют, схватят и разменяют.

И эти все страхи печальным образом отразились на его характере.

И в двадцатых годах он был нервный и раздражительный субъект. У него тряслись руки. И даже стакана он не мог поставить на стол, не кокнув его своей дрожащей ручкой.

Тем не менее, в житейской борьбе руки его не дрожали.

По этой самой причине он не погиб, а с честью выжил.

3

Безусловно, человеку не так-то легко погибнуть. То есть автор думает, что не так-то просто человек может с голоду помереть.

И если есть некоторая сознательность, если есть руки и ноги и башка на плечах, то, безусловно, как-нибудь можно расстараться и найти себе пропитание, хотя бы, в крайнем случае, милостыней.

Но тут до милостыни не дошло, хотя у Володина и было довольно пиковое положение, если не сказать больше.

Тем более, он много лет провел на военном фронте, совершенно, так сказать, оторвался от жизни, ничего такого особенно полезного делать не умел, кроме стрельбы в цель и по людям. Так что он еще не понимал — какое найти себе применение.

И, конечно, родственников у него не было. И квартиры у него не имелось. Буквально ничего.

Была у него одна мамаша, и та в военные годы погибла от старости лет. Квартирка ее, по случаю смерти, перешла в другие быстрые руки. И остался наш бывший военный гражданин по приезде совершенно не у дел и, как бы сказать, без портфеля.

Однако, он не допустил слишком большой паники в этот ответственный момент своей жизни. Он поглядел своими ясными очами, что к чему и почему. Видит — расположен город. Он окинул город своим орлиным взором. И видит — идет вращение жизни тем же почти манером, как и всегда. По улицам народ ходит. Граждане спешат туда и сюда. Девушки ходят с зонтиками.

Он поглядел, что к чему и что чем движется и толкается.

«Что ж, — думает, — кидаться в озеро не приходится, а надо без сомнения в ударном порядке запродавать людям такой товар, который имеет хождение наравне с государственными кредитными билетами».

«Надо, — думает, — одним словом, запродать, чего покупается».

И видит — покупается все, чего денег стоит. А денег, конечно, стоит — сила, хитрость и разная красота. Ну, и, конечно, всякие дарования и способности.

«Ну, что ж, — думает, — можно, в крайнем случае, дрова грузить или какую-нибудь хрупкую мебель перевозить или, для примеру, мелкой торгов-

лишкой заниматься. Или же, наконец, можно жениться не без выгоды».

«То есть, особой выгоды, — думает, — в этом последнем случае сейчас, конечно, не найти, но, скажем, помещение, отопление и себе пища — это, безусловно, можно».

И, конечно, не такой он отпетый человек, чтобы дама его содержала, но подать первую помощь в минуту жизни трудную — это не порок.

Тем более, он был молодой и не старый. Ему было тридцать с небольшим лет.

И хотя его центральная нервная система была довольно потрепана бурями и житейскими треволнениями, однако он был мужчина еще ничего себе. При чем у него была выгодная и приятная наружность. И хотя он был блондин, но блондин все-таки довольно мужественного вида. К тому же он носил на щеках небольшие итальянские бачки. И от этого его лицо еще более выигрывало и давало чего-то демоническое и смелое, чего заставляло женщин вздрагивать всем корпусом, опускать глаза долу и быстро одергивать свои юбки на коленях.

Вот какие блага и преимущества имел он, когда начал завоевывать свою жизнь. Он приехал после военной службы в город и временно поселился в проходной комнате у своего знакомого фотографа Патрикеева, который пустил его, хотя и по доброте сердечной, однако, рассчитывал снять кое-какие пенки с этого дела. Он записал на него часть квартирной площади и, кроме того, ожидал, что Воло-

дин иной раз, из чувства живейшей благодарности, будет принимать посетителей — будет открывать им двери и записывать ихние фамилии.

Однако, Володин не подтвердил этих хозяйственных надежд — он мотался целые дни напролет нивесть где, и даже сам в ночное время иной раз трезвонил и тем самым вносил в дом полное беспокойство и дезорганизацию.

Фотограф Патрикеев очень от этих дел грустил и расстраивал свое здоровье и даже иной раз вскакивая ночью в кальсонах ужасно как ругался, называя его прохвостом и бывшим беспорточным барином.

Однако, Володин, не более как через полгода, начал все-таки приносить явную выгоду своему патрону. Правда, под конец, когда он уже съехал с его квартиры и благополучно женился. Дело в том, что еще в мелком своем возрасте он имел некоторую склонность и любовь к художественному рисованию. И, будучи абсолютно крошкой, он любил марать карандашом и красками разные картинки и рисуночки.

И в настоящее время это художественное дарование ему неожиданно пригодилось.

Сначала шутя, а после более серьезно он стал помогать фотографу Патрикееву — ретушируя ему снимки и пластинки.

Разные приходящие барышни обязательно требовали прилично заснятого лица, без складок, морщин, угрей и прочих досадных особенностей,

которые, к сожалению, имелись в натуральном человеческом виде.

Эти угри и бутоны Володин зарисовывал карандашом, ловко кладя тени и просветы на заснятые личности.

В короткое время Володин сделал в этой области изрядный успех и даже стал подрабатывать себе деньги, сердечно радуясь такому обороту дела.

И, научившись этому хитрому искусству, он понял, что занял в жизни определенную позицию и что с этой позиции его выбить довольно затруднительно и даже почти что невозможно. Ибо для этого потребуется уничтожение всех фотографий, категорическое запрещение жителям сниматься на карточку или же полное отсутствие фотографической бумаги на рынке. Но, к сожалению, жизнь обернулась так выгодно только после того, как Володин сделал решительный шаг — он женился на одной гражданке, никак еще не предполагая, что его искусство даст полную возможность встать на ноги самостоятельно.

И, живя у фотографа и не имея никаких особых перспектив, он, естественным образом, кидал взоры на окружающих людей и, в особенности, конечно, на дам и на женщин, которые могли бы подать ему руку помощи, дружбы и участия. И такая дама нашлась и откликнулась на призывы гибнущего человека.

Это была жилица из соседнего дома, Маргарита Васильевна Гопкис.

Она занимала целую квартиру, проживая там

совместно со своей младшей сестрицей Лелей, которая, в свою очередь, была замужем за братом милосердия т. Сыпуновым.

Эти две сестрицы были довольно еще молоденькие и занимались они пошивкой рубашек, кальсон и прочих гражданских предметов.

Они этим занимались в силу необходимости. И не на такую ничтожную судьбу они рассчитывали, заканчивая до революции свое высшее образование в женской гимназии.

Получив такое приличное образование, они, естественно, мечтали зажить достойным образом, выйдя замуж за исключительных мужчин или за профессоров, которые окружили бы ихнюю жизнь роскошью, баловством и красивыми привычками.

Но жизнь, между тем, проходила. Бурные годы нэпа и революции не дозволяли подолгу осматриваться и кидать якорь в том месте, в котором желательно.

И вот младшая сестрица Леля, погоревав о превратностях судьбы, выходит поскорее замуж за Сыпунова, совершенно грубого, небритого субъекта, — брата милосердия, санитара из городской больницы.

А старшая сестрица, Маргариточка, вздыхая о невозможном, прогоревала все сроки и к 30 годам, спохватившись, начала метаться туда и назад, желая заполучить в мужья хотя бы какого-нибудь завалявшегося человечка.

И вот как раз в ее расставленные сети попадает наш приятель Володин. Он давно мечтал о более

подходящей жизни, о некотором семейном уюте, о непроходной комнате, о кипящем самоваре и о всех таких житейских вещицах, которые безусловно украшают жизнь и дают тихую прелесть мелко-буржуазного существования.

И вот тут имелось все это налицо плюс прочное положение и самостоятельный заработок, что было как бы приданым и несомненно оживляло сделку, придавая ей определенный живой интерес.

Конечно, будь это знакомство позже, Володин, имея свои заработки, не пошел бы так стремительно на этот шаг. Тем более, ему совершенно не нравилась Маргарита Гопкис с ее тусклым, однообразным лицом.

Володину нравились и влекли девицы другого порядка — такие с темненькими усиками на верхней губе. Очень такие веселые, бравурные, быстрые в своих движениях, умеющие танцовать, плавать, нырять и болтать всякую чепуху. А его Маргариточка была, благодаря профессии, малоподвижная и слишком скромная в своих движениях и действиях.

Но жребий был брошен, и пружина разворачивалась без остановки.

И, проходя теперь мимо соседнего дома, Володин всякий раз останавливался подле ее окон и подолгу разговаривал, беседуя о том и о сем. И, стоя перед ней в профиль или в три четверти и теребя свои бачки, Володин говорил разные иносказательные вещи о приличной жизни и о хорошей судьбе. И из разговоров с ней он определенно понял, что

комната в ее квартире к его услугам, если, конечно, он не остановится на своих намеках.

И он, быстро обмозговав все дело и оглядев более внимательным и требовательным взором свою даму, с победным криком ринулся в бой. Так состоялся этот знаменитый брак.

И Володин перебрался в квартиру Гопкис, внеся туда, в общий котел, свою слишком скромную одинокую подушку и другой жидковатый скарб. Фотограф Патрикеев провожал Володина, тряс ему руку и советовал не кидать только-что начатого познания в ретушерском деле.

Маргарита Гопкис с досадой махала руками, говоря, что навряд ли Володину понадобится такое кропотливое занятие.

Итак, Володин вошел в новую жизнь, считая, что произошла довольно выгодная комбинация, построенная на точном и правильном расчете. И он бодро потирал свои руки и мысленно хлопал себя по плечу, говоря:

— Ничего, брат Володин, жизнь и тебе, кажись, начинает улыбаться.

Но это была улыбка не так чтобы слишком умилительная.

4

Слов нет, жизнь нашего Володина переменилась к лучшему. Из проходной, неуютной комнаты он переехал в дивную спальню с разными этажерками и подушками.

Кроме того, питаясь раньше плохо и скромно

всякими огрызками и требухой, он и тут остался в крупном выигрыше. Он кушал теперь разные порядочные блюда — супы, мясо, фрикадельки, помидоры и так далее. Кроме того, раз в неделю, вместе со всей семьей, он пил какао, удивляясь и восторгаясь этому жирному напитку, вкус которого он позабыл за 8-9 лет своей неуютной жизни.

Однако, Володин не был на содержании у своей законной жены. Не переставая работать на поприще фотографии, он сделал крупные успехи и стал получать за свою работу не только благодарность, но и живые деньги.

Хорошая свежая пища дозволяла Володину с особенным вдохновением кидаться на работу. И, не имея особого счастья со своей молодой супругой, он уходил в силу этого в работу. И эту работу исполнял до того тонко и художественно, что все снятые морды выходили у него теперь совершенно ангельскими, и ихние живые владельцы искренно удивлялись такой счастливой неожиданности и снимались все более и более охотно, не жалея никаких денег и засылая, кроме того, в фотографию все новых и новых клиентов.

Фотограф Патрикеев чрезвычайно дорожил теперь своим работником и делал ему надбавку всякий раз, когда клиенты особенно восторгались художественным исполнением.

Вот тут Володин и почувствовал под ногами почву и понял, что теперь его немыслимо согнать с занятой позиции.

И он начал полнеть, округляться и приобретать спокойно-независимый вид. Его не стало развозить, а просто его организм начал мудро запасаться жирами и витаминами на черный день и на всякий случай.

Конечно, особого спокойствия и довольствия Володин не имел.

Пожрав вволю и побеседовав с женой на хозяйственные темы и заказав ей обед на завтра, он оставался в печальном одиночестве, искренне горюя, что у него нету особой нежной привязанности к молодой супруге, той привязанности, которая достойно украшает жизнь и делает всякую обыденную собачью ерунду — событием и красивой подробностью счастливой жизни. И, имея такие мысли, Володин надевал свою шляпу и выходил на улицу, конечно, предварительно побрившись, попудрив свой элегантный нос и подравняв свои итальянские бачки.

Он шел по улицам и посматривал на проходящих женщин, живо интересуясь, какие они, как они ходят и какие у них лица и мордочки. Он останавливался, смотрел вслед и насвистывал какой-нибудь особенный мотивчик. Так незаметно проходило время. Проходили дни, недели, месяцы. Так незаметно прошло три года. Молодая супруга, Маргарита Гопкис, буквально не могла налюбоваться на своего выдающегося супруга.

Она работала все равно как слон, буквально не разгибая спины, желая предоставить своему хозяину наибольшие выгоды. Она, желая скрасить

ему существование, покупала всякие приличные и забавные мелочишки, красивые подтяжки, ремешки для часов и прочие вещицы семейного обихода. Но он глядел хмуро и скупо подставлял свои щеки под обильные поцелуи своей сожительницы. Иногда он просто грубо огрызался и отгонял ее, как назойливую муху.

Он начал ясно и открыто грустить, задумываться и проклинать свою жизнь.

— Нет, не удалась жизнь, — бормотал наш Володин, тщетно стараясь понять, какую ошибку он сделал в своей жизни и в своих планах.

Но вот весной, если не изменяет нам память, 1925 года произошли крупные события в жизни нашего друга, Николая Петровича Володина. Ухаживая за одной довольно миленькой девушкой, он горячо влюбился, или, скажем более проще, втюрился в нее и даже стал подумывать о коренной перемене своей жизни. Имея теперь приличный заработок, он уже мог думать о новой, более счастливой жизни.

Все ему было мило и прелестно в этой молодой девице. Она, одним словом, вполне отвечала его духовным запросам, имея именно такую внешность, о которой он мечтал всю свою жизнь.

Она была худенькая поэтическая особа с темными волосами и с блестящими, как звезды, глазами. Ее небольшие крошечные усики особенно приводили в восторг Володина и заставляли его более серьезно обдумывать создавшееся положение.

Но разные семейные подробности и предчувствия

громких скандалов и мордобоя заставляли его холодеть и отгонять решительные мысли прочь.

И, не желая пока-что омрачать своих высших чувств и переживаний, он старался не думать о плохих вещах и жил буквально как бабочка, порхая с цветка на цветок.

Он стал на всякий случай несколько даже приветливей со своей супругой и, уходя из дому, вкручивал ей что-то относительно знакомых друзей, к которым он спешит. И, похлопывая ее по спине, говорил ей разные приветливые и неоскорбительные слова. И мадам Володина, понимая, что происходит что-то такое исключительное по своей важности, хлопала глазами и не знала, как ей вести себя — то ли ей кричать и скандалить, то ли несколько обождать, собрав предварительно обличительный материал и улики.

Володин уходил из дому и, встречаясь со своей малюткой, вел ее торжественно по улицам, полный остроумных фраз, вдохновения и бурной, кипящей жизни.

Девица висла на его руке, щебеча про свои невинные мелкие делишки и про то, что многие женатые кавалеры вообще стремятся к разным несбыточным фантазиям и чорт знает к чему, но что она, несмотря на теперешнюю полную распущенность, глядит все же совершенно иначе. И только серьезные обстоятельства могут склонить ее к более определенным фактам. Или уж, конечно, слишком сильная любовь сможет тоже, пожалуй, поколебать ее соображения. Чувствуя в этих словах любовное

признание. Володин особенно энергично волок свою даму и прижимал ее к себе, бормоча разные безответственные мысли и пожелания.

Но они почти не разговаривали о грубых материальных вещах.

Они вели более возвышенные разговоры, целуясь на каждом углу и у каждого дерева.

Они уходили по вечерам на озеро и там, на высоком берегу, на скамейке, а то и просто на траве под сиренью сидели, нежно обнявшись, переживая каждую секунду свое счастье. Был май месяц, и это дивное время года особенно вдохновляло их своей красотой, свежими красками и легким упоительным воздухом.

Автор, к сожалению, не имеет крупного поэтического дарования, и он не в силах с легкостью владеть поэтическим лексиконом. Автор, не будучи имажинистом, искренно горюет, что у него мало способностей к художественному описанию и вообще к художественной прозе. Иначе величественные и мировые картины создал бы автор, описывая эти свежие чувства влюбленных сердец на чудном фоне весеннего пейзажа, наших природных богатств и душистой сирени.

Автор признается, что он не раз пробовал проникнуть в секрет художественного описания, в тот секрет, которым с такой завидной легкостью владеют наши современные гиганты литературы.

Однако, бледность слов и нерешительность мыслей не дозволяли автору слишком углубляться в девственные дебри русской художественной прозы.

Описывая волшебные картины свидания наших друзей, полные поэтической грусти и трепета, автор все же не может побороть в себе искушения окунуться в запретные и сладкие воды художественного мастерства. И несколько строк описания ночной панорамы автор с любовью посвящает нашим влюбленным. Только пущай опытные литературы-художники не будут слишком строги в оценке этих скромных упражнений. Это нелегкое занятие. Это тяжелый труд.

Однако, автор все же попробует окунуться в высокую художественную литературу:

Море булькотело...

Вдруг кругом чего-то закурчавилось, затыркало, заколюжило.

Это молодой человек рассупонил свои плечи и засупонил руку в боковой карман.

В мире была скамейка.

И вот в мир неожиданно вошла
папи-
рос-
ка,
котору-
ю
человек
раздумчиво
и
м е д л е н н о

захватил своими ровными, матово-желтыми, слегка выпуклыми зубами (зубами ли?), полураскрыв

для этой цели свое едало на полсантиметра и двенадцать миллиметров. При этом он обнаружил бледно-красные, скорее розовые или, вернее, синеватые десна, сплошь утыканные зубами, как плесенью. На верхней десне была небольшая (еле заметная) темная точка, которая при свете луны теперь чуть мерцала себе, и только опытный зоркий глаз художника мог увидеть ее на пользу и во славу отечественной словесности.

Море булькотело. . . Трава немолчно шебуршала. Суглинки и супеси давно осыпались под ногами влюбленных.

Девушка шамливо и раскосо капоркнула, крюкая сирень.[1]

Рассея, Рассея, мать ты моя Рассея! Эх, эх, чорт побери!

Море, то есть, вообще, озеро булькотело и опалом и бирюзой отливало, кивало, рвало. Кругом опять чего-то художественно заколюжило, затыркало, закурчавилось. И спектральный анализ озарил вдруг своим дивным несказанным блеском холмистую местность. . .

А ну его к чорту! Не выходит. Автор имеет мужество сознаться, что у него нету дарования к так называемой художественной литературе. Кому что дано. Одному господь бог дал простой грубоватый язык, а другого язык способен каждую минуту проделывать всякие тонкие художественные ритурнели.

---

[1] Девушка шаловливо и весело улыбнулась, нюхая сирень.

Но автор и не задается на крупное мастерство и снова со своим суконным языком приступает к описанию событий.

Одним словом, не вдаваясь в искусство речи, скажем, что наши влюбленные сидели над озером и вели длинные и нескончаемые любовные беседы, время от времени вздыхая и молча слушая, как булькотело море и шебуршала растительность.

Автор очень всегда удивляется, когда люди говорят о предметах, не задумываясь об их сущности и причинах.

Многие наши видные литераторы и даже крепкие сатирики обычно с легкостью пишут такие, например, слова: Влюбленные вздыхали.

А почему вздыхали? Отчего они вздыхали? По какой причине влюбленные имеют такую определенную привычку вздыхать?

Объясни, растолкуй неискушенному читателю, если ты носишь звание писателя. Так этогс нет. Сказал и до свиданьица — отошел к другому предмету с преступной небрежностью.

Автор попробует встрять и в это не его дело. По популярному описанию одного германского зубного врача вздох есть не что иное, как задержка. То есть, он говорит, в вашем организме происходит, говорит, такое, как бы сказать, торможение, задержка каких-то сил, которым мешают пойти по ихнему прямому пути и назначению, и вот происходит вздох.

Человек вздохнул — значит человеку мешают выполнить его желания. И раньше, когда любовь

не была слишком доступна, влюбленным приходилось прежестоко вздыхать. Но, впрочем, и теперь это иногда случается.

Так просто и славно происходит течение нашей жизни и так ведется скромная, незаметная работа нашего организма.

Но автору все это не мешает с любовью относиться ко многим превосходным вещам и желаниям.

Итак, наша молодая парочка беседовала и вздыхала. Но уже в июне месяце, когда над озером зацвела сирень, — они вздыхали все реже и реже и, наконец, совершенно перестали вздыхать и сидели на скамье, склонившись друг к другу, счастливые и упоенные.

Море булькотело. Суглинки и супеси...

А ну его к чорту!..

В одну из таких славных сердечных встреч, когда Володин сидел с барышней и говорил ей разные поэтические сравнения и рифмы, он обмолвился довольно красивой фразой, которую без всякого сомнения он спер откуда-нибудь из хрестоматии, хотя и уверял в противном. Однако, навряд ли он мог бы так сформулировать такую причудливую и поэтическую фразу, достойную разве пера крупного имажиниста.

Наклонившись к барышне и одновременно нюхая с ней ветку сирени, он сказал: «Сирень цветет неделю и отцветает. Так и ваша любовь». Барышня замерла в совершенном восторге, требуя

повторить еще и еще раз эти дивные музыкальные слова.

И он повторял цельный вечер, читая в промежутках стихи Пушкина, — «Птичка прыгает на ветке», Блока и других ответственных поэтов.

5

Вернувшись после этого возвышенного вечера домой, Володин был встречен дикими криками, воплями, грубыми словами.

Вся семья Гопкис, совместно с пресловутым братом милосердия Сыпуновым, накинулась на Володина и честила его почем зря, называя его жуликом, прохвостом и бабником.

Брат милосердия Сыпунов ходил буквально колесом по квартире, крича, что если женщина слабая, так он заместо нее очень свободно может проломить голову, если понадобится, и если такая неблагодарная тварь, как Володин, будет мотаться по ночам, задеря хвост, и будет разрушать семейную слаженную идиллию.

Сама Маргарита, чувствуя неминуемую беду, пронзительно, как свисток, орала и сквозь свист и стенания кричала, что такую бесчувственную и безобразную скотину надо было бы погнать в три шеи и что только любовь, а, главное, затраченная молодость удерживает ее от такого поступка.

Володина особенно неприятно поразило, что ревела младшая сестрица, Леля, которая, казалось, никакой корысти от него не имела. И своим ревом

она только создавала тревожную атмосферу и увеличивала беду до большого семейного скандала.

Эта грубая и некультурная сценка убивала в Володине все возвышенные мысли. Вернувшись домой полный самых глубоких элегантных переживаний, благородных чувств и запаха сирени, он хватался теперь за голову и мысленно проклинал свой опрометчивый шаг в смысле женитьбы на этой оголтелой бабе, которая теперь безвозвратно губит его молодость. И, не повышая голоса, в ответ на скандалы и крики он послал всю семейку в такие места, откуда нет возврата, и заперся в своей комнате. И на утро, чуть свет, он тихо сложил свои вещицы и гардероб и приготовился к отбытию.

И, когда брат милосердия ушел на службу, Володин, забрав свои узлы, покинул квартиру, несмотря на стенания и поминутные истерические и обморочные припадки своей дрожайшей половины.

Он ушел к своему фотографу, который встретил его с распростертыми объятиями и с неподдельной радостью, предполагая, что Володин начнет ему теперь ретушировать если не даром, то на более экономных основаниях.

Взволнованный собственным своим поступком, Володин наобещал разных дружеских и даровых услуг, не задумываясь о своих словах. Он горел одним желанием поскорей увидеть свою малютку, чтобы поделиться с ней новым и счастливым оборотом дела.

И в два часа дня он встретился с ней, как всегда, у озера, у часовенки.

И, схватив свою крошку за руки, он стал взволнованно рассказывать ей, украшая свой поступок героическими подробностями и мелочами. Да, он ушел из дому, порвав ненавистные цепи и набив морду брату милосердия.

Барышня была до чрезвычайности обрадована таким сообщением. Она прыгала вокруг него, как вешняя козочка, и, ластясь к нему, говорила, что вот, наконец-то, он свободный гражданин и наконец-то, он сможет назвать свою рыбку фактической женой на веки веков аминь. И как все будет очаровательно, когда они заживут вместе, в одной квартире, под одной кровлей: он — работая, как слон, не покладая рук, она — в хлопотах по хозяйству, за шитьем, за уборкой мусора и так далее и тому подобное. Володина неприятно вдруг поразило такое слишком нескрываемое желание заполучить его в мужья и оседлать его, сделав добытчиком до конца дней.

Он несколько хмуро поглядел на барышню и стал говорить, что все это очень мило, однако еще требуется всесторонне рассмотреть все вопросы, так как он не привык, чтобы любимый человек подвергался лишениям и бедности.

Собственно говоря, это он сказал просто так, желая одернуть барышню в ее материальных расчетах и перевести ее на более возвышенный лад. Ему показалось оскорбительным, что барышня может рассматривать его именно с этой практической, корыстной стороны.

И, в одно мгновенье вспомнив свой брак и свои

расчетливые построения, Володин стал испытующе глядеть на девицу, желая проникнуть в ее мысли и в ее сердце.

И Володину показалось, что в глазах девицы горели алчный расчет, выгода и желание поскорей устроить свою судьбу.

— И потом я просто не имею денег, — сказал он.

И вдруг, мгновенно обдумав план действия, он решил выдать себя за бедняка и безработного.

— Да, — повторил он уже более твердо и даже, как бы сказать, торжественно, — я не имею денег, у меня нету денег, и я, к сожалению, не могу обеспечить вас своей работой и своими достатками.

Это было, конечно, неправда, он жил хорошо и прилично, но ему захотелось услышать из уст девушки прелестные и бескорыстные слова — мол, ну, как-нибудь, что за счеты, и так далее, и зачем, мол, деньги, когда на сердце такое дивное чувство распускается.

А Оленька Сисяева, как на зло, пораженная не столько уверениями, сколько его тоном, зашмыгала носиком и забормотала какие-то несложные слова, которые можно было скорее всего принять за досаду и сорвавшиеся мечты.

— Как же, — молвила она, наконец, — давеча вы говорили как раз совершенно другие вещи и, напротив того, рисовали разные планы, а сейчас выходит обратно другое. Ну, как же это так?

— А очень просто, — грубо сказал он, — у меня, знаете, уважаемый товарищ, не государственное учреждение, у меня, знаете, положение слишком

шаткое и одинокое. И, может, в настоящее время у меня почти что нету работы. Я почти что нуждаюсь в работе, уважаемый товарищ. И в дальнейшем сам не знаю, как и чем я буду сводить концы с концами. Или мне придется босиком ходить по дорогам и просить себе пропитание, уважаемый товарищ.

Барышня глядела на него выпуклыми стеклянными глазами, туго соображая, чего происходит. А он нес околесицу и закидывал свою даму картинами бедности, неуютности и предстоящей нужды.

После, перед прощанием, они оба старались смягчить эту небольшую грубую сценку и, гуляя минут десять, беседовали о самых посторонних и даже поэтических вещах. Однако, беседа у них не клеилась. И они расстались, она — удивленная и непонимающая, а он — все более и более уверенный в ее тонких бабьих расчетах и соображениях.

И, вернувшись в свою пустую проходную комнату, Володин лег на диван и старался разобраться в чувствах и пожеланиях барышни.

«Ловко сработано, — думал он, — поддела карася! Небось, очень ахнула, когда про бедность услышала»

Нет, он не в бирюльки играет! Он поглядит еще, какая такая ее любовь.

И, хотя у него не было точной и полной уверенности в ее расчетах, однако, он думал так, желая поскорей услышать ее слова и уверения в обратном. Конечно, безусловно, она была ошеломлена неожиданным заявлением и не могла враз сказать свое мнение, но теперь, обдумав все, она должна будет

решить на основе полной искренней бескорыстности. Настоящая любовь не останавливается при виде бедности и нищеты. И, если она его любит, она возьмет его за ручку и скажет ему разные слова, — мол, об чем речь, об чем беспокойство? Ваша бедность не пугает меня, будем работать и к чему-нибудь стремиться.

Так раздумывая, он лежал в беспокойстве и нерешимости. Как вдруг на лестнице позвонили. Это звонил брат милосердия Сыпунов, который суровым тоном попросил его следовать за собой на нейтральное место, во двор, чтобы там, на свободе, побеседовать о происшедших делах и поступках.

Беспокоясь и не смея отказаться, Володин надел шляпу и опустился во двор.

Там уже стояла вся семейка, оживленно беседуя и горячась.

Не теряя драгоценного времени и слов, брат милосердия Сыпунов подошел к Володину и ударил его булыжником, весом, вероятно, побольше фунта.

Володин не успел отдернуть голову, он только мотнулся в сторону и тем самым несколько ослабил удар. Булыжник, скользнув по шляпе, слегка рассек ухо и кожу щеки.

Володин, закрыв руками лицо, бросился назад. И тотчас ему вдогонку полетело еще два-три камня, пущенных слабыми руками почтенных женщин.

Володин одним духом взмахнул по лестнице и поспешно закрыл за собой дверь.

Брат милосердия кинулся за ним и некоторое время, из хулиганских побуждений, бил ногами в

дверь, приглашая Володина выйти и поговорить еще раз, но уже более спокойно и без мордобития.

Володин, зажав рукой раненое ухо, стоял за дверью, удерживая дыхание. Сердце его отчаянно колотилось. Испуг сковал ему ноги. Брат милосердия, поколотив еще в дверь, сказал, что если так пойдет, то его, подлеца, схватят всей семьей и обольют серной кислотой. Если, конечно, он не одумается и не вернется к исполнению своих обязанностей.

Побитый и потрясенный, Володин лежал на диване, думая, что все рухнуло и все погибло. Он не видел никакого утешения. Даже любовь была теперь под сомнением. Его чувство было обмануто и оскорблено грубым расчетом и соображением.

И, подумав об этом, Володин снова стал сомневаться, так ли это.

Ну, а если это не так, то он пойдет к ней и целиком убедится.

Да, он пойдет к ней и все скажет. Он скажет, что жизнь обостряется, что он с опасностью для своей жизни идет к намеченным идеалам, но зато она должна знать, окончательно и раз навсегда, что он ничего буквально не имеет.

Он голый и нищий, без куска хлеба и без всякой работы. Хочет она — пущай на риск выходит замуж за такого. Не хочет — пожмем друг другу ручки и разойдемся, как в море корабли.

Он хотел было тотчас побежать к ней, чтоб доложить ей эти последние слова, но было уже поздно, и он, сняв окровавленный пиджак, промыл под

краном свое разорванное ухо и, обвязав голову полотенцем, лег спать.

Он плохо спал, ворочался и громко мычал во сне, так что фотограф принужден был дважды окликать его, чтоб перебить ему мычание.

6

Брат милосердия Сыпунов — этот грубый и некультурный субъект — действительно припер откуда-то бутылку с серной кислотой.

Он поставил ее на окно и прочел обеим сестрицам краткую лекцию о пользе этой жидкости.

— Маленько плеснуть никогда не мешает, — говорил он сестрам, картинно изображая в лицах момент облития. — Особенно, конечно, глаза не надо вытравлять, но, говорит, нос и другие предметы безусловно можно потревожить. Тем более, имея после того красную морду, пострадавший не будет слишком привлекательный господинчик, и девицы, без всякого сомнения, перестанут на него кидаться, и он тогда, как миленький, снова вернется в свое стойло. А суд, конечно, найдет разные обстоятельства и даст условное покаяние.

Маргарита Гопкис ахала, вздыхала и заламывала свои руки, говоря, что, если это так нужно, то она предпочла бы выкорчевать морду этой усатой, черномазой бабенке, которая испортила ее счастье и отогнала от нее любимого человека.

Однако, считая, что загнать его обратно с неиспорченной личностью нету возможности, она снова, ахая, соглашалась, говоря, что надо бы слегка, из

гуманных соображений, разбавить эту ядовитую жидкость.

Брат милосердия гремел своим голосом и стучал бутылкой о подоконник, говоря, что в крайнем случае, если на то пошло, можно, конечно, и двоих облить к чортовой матери, что оба они два весьма ему примелькались и беспокоят его характер. И что он еще бы и третьего кого-нибудь облил, хотя бы. для примеру, ту же мать этой чернявой девицы — зачем она настолько распущает свою девочку, насильно заставляя ее трепаться с уже занятым человеком. Что же касается до разбавления жидкости, то это ни к чему не приведет, так как химия есть точная наука, и она требует определенный состав. И не с ихним образованием менять формулы.

Всю эту семейную сцену покрывала своим острым рыданием младшая сестрица Леля, которая предчувствовала новые крупные потрясения.

Автор спешит успокоить уважаемых читателей — особого серьезного дела не вышло из этого. И все окончилось, если и не совсем благополучно, то приблизительно. Но испуг был громадный. И много горя в связи с этим потрясением пришлось хлебнуть нашему другу Володину. На другой день, побрившись и попудрив свое поврежденное ухо, Володин вышел на улицу и заспешил до своей малютки.

Он шел по улице и бурно жестикулировал, беседуя вслух с самим собой.

Он придумывал всякие каверзные вопросы, которые он задаст ей и которые должны вскрыть подпольную и корыстную игру молодой девушки.

Она находится в бедности, она висит на своей мамаше, она желает устроить свою судьбу. Но она прежестоко ошибается. Да, он ни хрена не имеет. Он весь тут. Вот один галстук и одни штаны. И к тому же он безработный, без всяких надежд на будущее. А его фотографическое дело, пущай она знает, ничего ему не дает. И, кроме непосильных расходов на карандаши и резинки, он ничего не видит. И если он этим занимается, то исключительно из любезности и дружбы к фотографу Патрикееву, уступившему ему свой диван и комнату.

Так он ей скажет и посмотрит, в чем дело. Пущай на это она определенно даст свое мнение. Он шел торопливо, не замечая никого и ничего не слыша.

На углу у пустыря навстречу шла его бывшая супруга, Маргариточка Гопкис.

Увидев ее, Володин смертельно побледнел и, как зачарованный, не сводя с нее глаз, медленно пошел к ней.

На расстоянии трех шагов Маргарита, тихо что-то закричав, взмахнула рукой и, снизу вверх, плеснула в Володина кислотой.

Было большое расстояние и пузырек был с узким горлышком, так что только несколько капель попало Володину на костюм.

Володин побежал в сторону, пронзительно визжа и хлопая себя ладонями по лицу, желая удостовериться, цела ли его морда.

И, уверившись в благополучном исходе, он снова повернулся и бросился на Маргариту Гопкис, которая, как тень, стояла подле забора. Володин схватил

ее за горло и начал трясти, ударяя ее головой об забор, крича какие-то несвязные фразы.

Это все происходило на пустынной и глухой улице, по которой Володин имел обыкновение ходить на свидание к своей крошке.

Но, несмотря на это, народ стал подходить с других улиц, с любопытством всматриваясь, какое зрелище им предстоит увидеть.

Но зрелище подходило к концу. Беспокоясь, что его поволокут в часть, Володин перестал трясти свою мадам и быстро, не оглядываясь, пошел домой.

Он был потрясен и взволнован. Зубы его били барабанную дробь.

Почти бегом он вернулся домой и заперся в квартире.

Конечно, он не мог теперь в таком виде пойти к своей крошке.

Его била лихорадка. Его ноги дрожали и зубы ляскали.

Володин полежал некоторое время на диване. Потом стал ходить по комнате, с испугом поглядывая в окно и прислушиваясь к шуму. И он не выходил весь день, боясь, что брат милосердия прикончит его во дворе или сделает его калекой, переломав ему руки и ребра.

Он провел день в смертельной тоске, без всякой пищи. Он только пил воду в неимоверном количестве, охлаждая и заливая внутренний жар. И целую ночь, не сомкнув глаз, он обдумывал создавшееся положение, стараясь найти какой-нибудь приличный и неоскорбительный выход. И такой выход он

нашел, придя к мысли, что необходимо заключить перемирие с бывшей женой и ее ангелом-хранителем, т. Сыпуновым. Он не подаст на них в суд за покушение на убийство, а за это пущай его не добивают до смерти.

Успокоившись на этом, он мысленно перекинулся на другой не менее важный фронт и стал думать, в сотый раз, как и какие новые решительные слова он скажет своей малютке для того, чтобы получить настоящего человека с бескорыстным чувством, а не хитровую бабу с ее практическими штучками. И для достижения этой цели он не остановится ни перед какими трудностями и затратами. Да, он объявит себя безработным человеком и первое время будет тайком от нее работать у своего фотографа, с тем, чтобы окончательно убедиться, что барышня не имеет никаких расчетов и внутренних соображений.

И Володину уже мысленно рисовались сцены, когда он, подняв воротничок своего пиджачка и тщательно занавесив окна, тайком работает, не покладая рук, день и ночь ретушируя фотографические снимки. Он работает так цельный месяц или два месяца или даже год и откладывает деньги, абсолютно не тратя их. И, наконец, убедившись в своей крошке, он приносит к ее ногам груду денег и умоляет простить его за такой грубый и нахальный поступок.

И барышня, со слезами на глазах, отстраняет светлой ручкой его деньжата — мол, что вы, к чему это, зачем столько много, это, мол, портит отношения.

И тут наступает безоблачное счастье, и наступает дивная неповторимая жизнь.

Слезы радости показывались на глазах Володина, когда он думал о таком исходе дела. И он энергично вращался на своем диване, скрипя всеми пружинами и вытирая глаза рукавом рубашки.

Но потом он снова думал о своих горестях, о мордобое и о всех последних мрачных делах. И Тогда он буквально холодел и, пугаясь задним числом за свою нетронутую наружность, вскакивал со своего дрипового дивана и снова подбегал то к зеркалу, чтоб еще раз удостовериться в сохранности лица, то к костюму, разглядывая прожженную ткань.

Так беспокойно и тяжело он провел целую ночь, слегка вздремнув только под самое утро.

А утром, с серым лицом и с мутными глазами, он стал торопливо собираться по своим делам, решив в первую очередь навестить свою барышню, чтобы поиступить поскорей к выполнению своего плана. После того он выкинет белый флаг и войдет в переговоры со своими родственничками.

И, выйдя на лестницу, Володин стал, по своей привычке, чистить сапоги, лакируя их бархаткой до ослепительного блеска.

Он уже вычистил один сапог, как вдруг, вероятно, от холода лестницы, икнул. Он икнул раз, потом еще раз, потом, через несколько секунд, еще несколько раз.

Откашлявшись и сделав ту же небольшую зарядовую гимнастику, Володин принялся энергично

тереть другой сапог. Но так как икота не проходила, он пошел на кухню и, взяв там кусочек сахару, принялся сосать его, находя совершенно неловким разговаривать с любимым человеком, имея такой дефект речи.

Однако, икота все еще не проходила. И он икал теперь правильно, как машина, через определенный промежуток времени в полминуты.

Слегка взволнованный новым неожиданным препятствием, мешающим увидеть дорогого человека, он принялся ходить по комнате, распевая полным голосом веселые и комические песенки, чтобы не поддаться внутренней тревоге и тоске.

Походив так около часу, он присел на край дивана и вдруг с ужасом убедился, что его икота не только не уменьшилась, но, наоборот, стала гуще и звучней, и только промежутки между двумя схватками увеличились почти до двух минут.

И эти промежутки Володин сидел неподвижно, почти затаив дыхание, со страхом поджидая новой горловой судороги. И, икнув, он вскакивал, взмахивал руками и убитым, потусторонним взором смотрел вперед, ничего не видя.

Промаявшись так до двух часов дня, он поделился этой бедой со своим сожителем фотографом. Фотограф Патрикеев легкомысленно засмеялся и назвал это сущим пустяком и вздором, который с ним случается почти что всякий день. Тогда Володин, собрав остатки своего мужества, отправился к своей Оленьке Сисяевой.

Он икал всю дорогу, вздрагивая всем телом и махнув рукой на всякие приличия.

И, подходя к дому девушки, он, как на зло, стал икать до того часто и энергично, что прохожие оборачивались и ругали его ослом и другими безотрадными словами.

И, вызвав девушку стуком в окно, Володин приготовился к решительному объяснению, перезабыв, правда, по случаю новой беды, все свои каверзные вопросы.

Извинившись за свою чисто нервную икоту, которая вызвана, видимо, острой простудой и малокровием, Володин элегантно поцеловал ручку Оленьке, икнув пару раз при этом несложном процессе.

Думая, что он надрался с горя, Оленька Сисяева заморгала ресницами, приготовившись дать ему суровую отповедь. Но он, думая больше о своей болезни, несвязным языком залепетал слова о том, что он форменный безработный, у которого только и капиталу, что один галстук и подштанники. И что пущай Оленька по этой причине скажет лучше сейчас, согласна ли она пойти за такого архаровца, которого ждет жалкая судьба и с которым, может, придется ходить по миру, как со слепцом, и просить на пропитание. Или она, уважаемый товарищ, действительно его любит, несмотря ни на что.

Оленька Сисяева, слегка покраснев, сказала, что, к сожалению, довольно поздно сейчас задавать тому подобные вопросы. Тем более она, как выяснилось вчера, находится в положении, и довольно странно и глупо в ее чрезвычайном положении слышать по-

добные речи и факты. И что муж — это есть муж, и его долг как-нибудь кормить свою будущую семью.

Пораженный новым открытием и не получив решительного ответа на свои мысли и сомнения, Володин, сбитый с панталыку, окончательно потерял нить своего плана и изумленно глядел теперь на барышню, икая при этом время от времени.

Затем он, схватив ее за руки, сказал тонким тараканьим голосом, что пущай она, за ради бога, хотя бы в таком случае скажет — любит ли она его и охотно ли идет на такой шаг.

И девушка, мило улыбнувшись, сказала, что конечно, без сомнения, она его любит, но только ему необходимо серьезно полечиться от его нервной икоты и что она не мыслит себе мужа с подобным странным дефектом.

И здесь, распрощавшись, они расстались, она — уверенная в себе, он — полный нерушимости и даже отчаяния от того, что ему так и не удалось достоверно узнать про чувство барышни.

7

Это было очень странно и удивительно, но икота у Володина не проходила.

Вернувшись домой, он пораньше лег спать с тайной надеждой, что утром все пройдет и снова наступит простая великолепная человеческая жизнь. Однако, проснувшись, он убедился, что беда не проходит. Правда, он икал теперь редко, примерно

один раз в три минуты, но все же икал и не видел никаких признаков облегчения.

И, не вставая со своего дивана и холодея от мысли, что это недомогание останется у него на веки веков, Володин пролежал цельный день и ночь, изредка выбегая на кухню попить холодной водички.

На утро, снова подняв голову с подушки и убедившись, что икота продолжается, Володин совершенно упал духом. Он перестал сопротивляться природе и, покорно отдавшись судьбе, лежал, как покойник, время от времени вздрагивая телом под бременем своей нервной икоты. Фотограф Патрикеев, обеспокоенный странным положением своего жильца, начал всерьез пугаться, как бы на его шее не остался инвалид, который будет круглые сутки икать и тем самым отпугивать его клиентов и посетителей. И, ничего не сказав Володину, он побежал до этой роковой Оленьки Сисяевой, чтобы пригласить ее к кровати больного, желая тем самым поскорей снять с себя всякую моральную и материальную ответственность и заботы по уходу. Он пришел к ней и стал умолять ее притти, говоря, что ее дружок, если и не совсем кончается, то находится в крайне тяжелом положении, а, главное, через каждые два слова он произносит ее имя, наверное, горячо желая поскорее увидеть такую миленькую барышню.

Девица, сконфуженная такой исключительной болезнью своего жениха, не могла особенно высказывать свою печаль и тревогу.

Будучи не такой уж чересчур глупой, как ка-

жется, она пыталась придать комический оттенок несчастью, говоря, что это ничего, ерунда и вообще чисто нервное явление, которое до ихней свадьбы безусловно пройдет.

Так разговаривая, они вдвоем пришли на квартиру болящего.

Несколько взволнованная бедным и неуютным видом комнаты и скудностью имущества, барышня остановилась на пороге, не решаясь подходить к больному, который лежал в совершенно отвлеченном виде, с низко закинутой головой и разбросанными руками.

При виде барышни больной вскочил с дивана, потом снова лег, поскорее прикрывая свой растерзанный туалет.

Барышня придвинула к дивану табурет и присела на кончик, с тоской глядя, как ее жениха дергала болезнь.

Весть о больном, который икает трое суток, несколько взбудоражила местное население ближайших домов. Слухи о кошмарной драме усилили любопытство граждан. И в квартиру началось буквально паломничество, которое невозможно было остановить силами одного фотографа. Все хотели поглядеть, как невеста относится к жениху и чего она ему говорит и как он, при своей икоте, ей отвечает.

Тут же, среди других граждан, колбасился и наш брат милосердия Сыпунов, не рискуя, впрочем, входить в комнату, чтобы не напугать больного.

Как ближайший родственник и медработник, он,

окруженный толпой любопытных, авторитетно говорил о состоянии больного, объясняя, что к чему и в чем дело.

Безусловно, он не предполагал такого исхода. Он попугал человека, слов нет, но его двигало чувство справедливости, а также родственные связи с Маргаритой Гопкис, которая на склоне лет остается как-никак без человека.

Однако, печальные картины болезненного состояния очень его растрогали, тем более, он совершенно считается с чувством любви и, безусловно, никому теперь не дозволит пальцем тронуть его бывшего родственника, Николая Петровича Володина. А Маргариточка, в крайнем случае, пущай сама как-нибудь протанцует свою жизнь. Что же касается болезни, то это скорей всего чисто нервное заболевание на простудной почве. И что у них в больнице на простудной почве чорт знает какие болезни происходят — и ничего. Если человек не помрет, то опасных явлений на всю жизнь не остается.

Фотограф Патрикеев, боясь, что в толкотне и сумятице разворуют его фотографические принадлежности, поднял крик, убеждая публику разойтись, иначе он вызовет милицию и силой прекратит безобразие.

Брат милосердия, получив директивы от фотографа, стал выпирать назойливую публику, махая треножником и оттесняя посетителей на кухню и лестницу. Он честью просил расходиться и не вызывать его на более решительные действия.

Увидев такое безобразие, полную огласку дела и

открытый срам, барышня. Оленька Сисяева начала вскакивать со своей табуреточки, ахая и волнуясь.

Она стала лепетать, что надо бы больного отвезти в больницу или же, в крайнем случае, хотя бы пригласить коммунального врача, который может удалить лишнюю публику.

Среди посетителей находился, между прочим, один такой бывший интеллигент, некто Абрамов, который заявил, что врач тут, безусловно, не при чем, что врач сорвет трояк и наделает таких прискорбных делов, после которых уже больного навряд ли можно поправить.

И что лучше пущай дозволят ему произвести опыт, который в самом корне подорвет это заболевание.

Этот некто Абрамов не носил звания врача или ученого, но он глубоко понимал многие вопросы и любил лечить граждан от всяких болезней и страданий своими домашними средствами. Так и тут он сказал, что картина заболевания ему слишком ясна. Что это есть неправильное движение организма. И что надо поскорее перебить это движение. Тем более, организм имеет, так сказать, свою инерцию и как заладит, заладит на одно, так прямо нет спасения. От этого, дескать, происходят почти все наши болезни и недомогания. И это, дескать, необходимо лечить энергично, давая сильную встряску и другой, обратный толчок всему организму, который, дескать, слепо работает, не разбираясь, куда его колесья крутятся и что из его работы выйдет.

Он велел посадить больного на стул, а сам, грубо на-

смехаясь над врачами и медициной, вышел на кухню, чтобы оттуда начать свои научные приготовления.

Там он, с помощью брата милосердия, нацедил полное ведерко холодной воды и, выбежав осторожно, на цыпочках, из-за двери, вдруг с криком опрокинул всю эту воду на голову больному, который, мало чего соображая, беспечно сидел до этого на стуле, как мешок с картофелем.

Позабыв про свою болезнь, Володин полез было драться и вообще стал после этой процедуры буйствовать, выгоняя народ из помещения и порываясь побить своего доморощенного лекаря. Но вскоре Володин утих и, переменив платье, задремал, положив голову на колени своей малютки. На другое утро он встал совершенно здоровый и, побрившись и приведя себя в порядок, стал жить как обычно.

Конечно, автор не собирается утверждать, что это домашнее лечение подействовало исцеляюще. Скорей всего болезнь сама по себе прошла. Тем более, что три-четыре дня срок изрядный, хотя, конечно, медицина знает и более длительные сроки для этой болезни. Так что прохладная водица могла все же доброкачественно подействовать на замороченные мозги нашего больного и тем самым ускорила исцеление.

8

Через несколько дней Володин записался со своей малюткой и перебрался на жительство в ее скромные аппартаменты.

Ихний медовый месяц прошел тихо и вполне безмятежно.

Брат милосердия окончательно сменил гнев на милость и даже раза два заходил к молодым с визитом, причем один раз милостиво занял трешку, не обещая, впрочем, ее вернуть. Зато он дал торжественное обещание не убивать больше Володина ни при каких обстоятельствах.

Что касается заработка и вообще содержания, то Володину пришлось сознаться в своей клевете. Ну, да, он немного приврал, желая испытать ее любовь. В этом нет ничего оскорбительного.

И, говоря об этом, он умолял ее еще раз сказать, знала ли она, что он нарочно соврал, или же она не знала и пошла за него по бескорыстному чувству.

И дамочка, задумчиво смеясь, уверяла его в последнем, говоря, что она сначала, конечно, не знала о его вранье и боялась, что он, действительно, ничего за душой не имеет. Но потом-то она определенно догадалась о его слишком прозрачных действиях. Ну, да она не имеет на него претензий — это его законное право разузнать про барышню.

И, слушая эти дамские речи, Володин мысленно сердился и называл себя ослом и бараном за то, что не смог досконально подловить барышню.

Впрочем, конечно, что ж он мог сделать? Тем более, его злокачественная болезнь подкузьмила — она лишила его энергии и воли и окончательно заморочила ему голову. И в силу этого он не мог решить задачу достойным образом. Тем более, барышня запросто обыграла его, козырнув с туза своим положением. Но в дальнейшем как-нибудь все само выяснится.

Что же касается Маргариточки Гопкис, то она продолжала сердиться и однажды, встретившись с Володиным на улице, не ответила на его сдержанный поклон, отвернув в сторону свой профиль.

Это мелкое событие тяжело, тем не менее, отразилось на Володине, который последнее время хотел, чтобы в жизни все было гладко и мило и чтоб голуби по воздуху порхали.

В тот день он снова несколько заволновался, вспоминая последние события своей жизни.

Ночью ему не спалось. Он ворочался в кровати и хмуро, испытующе смотрел на свою мадам.

Молодая дама спала, распустив свои губы, причмокивая и всхлипывая.

— У нее был расчет, — думал Володин. — Она, холера, безусловно все знала. И, конечно, не пошла бы за него, если б он ничего не имел. И в своей тоске и беспокойстве Володин поднялся с кровати, походил по комнате, подошел к окну. И, прижав пылающий лоб к стеклу, долго глядел, как в темном саду от ветра покачивались деревья.

Потом, беспокоясь, что ночная прохлада может снова вызвать заболевание, Володин заспешил к кровати. И долго лежал с открытыми глазами, водя пальцем по рисунку обоев.

«Она, холера, безусловно, знала, что я приврал», — снова подумал Володин, засыпая.

А на утро он встал, как миленький, и о грубых вещах старался больше не думать. А если и думал, то вздыхал и махал ручкой, предполагая, что без корысти никто, никогда и ничего не делает.

М. П. СИНЯГИН

(Воспоминания о Мишеле Синягине.)

Предисловие

Эта книга есть воспоминание об одном человеке, об одном, что ли, малоизвестном небольшом поэте, с которым автор сталкивался в течение целого ряда лет.

Судьба этого человека автора чрезвычайно поразила и, в силу этого, автор решил написать такие, что ли, о нем воспоминания, такую, что ли, биографическую повесть не в назидание потомству, а просто так.

Не все же писать биографии и мемуары о замечательных и великих людях, об их поучительной жизни и об их гениальных мыслях и достижениях.

Кому-нибудь надо откликнуться и на переживания других, скажем, более средних людей, так сказать, не записанных в бархатную книгу жизни.

При чем жизнь таких людей, по мнению автора, тоже в достаточной мере бывает поучительна и любопытна. Все ошибки, промахи, страдания и радости

ничуть не уменьшаются в своем размере оттого, что человек, ну, скажем, не нарисовал на полотне какой-нибудь прелестный шедевр — «Девушка с кувшином» или не научился быстро ударять по рояльным клавишам или, скажем, не отыскал для блага и спокойствия человечества какую-нибудь лишнюю звезду или комету на небосводе.

Напротив, жизнь таких обыкновенных людей еще более понятна, еще более достойна удивления, чем, скажем, какие-нибудь исключительные и необыкновенные поступки и чудачества гениального художника, пианиста или настройщика.

Жизнь таких простых людей еще более интересна и еще более доступна пониманию.

Автор не хочет этим сказать, что вот сейчас вы увидите чего-то такое исключительно интересное, поразительное по силе переживаний и страстям.

Нет, это будет скромно прожитая жизнь, описанная к тому же несколько торопливо, небрежно и со многими погрешностями. Конечно, сколько возможно, автор старался, но для полного блеска описания не было у него такого, что ли, нужного спокойствия духа, уверенности и любви к разным мелким предметам и переживаниям. Тут не будет спокойного дыхания человека, уверенного и развязного дыхания автора, судьба которого оберегается и лелеется золотым веком.

Тут не будет красоты фраз, смелости оборотов и восхищения перед величием природы.

Тут будет просто правдиво изложенная жизнь. К тому же несколько суетливый характер автора,

его беспокойство и внимание к другим мелочам заставляет его иной раз пренебречь плавным повествованием для того, чтобы разрешить тот или иной злободневный вопрос или то или иное сомнение.

Что касается заглавия книги, то автор согласен признать, что заглавие сухое и академическое — мало чего-нибудь дает уму и сердцу. Но автор оставляет его заглавие временно. Автор хотел назвать эту книгу иначе как-нибудь, например: «У жизни в лапах» или «Жизнь начинается послезавтра». Но и для этого у него не хватило уверенности и нахальства. К тому же эти заглавия, вероятно, уже были в литературном обиходе, а для нового заглавия у автора не нашлось особого остроумия и изобретательности.

Необходимо еще отметить, что автор, вероятно, в дальнейшем издаст эти воспоминания отдельной книжкой, в которой будут напечатаны фотографии главных действующих лиц, а именно: М. П. Синягина, его жены, матери и тетки.

3 сентября 1930 г.

1

Через сто лет. О нашем времени. О приспособляемости. О дуэлях. О чулках. Пролог истории.

Вот в дальнейшем, лет этак, скажем, через сто или там немного меньше, когда все окончательно утрясется, установится, когда жизнь засияет не-

сказанным блеском, какой-нибудь гражданин, какой-нибудь этакий гражданин с усиками, в этаком, что ли, замшевом песочном костюмчике или там, скажем, в вечерней шелковой пижаме, возьмет, предположим, нашу скромную книжку и приляжет с ней на кушетку.

Он приляжет на сафьяновую кушетку или там, скажем, на какой-нибудь мягкий пуфик или козетку, обопрет свою душистую голову на чистые руки и, слегка задумавшись о прекрасных вещах, раскроет книгу.

— Интересно, — скажет он, кушая конфетки, — как это они там жили в свое время.

А его красивая молодая супруга или там, скажем, подруга его жизни тут же рядом сидит в своем каком-нибудь исключительном пенюаре.

— Андреус, или там Теодор, — скажет она, запахивая свой пенюар, — охота тебе, скажет, читать разную муру. Только, скажет, нервы себе треплешь на ночь глядя.

И сама, может, возьмет с полки какой-нибудь томик в пестром атласном переплете — стихи какого-нибудь там знаменитого поэта — и начнет читать:

> В моем окне качалась лилия.
> Я весь в бреду...
> Любовь, любовь! Моя Идиллия,
> Я к вам приду.

Вот как представит себе автор на минутку такую акварельную картину, так и перо у него валится из рук — неохота писать да и только.

Конечно, автор не утверждает, что именно такие сценки будут наблюдаться в будущей жизни. Нет, это как раз мало вероятно. Это только минутное предположение. На это только полпроцента можно положить. А скорей всего, напротив того, будет очень такое, что ли, здоровое, сочное поколение. Этакие будут загорелые здоровяки, одевающиеся скромно, но просто, без особой претензии на роскошь и щегольство.

К тому же, может, такие паршивые лирические стишки они и читать-то вовсе не будут, или будут их читать в исключительных случаях, предпочитая им наши прозаические книжки, которые будут брать в руки с полным душевным трепетом и с полным почтением к их авторам.

Однако, как подумает автор о таких настоящих читателях, так опять появляются затруднения в снова перо вываливается из рук.

Ну, что автор может дать таким прекрасным читателям?

Сердечно признавая все величие нашего времени, автор, тем не менее, не в силах дать соответствующее произведение, полностью рисующее нашу эпоху. Может быть, автор растратил свои мозги на мелкие повседневные мещанские дела, на разные личные огорчения и заботы, но только ему не по силам такое обширное произведение, которое сколько-нибудь заинтересует будущих уважаемых читателей.

Нет, уж лучше закрыть глаза на будущее и не

думать о новых грядущих поколениях. Лучше уж писать для наших испытанных читателей.

Но тут опять являются сомнения, и перо валится из рук. В настоящее время, когда самая острая, нужная и даже необходимая тема — это колхоз или там, скажем, отсутствие тары или устройство силосов, возможно, что просто нетактично писать так себе, вообще, о переживаниях людей, которые, в сущности говоря, даже и не играют роли в сложном механизме наших дней.

Читатель может просто обругать автора свиньей.

— Эва, — скажет, — глядите, чего еще один пишет. Описывает, холера, переживания. Глядите, скажет, сейчас начнет, чего доброго, про цветки поэмы наворачивать.

Нет, про цветки автор писать не станет. Автор напишет повесть, по его мнению даже весьма необходимую повесть, так сказать, подводящую итоги прошлой жизни — повесть про одного незначительного поэта, который жил в наше время.

Конечно, автор предвидит жесткую критику в этом смысле со стороны молодых и легкомысленных критиков, поверхностно глядящих на такие литературные факты.

Однако совесть у автора чиста. Автор не забывает и другой фронт и не гнушается писать о прогулах, о силосовании и о ликвидации неграмотности. И даже, напротив, такая скромная работа как раз по его плечу.

Но на ряду с этим у автора имеется чрезвычайное стремление как ни можно скорей написать свои

воспоминания об этом человеке, ибо в дальнейшем жизнь перешагнет его, все забудется и травой зарастет та тропинка, по которой прошел наш скромный герой, наш знакомый и, прямо скажем, наш родственник, М. П. Синягин.

И это последнее обстоятельство позволило автору видеть всю его жизнь, все мелочи его жизни и все события, развернувшиеся в последние годы.

Вся личная его жизнь, прошла, как на сцене, перед глазами автора.

Вот тут, который с усиками и в замшевом костюмчике, если, не дай бог, он проскользнет в будущее столетие, наверное, слегка удивится и заполощется на своей сафьяновой козетке.

— Милуша, — скажет он, поглаживая свои усишки, — интересно, скажет. У них, скажет, какая-то личная жизнь была.

— Андреус, — скажет она грудным голосом, — не мешай, скажет, за ради бога, я стихи читаю...

А в самом деле, читатель, какой-нибудь этакий с усиками в его спокойное время прямо нипочем правильно не представит нашей жизни. Он, наверное, будет думать, что мы все время в землянках сидели, воробьев кушали и вели какую-нибудь немыслимую дикую жизнь, полную ежедневных катастроф и ужасов.

Правда, надо прямо сказать, что многие и не имели так называемой личной жизни — они отдавали все силы и всю волю для ради своих идей и для стремления к цели.

Ну, а которые помельче, те, безусловно, ловчились, приспосабливались и старались попасть в ногу со временем для того, чтобы прилично прожить и поплотнее покушать.

И жизнь шла своим чередом. Происходила любовь и ревность, и деторождение, и разные великие материнские чувства, и разные тому подобные прекрасные переживания. И мы ходили с девушками в кино. И катались на лодках. И пели под гитару. И кушали вафли с кремом. И носили модные носочки с прожилками. И танцовали фокстрот под домашний рояль...

Нет, жизнь шла понемножку, как она и всегда и при всех любых обстоятельствах идет.

И любители такой жизни по мере своих сил приспосабливались и приноравливались.

Так сказать, каждая эпоха имеет свою психику. И в каждую эпоху, пока что, было одинаково легко и одинаково трудно жить.

Для примера, на что уж был беспокойный век, ну, скажем, 16-й. Нам издали поглядеть — так прямо немыслимым кажется. Чуть не каждый день в то время на дуэлях дрались. Гостей с башен сбрасывали почем зря. И ничего. Все в порядке вещей было.

Нам-то, с нашей психикой, прямо боязно представить себе подобную ихнюю жизнь. Для примеру, какой-нибудь там ихний феодальный сукин-сын, какой-нибудь там виконт или там бывший граф идет, для примеру, погулять.

Вот идет он погулять, и, значит, шпагу сбоку

пришпиливает. Мало ли, кто-нибудь его сейчас, боже сохрани, плечом пихнет или обругает трехэтажно — сразу надо драться. И ничего.

Идет на прогулку и даже на морде никакой грусти или паники не написано. Напротив того, идет и даже, может быть, улыбается и насвистывает.

Ну, жену небрежно на прощанье поцелует. Ну, скажет, машер, я того... пошел прогуляться.

И та — хоть бы что. Ладно, скажет, не опоздай, скажет, к обеду.

Да в наше время жена бы рыдала и за ноги бы цеплялась, умоляя не выходить на улицу или, в крайнем случае, просила бы обеспечить ей безбедное существование. А тут просто и безмятежно. Взял шпажонку, поточил ее, если она затупилась от прежней стычки, и пошел побродить до обеда, имея почти все шансы на дуэль или столкновение.

Надо сказать, если б автор жил в ту эпоху — его бы силой из дому не выкурили. Так бы всю жизнь и прожил бы взаперти вплоть до нашего времени.

Да, с нашей точки зрения неинтересная была жизнь. А там этого не замечали и жили поплевывая. И даже ездили в гости к имеющим башни.

Так что в этом смысле человек очень великолепно устроен. Какая жизнь идет — в той он и прелестно живет. А которые не могут, те, безусловно, отходят в сторону и не путаются под ногами. В этом смысле жизнь имеет очень строгие законы

и не всякий может поперек пути ложиться и иметь разногласия.

Так вот, сейчас перейдем к главному описанию, из-за чего, собственно, и началась эта книга. Автор извиняется, если он чего-нибудь лишнее сболтнул, не идущее к делу. Уж очень все-таки нужные моменты и вопросы, требующие немедленного разрешения.

А что до психики, так это очень верно. Это вполне историей проверено.

Так вот, сейчас со спокойной совестью мы перейдем к воспоминаниям о человеке, который жил в начале двадцатого века.

По ходу повествования автор принужден будет касаться многих тяжелых вещей, грустных переживаний, лишений и нужды.

Но автор просит не выносить об этом поспешного заключения.

Некоторые нытики способны будут все невзгоды приписать только революции, которая происходила в то время.

Очень, знаете, странно, но тут дело не только в революции. Правда, революция сбила этого человека с позиции. Но тут, как бы сказать, во все времена возможна и вероятна такая жизнь.

Автор подозревает, что такие именно воспоминания могли быть написаны о каком-нибудь другом человеке, жившем в другую эпоху.

Автор просит отметить это обстоятельство.

Вот у автора был сосед по комнате. Бывший учитель рисования. Он спился. И влачил жалкую и

неподобающую жизнь. Так этот учитель всегда любил говорить:

— Меня, говорит, не революция подпилила. Если б и не было революции, я бы все равно спился или бы проворовался, или бы меня на войне подстрелили или бы в плену морду свернули на сторону. Я, говорит, заранее знал, на что иду и какая мне жизнь предстоит.

И это были золотые слова.

Автор не делает из этого мелодрамы. Нет. Автор уверен в победном шествии жизни, вполне годной для того, чтобы прожить припеваючи. Уж очень много людей об этом думает и ломает себе головы, стараясь потрафить человеку в этом смысле.

Конечно, это еще, так сказать, пролог истории. Еще жизнь не утряслась. Говорят, люди двести лет назад чулки-то только стали впервые носить.

Так что все в порядке. Хорошая жизнь приближается.

2

Рождение героя. Молодость. Созерцательное настроение. Любовь к красоте. О нежных душах. Об Эрмитаже и о замечательной скифской вазе.

Михаил Поликарпович Синягин родился в 1887 году в имении «Паньково» Смоленской губернии.

Мать его была дворянка, а отец почетный гражданин.

Но, поскольку автор был моложе М. П. Синягина лет на 10, то ничего такого путного автор не может сказать об его молодых годах, вплоть до 1916 года.

Но, поскольку его всегда и даже в сорок лет называли Мишелем, было видно, что он имел нежное детство, внимание, любовь и душевную ласку.

Его называли Мишелем — и верно, его нельзя было назвать иначе. Все другие грубые наименования мало шли к его лицу, к его тонкой фигуре и к его изящным движениям, исполненным грации, достоинства и чувства ритма.

Кажется, что он окончил гимназию и, кажется, два или три года он еще где-то такое проучился. Образование у него было во всяком случае самое незаурядное.

В 1916 году автор, с высоты своих 18 лет, находясь с ним в одном и том же городе, невольно наблюдал его жизнь и был, так сказать, очевидцем многих важных и значительных перемен и событий.

М. П. Синягин не был на фронте по случаю ущемления грыжи. И в конце Европейской войны он слонялся по городу в своем штатском макинтоше, имея цветок в петлице и изящный, со слоновой ручкой, стек в руках.

Он ходил по улицам всегда несколько печальный и томный, в полном одиночестве, бормоча про себя стишки, которые он в изобилии сочинял, имея все же порядочное дарование, вкус и тонкое чутье ко всему красивому и изящному.

Его восхищали картины печальной и однообраз-

ной псковской природы, березки, речки и разные мошки, кружащиеся над цветочными клумбами.

Он уходил за город и, сняв шляпу, с тонкой и понимающей улыбкой следил за игрой птичек и комариков.

Или глядел на движущиеся тучные облака и, закинув голову, тут же сочинял на них соответствующие рифмы и стихи.

В те годы было еще порядочное количество людей высокообразованных и интеллигентных с тонкой душевной организацией и нежной любовью к красоте и к разным изобразительным искусствам.

Надо прямо сказать, что в нашей стране всегда была исключительная интеллигентская прослойка, к которой охотно прислушивалась вся Европа и даже весь мир.

И верно, это были очень такие тонкие ценители искусства и балета и авторы многих замечательных произведений и вдохновители многих отличных дел и великих учений.

Это не были спецы с точки зрения нашего понимания.

Это были просто интеллигентные возвышенные люди. Многие из них имели нежные души. А некоторые просто даже плакали при виде лишнего цветка на клумбе или прыгающего на навозной куче воробушка.

Дело прошлое, но, конечно, надо сказать, что в этом была даже некоторая какая-то такая ненормальность. И такой пышный расцвет, безусловно, был за счет чего-то такого другого.

Автор не владеет искусством диалектики и не знаком с разными научными теориями и течениями, так что не берется в этом смысле отыскивать причины и следствия. Но грубо рассуждая, можно, конечно, кое до чего докопаться.

Если, предположим, в одной семье три сына. И если, предположим, одного сына обучать, кормить бутербродами с маслом, давать какао, мыть ежедневно в ванне и бриолином голову причесывать, а другим братьям давать пустяки и урезывать их во всех ихних потребностях, то первый сын очень свободно может далеко шагнуть и в своем образовании и в своих душевных качествах. Он и стишки начнет загибать, и перед воробушками умиляться и говорить о разных возвышенных предметах.

Вот автор недавно был в Эрмитаже. Глядел скифский отдел. И там есть одна такая замечательная прочная ваза. И лет ей, говорят, этой вазе, чего-то такое, если не врут, больше как две тысячи. Такая шикарная золотая ваза. Очень исключительной тонкой скифской работы. Неизвестно собственно, для чего ее скифы изготовили. Может, там для молока или полевые цветы туда ставить, чтобы скифский король нюхал. Неизвестно, ученые не выяснили. А нашли эту вазу в кургане.

Так вот, на этой вазе автор вдруг увидел рисунки — сидят скифские мужики. Один мужиченко середняк сидит, другой ему зуб пальцами выковыривает, третий лаптишки себе поправляет.

Автор поглядел поближе — батюшки светы! Ну, прямо наши дореволюционные мужики. Ну, скажем, 1913 года. Даже костюмы те же — такие широкие рубахи, подпояски. Длинные спутанные бороды.

Автору даже как-то не по себе стало. Что за чорт! Смотрит в каталог — вазе 2000 лет. На рисунки поглядишь — лет на полторы тысячи поменьше. Либо, значит, сплошное жульничество со стороны научных работников Эрмитажа, либо такие костюмчики и лапти так и сохранились вплоть до нашей революции.

Всеми этими разговорами автор, конечно, нисколько не хочет унизить бывшую интеллигентскую прослойку, о которой шла речь. Нет, тут просто выяснить хочется, как и чего, и на чьей совести камень лежит.

А прослойка, надо сознаться, была просто хороша, ничего против не скажешь.

Что касается М. П. Синягина, то автор, конечно, и не хочет его равнять с теми, о ком говорилось. Но все-таки это был человек тоже в достаточной степени интеллигентный и возвышенный. Он многое понимал, любил красивые безделушки и поминутно восторгался художественным словом. Он сильно любил таких прекрасных, отличных поэтов и прозаиков, как Фет, Блок, Надсон и Есенин.

И в своем собственном творчестве, не отличаясь исключительной оригинальностью, он был под сильным влиянием этих славных поэтов. И, в особености, конечно, под влиянием исключительно гениального поэта тех лет А. А. Блока.

3

Мать и тетка М. П. Синягина. Ихнее прошлое. Покупка имения. Жизнь в Пскове. Тучи собираются. Характер и наклонности тетки М. А. Ара-вой. Встреча с Л. Н. Толстым. Стихи поэта. Его душевное настроение. Увлечение.

Мишель Синягин жил со своей мамашей Анной Аркадьевной Синягиной и с ее сестрицей Марьей Аркадьевной, о которой в дальнейшем будет особая речь, особое описание и характеристика, в силу того, что эта почтенная дама и вдова генерала Ар-ва играет немаловажную роль в нашем повествовании.

Итак, в 1917 году они втроем проживали в Пскове, как случайные гости, застрявшие в этом небольшом славном городишке по причинам не от себя зависящим.

Во время войны они приехали сюда для того, чтобы поселиться у своей сестры и тетки, Марьи Аркадьевны, которая по случаю приобрела неподалеку от Пскова небольшое именьице.

В этом именьице обе старушки и хотели скоротать свой век вблизи с природой, в полной тишине и покое, после довольно бурно и весело проведенной жизни.

Это злополучное именье и было названо соответствующим образом — «Затишье».

А Мишель, этот довольно грустноватый молодой человек, склонный к неопределенной меланхолии и несколько утомленный своей поэтической работой и шумом столичной жизни с ее ресторанами

и певицами и мордобоем, также хотел некоторое время спокойно пожить в тиши для того, чтоб набраться сил и снова пуститься во все тяжкие.

Все, однако, сложилось иначе, чем было задумано.

«Затишье» было куплено перед самой революцией, что-то месяца за два, так что семейство не успело даже туда перебраться со своими вещами и сундуками. И эти сундуки, перины, диваны и кровати временно и наспех были сложены на городской квартире у псковских знакомых. И именно в этой квартире в дальнейшем пришлось прожить несколько лет Мишелю со своей престарелой мамашей и теткой.

Отличаясь свободомыслием и имея некоторую, что ли, тенденцию и любовь к революциям, обе старушки не очень обезумели по случаю революционного переворота и изъятия имений от помещиков. Однако, младшая сестрица, Марья Аркадьевна, всадившая в это дело около 60 тысяч капитала, все же иной раз охала и приседала и говорила, что это чорт знает что такое, поскольку нельзя въехать в имение, купленное на собственные кровные деньги.

Анна Аркадьевна, мать Мишеля, была довольно незаметная дама. Она ничем таким особенным не проявила себя в своей жизни, исключая рождения поэта.

Это была довольно тихая, мало сварливая старушка, любящая сидеть у самовара и кушать кофе со сливками.

Что касается Марьи Аркадьевны, то эта дама была уже в другом роде.

Автор не имел удовольствия видеть ее в молодые годы, однако, было известно, что она была до чрезвычайности миленькая и симпатичная девица, полная жизни, огня и темперамента.

Но в те годы, о которых идет речь, это была уже бесформенная старушка, скорей безобразная, чем красивая, однако, еще очень подвижная и энергичная.

В этом смысле на ней сказалась ее бывшая профессия. В молодые годы она была балериной и работала в кордебалете Мариинского театра.

Она была в некотором роде даже знаменитостью, поскольку ею увлекался бывший великий князь Николай Николаевич. Правда, он вскоре ее оставил, подарив ей какой-то особый кротовый палантин, бусы и еще чего-то такое. Но начатая карьера ее была сделана.

Обе эти старушки в дальнейшем будут играть довольно видную роль в жизни Мишеля Синягина, так что пущай читатель не принимает близко к сердцу и не сердится, что автор останавливается на описании таких, что ли, дряхловатых и отцветших героинь.

Поэтическая атмосфера в доме, благодаря Мишелю, несколько отозвалась и на наших дамах. И Марья Аркадьевна любила говорить, что она вскоре приступит к своим мемуарам.

Ее бурная жизнь и встреча со многими известными людьми стоила того.

Она самолично будто бы два раза видела Л. Н. Толстого, Надсона, Кони, Переверзева и других знаменитых людей, о которых она и хотела поведать миру свои соображения.

Итак, перед началом революции семья приехала в Псков и там застряла на три года.

М. П. Синягин всякий день говорил, что он ни за что не намерен торчать здесь и что при первой возможности он уедет в Москву или Ленинград. Однако последующие события и перемены жизни значительно отдалили его отъезд.

И наш Мишель Синягин продолжал свою жизнь под псковским небом, занимаясь пока что своими стихами и своим временным увлечением одной местной девушкой, которой он в изобилии посвящал свои стихи.

Конечно, эти стихи не были отмечены гениальностью, они не были даже в достаточной мере оригинальны, но свежесть чувств и бесхитростный несложный стиль делали их заметными в общем котле стихов того времени.

Автор не помнит этих стихов. Жизнь, заботы и огорчения изгнали из памяти изящные строчки и поэтические рифмы, но какие-то отрывки и отдельные строфы запомнились в силу их неподдельного чувства.

Лепестки и незабудки
Осыпались за окном...

Автор не запомнил всего этого стихотворения «Осень», но помнится, что конец его был полон гражданской безысходной грусти:

Ах, скажите же, зачем,
Отчего в природе
Так устроено. И тем
Счастья в жизни нет совсем...

Другое стихотворение Мишеля говорило о его любви к природе и ее бурным стихийным проявлениям:

Гроза

Гроза прошла,
И ветки белых роз
В окно мне дышат
Дивным ароматом.
Еще трава полна
Прозрачных слез,
А гром гремит вдали
Раскатом.

Это стихотворение было разучено всей семьей, и старые дамы ежедневно нараспев повторяли его, чем доставляли живейшую радость его автору.

А когда приходили гости, Анна Аркадьевна Синягина волокла их в комнату Мишеля и там, показывая на письменный стол карельской березы вздыхала и с увлаженными глазами говорила:

— Вот за этим столом Мишель написал свои лучшие вещи — «Гроза», «Лепестки и незабудки» и «Дамы, дамы».

— Мамаша, — говорил, вспыхивая Мишель, — бросьте.

Гости покачивали головами и, не то одобряя, не то огорчаясь, трогали пальцем стол и неопределенно говорили: «Н-да, ничего себе».

Некоторые же меркантильные души тут же спрашивали, за сколько куплен этот стол и тем самым переводили разговор на другие рельсы, менее приятные для матери и Мишеля.

Поэт отдавал внимание и женщинам, однако, находясь под сильным влиянием знаменитых поэтов того времени, он не бросал свои чувства какой-нибудь отдельной женщине. Он любил нереально какую-то неизвестную женщину, блестящую в своей красоте и таинственности.

Одно прелестное стихотворение «Дамы, дамы, отчего мне на вас глядеть приятно» отлично раскрывало это отношение. Это стихотворение заканчивалось так:

> Оттого-то незнакомкой я любуюсь. А когда
> Эта наша незнакомка познакомится со мной —
> Неохота мне глядеть на знакомое лицо
> Неохота ей давать обручальное кольцо...

Тем не менее, поэт увлекся одной определенной девушкой и в этом смысле его поэтический гений шел несколько вразрез с его житейскими потребностями.

Однако справедливость требует отметить, что Мишель тяготился своим земным увлечением, находя его несколько вульгарным и мелким. Его главным образом пугало, как бы его не окрутили и как бы его не заставили жениться и тем самым

не снизили бы его до простых повседневных поступков.

Мишель рассчитывал на другую, более исключительную судьбу. И о своей будущей жене он мечтал, как о какой-то удивительной даме, вовсе не похожей на псковских девушек.

Он не представлял в точности, какая у него будет жена, но, думая об этом, он мысленно видел каких-то собачек, какие-то меха, сбруи и экипажи. Она выходит из экипажа, и лакей, почтительно кланяясь, открывает дверцы.

Девушка же, которой он увлекся, была более простенькая девушка. Это была Симочка М., окончившая в тот год псковскую гимназию.

4

Увлечение. Короткое счастье. Страстная любовь к поэту. Вдова М. и ее характеристика. Неожиданный визит. Некрасивая сцена. Согласие на брак.

Относясь несколько небрежно к Симочке, Мишель все же порядочно был увлечен ею, ни на минуту, впрочем, но допуская мысли, что он может жениться на ней.

Это было простое увлечение, это была несерьезная и, так сказать, черновая любовь, которой и не следовало бы забивать своего сердца.

Симочка была миленькая и даже славненькая девушка, личико которой, к сожалению, чрезмерно было осыпано веснушками.

Но, поскольку она не входила глубоко в жизнь Мишеля, он и не протестовал против этого и даже находил это весьма милым и нелишним.

Они оба уходили в лес или в поле и там нараспев читали стихи или бегали взапуски, как дети, резвясь и восторгаясь солнцем и ароматом.

Тем не менее, в одно прекрасное время Симочка почувствовала себя матерью, о чем и сообщила своему другу. Она любила его первым девичьим чувством и даже могла подолгу глядеть на его лицо, не отрываясь.

Она страстно и трогательно любила его, отлично понимая, что он ей, пробинциальной девушке, не пара.

Известие, сообщенное Симочкой, глубоко ошеломило и даже напугало Мишеля. Он не столько боялся Симочки, сколько он боялся ее матери, известной в городе гр. М., очень энергичной, живой вдовы, отягченной большой семьей. У нее было что-то около шести дочерей, которых она довольно успешно и энергично устраивала замуж, идя ради этого на всевозможные хитрости, угрозы и даже оскорбления действием.

Это была очень такая смуглая, несколько рябая дама. Несмотря на это, все девочки у нее были белокурые и даже скорей белобрысенькие, похожие, вероятно, на отца, умершего два года назад от сапа.

В то время не было еще алиментов и брачных льгот, и Мишель с ужасом думал о возможных последствиях.

Он решительно не мог жениться на ней. Он не о такой мечтал жизни и не на такую провинциальную жизнь он рассчитывал.

Ему казалось все это временным, случайным и проходящим. И что вскоре начнется другая жизнь, полная славных радостей, восторгов, подвигов и начинаний.

И, глядя на свою подругу, он думал, что она ни в каком случае не должна быть его женой — эта белобрысенькая девушка с веснушками. Кроме того, он знал ее старших сестер — все они, выходя замуж, быстро увядали и старели, и это также было не по душе поэту.

Он уже хотел смотать удочки и выехать в Ленинград, но последующие события задержали его в Пскове.

Смуглая и рябая дама, вдова М., пришла к нему на квартиру и потребовала, чтоб он женился на ее дочери.

Она пришла в тот день и в тот час, когда в квартире никого не было, и Мишель, волей-неволей, должен был единолично принять на себя весь удар.

Она пришла к нему в комнату и сначала даже несколько сконфуженно и робко поведала о цели своего посещения.

Скромный, мечтательный и деликатный поэт сначала также вежливо пытался возражать ей, но все слова его были малоубедительны и не доходили до сознания энергичной дамы.

Вскоре вежливый тон сменился на более энер-

гичный. Последовали жесты и даже безобразные слова и крики. Оба кричали одновременно, стараясь заглушить друг друга и тем самым морально подавить волю и энергию.

Вдова М. сидела в кресле, но, разгорячившись, начала крупно шагать по комнате, двигая для большей убедительности стулья, этажерки и даже тяжелые сундуки. Мишель, как утопающий, старался выбраться из пучины и, не сдаваясь, орал и старался даже физически оттеснить вдову в другую комнату и в прихожую.

Но вдова и любящая энергичная мать неожиданно вдруг вскочила на подоконник и торжественным голосом сказала, что вот сейчас она выпрыгнет из окна на Соборную улицу и погибнет, как собака, если он не даст своего согласия на этот брак.

И, раскрыв окно, она моталась на подоконнике, рискуя каждую минуту свалиться вниз.

Мишель стоял ошеломленный и, не зная что делать, то подбегал к ней, то к столу, то бросался, схватившись за голову в коридор, чтоб позвать на помощь.

Уже внизу, на улице, стали собираться люди, показывая пальцами и высказывая самые смелые предположения по поводу кричащей и прыгающей на окне дамы.

Гнев, оскорбление, страх скандала и ужас сковали Мишеля, и он стоял теперь, подавленный столь энергическим характером этой дамы.

Он стоял у стола и с ужасом наблюдал за своей

гостьей, которая пронзительно, как торговка, визжала и требовала положительного ответа.

Ее ноги скользили по подоконнику и каждое неосторожное движение могло вызвать ее падение со второго этажа.

Была чудная августовская погода. Солнце блестело с синего неба. Зайчик на стене прыгал от раскрытого окна. Все было знакомо и прекрасно в своей милой повседневности, и только кричащая и визжащая дама нарушала обычный ход вещей.

И, волнуясь и умоляя прекратить выкрики, Мишель дал свое согласие на брак с Симочкой.

Мадам немедленно и охотно сошла тогда с окна и тихим голосом просила его извинить за ее несколько, может быть, шумное поведение, говоря при этом о своих материнских чувствах и ощущениях.

Она поцеловала Мишеля в щеку и, назвав его своим сыном, всхлипнула при этом от неподдельности своих чувств.

Мишель стоял, как в воду опущенный, не зная, что сказать и что сделать и как выпутаться из беды.

Он проводил вдову до дверей и, подавленный ее волей, поцеловал даже неожиданно для себя ее руку и, окончательно смешавшись, попрощался до скорого свидания, лепеча какие-то отдельные слова, мало идущие к делу.

Вдова молча, торжественно и сияя покинула дом, предварительно попудрившись и подрисовав сбитые на сторону брови.

5

Нервное потрясение. Литературное наследство. Свидание. Свадьба. Отъезд тетки Марьи. Кончина матери. Рождение ребенка. Отъезд Мишеля.

В этот злосчастный день, вечером, после ухода незваной гостьи, Мишель написал свое известное стихотворение, впоследствии переложенное на музыку — «Сосны, сосны, ответьте мне»...

Это его несколько успокоило, однако потрясение было настолько значительное и серьезное, что ночью Мишель почувствовал сильное сердцебиение, безотчетный страх, тошноту и головокружение.

Думая, что помирает, с трясущимися руками, в одних подштанниках, поэт вскочил с кровати и, хватаясь за сердце, с тоской и страхом разбудил свою мамашу и тетку, которые не были еще посвящены в эту историю. И ничего не объясняя, он начал лепетать о смерти и о том, что он хочет отдать свои последние распоряжения по поводу его рукописи.

Он, качаясь, подошел к столу и начал вытаскивать груды рукописей, перебирая их, сортируя и указывая, что, по его мнению, следовало бы издать и что следует отложить на будущие времена.

Обе немолодые дамы, отвыкшие от ночных похождений, в нижних юбках и с распущенными волосами с тоской метались по комнате и, заламывая руки, пытались уговорить и даже силой уложить Мишеля в постель, считая нужным поставить ему

компресс на сердце или смазать иодом бок и тем самым оттянуть кровь, бросившуюся в голову.

Но Мишель, прося не тревожиться за его, в сущности, ничтожную жизнь, велел лучше запомнить то, что он говорит по поводу своего литературного наследства.

Разобрав рукописи, Мишель, бегая по комнате в своих подштанниках, начал диктовать тетке Марье Аркадьевне новый вариант «Лепестков и незабудок», который он не успел еще переложить на бумагу.

Плача и захлебываясь слезами, тетка Марья при свете свечи марала бумагу, путая и перевирая строфы и рифмы.

Лихорадочная работа несколько отвлекла Мишеля от его заболевания. Сердцебиение продолжалось, но было более умеренно, и головокружение сменилось полной сонливостью и апатией. И Мишель, неожиданно для всех, тихо заснул, прикурнув в кресле.

Прикрыв его пледом и перекрестив, старые дамы удалились, страшась за столь нервный организм и неуравновешенную психику поэта.

На другой день Мишель встал, освеженный и бодрый. Но вчерашний страх не покидал его, и он поведал о своих потрясениях своим родственницам.

Драмы и слезы были в полном разгаре, когда пришла записка от Симочки, умолявшей его о свидании.

Он пошел на это свидание, надменный и сдержанный, не думая, впрочем, в силу некоторой своей

порядочности, ловчиться и отлынивать от обещаний.

Влюбленная женщина умоляла его простить недостойное поведение ее матери, говоря, что она лично, хотя и мечтала связать свою жизнь с ним, но никогда не рискнула бы пойти на такие нахальные требования.

Мишель сдержанно сказал, что он сделает то, что обещано, но что на дальнейшую совместную жизнь он не дает гарантии. Может, он проживает в Пскове год или два, но в конце концов, скорей всего, уедет в Москву или Ленинград, где он и намерен продолжать свою карьеру или, во всяком случае будет там искать соответствующей жизни, удовлетворяющей его потребностям.

Не оскорбляя девушку словами, Мишель все же дал ей понять разницу в их если и не положении, которое уравнялось революцией, то, во всяком случае, назначении в жизни.

Влюбленная молодая дама, соглашаясь во всем, восторженно глядела на его лицо и говорила, что она ничем не хочет связывать его жизни, что он волен поступать так, как ему заблагорассудится.

Несколько успокоенный в этом смысле, Мишель сам даже стал говорить, что брак этот — решенное дело, но что когда он произойдет, он еще не может сказать.

Они расстались, как и прежде, скорее дружески, чем враждебно. И Мишель спокойным шагом побрел домой, несмотря на то, что рана в его душе не могла зажить так скоро.

 *

Мишель женился на Симочке М., примерно, через полгода, зимой, в январе.

Предстоящий брак чрезвычайно подействовал на здоровье матери Мишеля. Она начала жаловаться на скуку жизни и пустоту и на глазах чахла и хирела, почти не вставая из-за самовара.

Понятие о браке было в то время несколько иное, чем теперь, и это был шаг, по мнению старых женщин, единственный, решительный и освещенный таинством.

Тетка Марья также была потрясена. При чем она как-то даже оскорбилась подобным ходом дела и уже все более часто говорила, что ей здесь не место, что она в ближайшее время поедет в Ленинград, где и приступит к своим мемуарам и описаниям встреч.

Мишель, несколько сконфуженный всеми делами, угрюмый ходил по комнатам, говоря, что если б не данное слово, он наплевал бы на все и уехал бы, куда глаза глядят. Но, во всяком случае, пусть все знают, что этот брак не связывает его, он хозяин своей жизни, он не отступает от своих планов и, вероятно, через полгода или год поедет вслед за теткой.

Свадьба была сыграна скромно и просто.

Они записались в комиссариате, после чего в церкви Преображения было устроено скромное венчание.

Все родственники с обеих сторон ходили сдержанные и как бы по-разному оскорбленные в своих чувствах. И только вдова М., напудренная и под-

крашенная, колбасилась в своей вуали по церкви и по квартире Мишеля, в которой и был устроен свадебный ужин.

Вдова одна за всех говорила за столом, провозглашала тосты и спичи и осыпала старух комплиментами, всячески поддерживая этим веселое расположение духа и приличный тон свадьбы.

Молодая краснела за свою мать и за ее рябоватое лицо, и за ее пронзительный, не дававший никому спуску, голос и, опустив голову, сидела за своих прибором.

Мишель за весь вечер не терял своей сдержанности, однако, его точила тоска и мысль о том, что его все же, чего бы там ни говорили, опутали, как сукинова сына. И что эта арапская женщина взяла его на испуг, тем более, что навряд ли она кинулась бы из окна.

И в конце ужина, криво усмехаясь, он после поздравлений и любезностей спросил вдову об этом, наклонившись к ее уху:

— А ведь вы бы не прыгнули из окна, Елена Борисовна, — сказал он.

Вдова успокаивала его, как могла, говоря и давая торжественные клятвы в том, что она несомненно и скорей всего прыгнула бы, если б он не дал своего согласия. Но под конец, разозленная его кривыми улыбочками, сердито сказала, что у нее шесть дочерей и если из-за каждой она начнет из окон прыгать, то и окон для этого не хватит в помещении.

Мишель пугливо смотрел на ее злое, оскорбленное лицо и, смешавшись, отошел в сторону.

— Все ложь, форменный эгоизм и обман, — бормотал Мишель, с краской в лице, вспоминая подробности.

Вечер все же прошел прилично и не оскорбительно для гостей, и началась повседневная жизнь с разговорами об отъезде, о лучшей жизни и о том, что в этом городе невозможно сколько-нибудь прилично устроить свою судьбу, принимая во внимание революционную грозу, которая все более и более разгоралась.

В ту весну, наконец собравшись, уехала в Ленинград тетка Марья Аркадьевна, и вскоре оттуда прислала отчаянное письмо, в котором извещала, что в дороге ее обокрали, унеся ее саквояж с частью драгоценностей.

Письмо было несвязное и запутанное — видимо, это потрясение сильно подействовало на немолодую даму.

К этому времени тихо и неожиданно скончалась мать Мишеля, не успев даже ни с кем проститься и отдать свои последние распоряжения.

Все это сильно подействовало на Мишеля, который стал какой-то тихий, робкий и даже пугливый.

Были пролиты слезы, но это событие вскоре заслонилось другим. У Симочки родился щупленький, но милый ребенок и новое, неиспытанное отцовское чувство несколько захватило Мишеля.

Однако, это не долго продолжалось, и он снова начал поговаривать об отъезде, уже более реально и решительно.

И осенью, получив от тетки Марьи новое письмо,

которое он никому не показал, Мишель быстро стал собираться, говоря, что он обеспечивает свою жену и ребенка всем движимым имуществом, оставляя его в их полную собственность.

Молодая дама попрежнему, а может даже и более, влюбленная в своего супруга, с ужасом слушала его слова, но не смела его удерживать, говоря, что он волен поступать, как ему хочется.

Она его любит попрежнему, не смотря ни на что, и пусть он знает, что тут, в Пскове, остается верный ему человек, готовый следовать за ним по пятам и в Ленинград, и в ссылку.

Пугаясь, как бы она не увязалась за ним в Ленинград, Мишель переводил разговор на другие темы, но молодая дама, рыдая, продолжала говорить о своей любви и самопожертвовании.

Да, она ему не пара, она всегда это знала, но если когда-нибудь он будет старый, безногий, если когда-нибудь он ослепнет или будет сослан в Сибирь, тогда он может позвать ее, и она с радостью отзовется на его приглашение.

Да, она даже хотела бы для него беды и несчастья — это их уравняло бы в жизни.

Мучаясь от жалости и проклиная себя за малодушие и такие разговоры, Мишель стал поторапливаться с отъездом.

В эту пору объяснений и слез Мишель написал новое стихотворение «Нет, не удерживай меня, младая дева» и стал быстро и торопливо укладывать свои чемоданы.

Он не долго вкушал семейное счастье и в одно

прекрасное утро, достав разрешение на выезд, отбыл в Ленинград с двумя небольшими чемоданами и корзинкой.

6

Новые планы. Несчастье тетки Марьи. Мишель поступает на службу. Новая любовь. Неожиданная катастрофа. Серьезная болезнь тетки.

Мишель приехал в Ленинград и поселился на Фонтанке, угол Невского.

Он временно поселился в теткиной комнате за ширмой. Однако, ему твердо была обещана отдельная комната, как только кто-нибудь из жильцов помрет.

Но Мишель и не очень торопился с этим. Другие идеи и планы теснились в его голове.

Он приехал в Ленинград примерно за год или за два до нэпа. Революция была в полном разгаре. Голод и разруха, так сказать, сжимали город в своих цепких объятиях. И, казалось, было странным приезжать в эту пору и искать лучшей жизни и карьеры. Но на это были свои причины.

В присланном письме тетка Марья со своей беспечностью извещала Мишеля, что, вероятно, в ближайшие месяцы город Ленинград отойдет к Финляндии, или к Англии, и будет объявлен вольным городом. В ту пору такие слухи ходили среди населения, и Мишель, взволнованный этим извещением, поторопился приехать.

Тетка, кроме того, извещала, что она отнюдь не

переменила своих либеральных убеждений и не идет против революции, но поскольку революция продолжается так долго и вот уже третий год, как ей не отдают имение, то это просто ни на что не похоже и в таком случае им самим необходимо предпринять решительные шаги.

Итак, в силу этого, Мишель прибыл в Ленинград и поселился на Фонтанке.

Он нашел тетку чрезвычайно изменившеюся. Он просто не узнал ее.

Это была весьма похудевшая старуха с отвисшей челюстью и блуждающим взором.

Тетка поведала ему, что ее за это время дважды обчистили. Первый раз в поезде и второй раз здесь на квартире. К ней под видом обыска пришли просто какие-то мазурики и, предъявив фальшивый мандат унесли почти все оставшиеся драгоценности.

Когда-то веселая и живая дама стала тихой, дрябловатой и не любопытной старухой. Она, по большей части, лежала теперь на своей кровати и неохотно вступала в разговор даже с Мишелем. А если и начинала говорить, то сводила разговор, главным образом, на свои кражи, волнуясь при этом и неся какую-то явную околесицу.

Однако, тетка не была в нужде. На ее шее была прекрасная массивная цепь с золотым лорнетом. На пальцах ее были нанизаны разные кольца и караты, и имущества в комнате было слишком достаточно.

Время от времени тетка Марья продавала на базаре ту или иную вещь и жила довольно пре-

красно, помогая при этом Мишелю, который ничего не имел и не предполагал иметь.

Слухи о вольном городе оставались ни на чем необоснованными слухами. И в силу этого приходилось подумать о более оседлой жизни и о будущей судьбе.

И Мишель, записавшись на биржу труда, вскоре получил назначение на работу.

Он получил назначение во Дворец Труда. И в силу того, что он не имел никакой специальности и в сущности не умел ничего делать, ему дали мелкую бестолковую работу в справочном отделении.

Такая работа, конечно, не могла удовлетворить духовных и поэтических запросов Мишеля. Больше того, он был несколько даже сконфужен и даже обижен такой работой, более пригодной для молодой беспечной девицы. Давать справки и указания, где какая комната расположена и где какой работает товарищ — это было просто смешно, несерьезно и даже форменным образом оскорбительно для его мужского достоинства.

Однако в ту пору нельзя было быть слишком разборчивым, и Мишель нес свои обязанности, неясно надеясь на какие-то перемены и улучшения.

К этому времени Мишель получил в квартире комнату, которая неожиданно очистилась благодаря отъезду за границу одного известного поэта Х.

Это была прелестная небольшая комната, тоже с видом на Фонтанку и Невский.

Это обстоятельство окрылило Мишеля и вдохнуло в него угасавшее творчество.

Получая паек и небольшую помощь от тетки, он уже довольно прилично себя чувствовал и стал ходить по гостям, найдя в городе кое-каких бывших своих знакомых и товарищей.

В эту зиму было получено два письмеца от Симочки.

Эти письма взволновали Мишеля, но, мучась от жалости к ней, он все же решил не отвечать на них, находя более правильным не морочить голову молодой женщине и не давать ей неопределенных надежд.

И он продолжал свою жизнь, отыскивая в ней новые радости.

В ту пору он сошелся с очень такой исключительной, красивой женщиной, несколько, правда, развязной в своих движениях и поступках.

Это была некая Изабелла Ефремовна Крюкова— очень красивая, элегантная женщина, совершенно неопределенной профессии и даже, кажется, не член профсоюза.

Эта связь доставила Мишелю много новых беспокойств и треволнений.

Не имея средств для приличной жизни, Мишель, сколько возможно, тянул со своей тетки, которая с каждым днем делалась все более угрюмой, нелюбезной и неохотно пускала в комнату Мишеля. И всякий раз беспокойно следила за его движениями во время визита, видимо побаиваясь, как бы он чего не спер.

Она давала ему незначительные подачки, и Ми-

шелю приходилось убеждать, кричать, даже ругать тетку, обзывая ее скупердяйкой, держимордой и сволочью.

Около года продолжалась такая беспокойная жизнь.

Красивая возлюбленная приходила к Мишелю на своих французских каблучках и требовала все новых и новых расходов. Поэту приходилось изворачиваться и ломать себе голову в поисках доходов.

Мишель продолжал нести свою службу, к которой он относился все более небрежно и халатно. Он неохотно давал теперь справки, кричал на посетителей и даже в раздражении иной раз топал на них ногами, посылая более назойливых к чертям собачьим и дальше.

Он особенно не любил грязных и неуклюжих мужиков, которые приходили за справками, путая, перевирая и неточно излагая свои мысли.

Мишель грубо орал на них, называя их сиволапыми олухами, и морщился от запаха нищеты, некрасивых лиц и грубой одежды.

Конечно, так не могло долго продолжаться и после целого ряда жалоб, Мишель потерял службу, лишившись пайка и кое-каких доходов.

Это был, в сущности говоря, серьезный удар и форменная катастрофа, но влюбленный поэт не замечал, что тучи над его головой сгущаются.

Изабелла Ефремовна приходила к нему почти что всякий день и пела грудным низким голосом разные цыганские романсы, притоптывая при этом ногами и аккомпанируя себе на гитаре.

Это была прелестная молодая дама, рожденная для лучшей судьбы и беспечной жизни. Она презирала бедность и нищету и мечтала уехать за границу, подбивая на это и Мишеля, с которым она мечтала перейти персидскую границу.

И в силу этого Мишель не искал работы и жил, надеясь на какие-то неожиданные обстоятельства.

И эти обстоятельства вскоре последовали.

В одно ненастное утро, придя в комнату тетки для того, чтобы попросить у нее необходимых ему денег, и приготовившись к стычке, Мишель был поражен беспорядком и сдвинутыми с места вещами.

Тетка Марья сидела в кресле, перебирая в руках какие-то бутылки, пузырьки и коробочки.

Она взволновалась, когда Мишель вошел в комнату, и, пряча под платок свои склянки, начала визжать и бросать в Мишеля что попадет под руку.

Мишель стоял остолбеневший около двери, не смея шагнуть дальше и не понимая, чего, собственно, тут происходит.

Через несколько секунд тетка, позабыв о Мишеле, начала кружиться по комнате, напевая при этом шансонетки и вскидывая ногами.

Тогда Мишель понял, что тетка Марья свихнулась в своем уме.

И, пугаясь ее, взволнованный и потрясенный, он прикрыл дверь и в щелку начал следить за безумной старухой.

У нее появились совершенно необычайные молодые движения. Ее обычная за последний год непо-

движность сменилась каким-то бурным весельем, движениями и суетой.

Тетка буквально порхала по комнате и, подбегая к зеркалу, гримасничала и кривлялась, посылая неизвестно кому воздушные поцелуи.

Мишель, пораженный, стоял за дверью, прикидывая в уме, как ему поступить и что делать и какие, собственно говоря, выгоды он может снять с этого дела.

Затем, прикрыв плотно дверь, Мишель кинулся к уполномоченному квартирой, чтоб сообщить о несчастьи.

7

Тетку отправляют в лечебницу. Желтый дом. Веселая жизнь. Свидание с теткой. Окончательная распродажа имущества.

Квартира, в которой проживал Мишель, была коммунальная. В ней было десять комнат с тридцатью слишком жильцами.

Мишель не имел отношения к этим людям, он даже чуждался их и не заводил знакомства.

Тут, между прочим, жил портной Елкин со своей супругой и ребенком, фабричная работница, бухгалтер Госцветмета Р. и почтовый служащий Н. С., который и являлся уполномоченным квартиры.

Было воскресенье, и все жильцы находились дома в своих комнатах.

Стараясь не шуметь и говоря взволнованным шопотом, Мишель предупредил уполномоченного о буйном сумасшествии своей тетки.

Было решено вызвать карету скорой помощи и поскорей сплавить старуху в сумасшедший дом, поскольку это представляло значительную опасность для жильцов.

Мишель, ахая, бросился в нижнюю квартиру и по телефону вызвал карету скорой помощи, которая и прибыла незамедлительно.

Два человека в белых балахонах в сопровождении Мишеля вошли в комнату старухи.

Тетка Марья, забившись в угол, не подпускала к себе никого, бросаясь вещами и ругаясь, как мужчина.

Позади раскрытых дверей теснились жильцы, помогая советами и планами захвату старухи.

Все говорили шопотом и с нескрываемым диким любопытством следили за движениями безумной старухи.

Братья милосердия в своих халатах, как более опытные, одновременно шагнули к больной и, схватив ее за руки, сжали ее в своих объятиях.

Старуха старалась укусить их за руки, но, как это и всегда бывает, бурная энергия сменилась спокойствием и даже безжизненной апатией.

Старуха позволила надеть на себя ватерпруф. Голову ей обвязали платком, и, подталкиваемая сзади Мишелем, она была благополучно под руки спущена вниз и посажена в автомобиль, в который уместился и Мишель, со страхом поглядывая на свою обезумевшую родственницу.

Всю дорогу тетка почти не проявляла признаков жизни и только, когда автомобиль приехал на

Пряжку и остановился у желтого дома, — тетка Марья снова проявила буйство и, сопротивляясь, долго не хотела вылезать из автомобиля, снова ругаясь безобразными словами.

Однако, ее благополучно вывели и под руки через сад повели в подъезд.

Сторож у ворот, привыкший к таким делам, без любопытства наблюдал за этой сценой и, привстав со своей скамейки, молча пальцем указал, куда двигаться.

Старуху провели через темный коридор и сдали в распределитель.

Мишель заполнил анкету и, получив на руки теткины драгоценности, — ее золотую цепочку с лорнетом, кольца и брошь, — вышел взволнованный из приемной комнаты.

Он прошел сад и, очутившись на улице, остановился в нерешительности. Потом долго ходил по улице и со страхом и даже с ужасом поглядывал на желтый дом, прислушиваясь к крикам и воплям, доносившимся из открытых окон.

Он пошел было домой, но, остановившись на деревянном мосту через Пряжку, обернулся назад.

Желтый дем с облезлой, грязной штукатуркой был теперь весь на виду. В окнах за решетками мелькали белые фигуры. Некоторые неподвижно стояли у окон и смотрели на улицу. Другие, ухватившись за решетки, старались сдвинуть их с места.

Внизу на улице, на берегу Пряжки, стояли нормальные люди и с нескрываемым любопытством

глядели на сумасшедших, задрав кверху свои головы.

Мишель быстро и не оглядываясь пошел домой, неся в своих руках теткины драгоценности.

Первые дни потрясения прошли, все улеглось, и жизнь, как обычно, пошла дальше.

Не имея службы и не ища ее, Мишель продолжал беспечно существовать и, встречаясь со своей возлюбленной, жил на теткино имущество, которое так неожиданно досталось ему.

В то время был уже нэп во всем своем разгаре. Снова были открыты магазины, театры и кино. Появились извозчики и лихачи. И Мишель со своей дамой окунулся в водоворот жизни.

Они под руку появлялись во всех ресторанах и кабачках. Танцовали фокстрот и утомленные, почти счастливые, возвращались на лихаче домой, с тем, чтобы заснуть крепким сном и утром снова начать веселое, беспечное существование.

Но иной раз, вспоминая про свою тетку и тратя ее имущество, Мишель чувствовал угрызения совести и тогда всякий раз давал себе слово навестить больную, для того, чтоб снести ей кой-каких конфект и гостинцев и тем самым сделать ее участницей в расходах.

Но дни шли за днями, и Мишель откладывал свое посещение.

В эту зиму веселья и танцев Мишел получил извещение из Пскова от своего владельца дома и теперь арендатора о том, что его жена, потеряв ребенка и выйдя замуж, уехала из квартиры, задол-

жав ему значительную сумму. Она оставила ему кое-какую мебель, которую арендатор и сосчитает своей, если Мишель не пришлет ему денег в ближайший месяц.

Прочтя это письмо утром, после попойки, Мишель сердито скомкал его и бросил под кровать, с тем, чтобы не вспоминать о своей прошлой жизни.

Так проходила зима, и в один из февральских дней, после того, как были проданы последние драгоценности, Мишель отправился к тетке на свидание.

Он купил разной снеди и с тяжелым сердцем и неопределенным страхом отправился на Пряжку.

Тетку привели в приемную комнату и оставили ее вместе с Мишелем.

Буйное сумасшествие сменилось тихой меланхолией, и теперь тетка Марья, в своей белой полотняной кофте, стояла перед Мишелем и, странно и хитро поглядывая на него, не узнавала своего племянника.

Сказав несколько неопределенных слов и делая руками энергичные жесты, понятные сумасшедшим, Мишель молча поклонился и вышел из помещения, с тем, чтобы сюда никогда не возвращаться.

С легким сердцем Мишель вернулся домой и уже со спокойной совестью стал распоряжаться своим наследством.

Изабелла Ефремовна ревностно помогала ему в этом, уговаривая его поменьше церемониться и стесняться в смысле окончательной распродажи всего имущества.

8

Неожиданная беда. Ужасный скандал. Нервная болезнь Мишеля. Ссора с возлюбленной. Падение.

В апреле 1925 года стояла исключительно хорошая и ясная погода.

Мишель в легком своем пальто, под руку с Изабеллой Ефремовной, выходил из своей комнаты, желая пойти погулять на Набережной и посмотреть на ледоход.

И, закрывая дверь на ключ и напевая «Бананы, бананы», он поглядывал на свою даму.

Она тут же колбасилась в коридоре, делая своими стройными ножками разные па и танцуя чарльстон.

Она была чудно хороша в своем светлом, весеннем костюме, со своим прелестным профилем и завитушками из-под шляпы.

Мишель любовно глядел на нее, восхищаясь ее красотой, молодостью и беспечностью.

Да, конечно, она не была слишком ученая девица, способная с легкостью поговорить о Канте или Бабеле, или о теории вероятности и относительности. Безусловно, она этого ничего не знала и не имела склонности к умозрительным наукам, предпочитая им легкую, простую жизнь. Морщины раздумья не бороздили ее лба.

Мишель любил ее со всей страстью и, мысленно сравнивая ее со своей бывшей Симочкой, приходил в ужас — как он мог так низко пасть, женившись на такой провинциальной курочке.

Итак, танцуя чарльстон и дурачась, и взявшись за руки, они пошли по коридору и, выйдя в прихожую, остановились, чтоб пропустить вошедшую пару.

Это был рассыльный с книжкой и рядом с ним старая женщина, завернутая в зимний ватерпруф с головой, повязанной шерстяным платком.

Это была не кто иная, как тетка Марья.

Грубым, шутливым тоном рассыльный спросил, здесь ли проживала выздоровевшая гражданка А. и если здесь, то вот неугодно ли принять кого следует.

Все помутилось в глазах Мишеля. Ноги приросли к полу, и страх отнял у него дар речи.

Кое-как поставив небольшую каракулю в рассыльной книге, Мишель перевел глаза на тетку, которая, сконфуженно улыбаясь, ручкой приветствовала своего племянника.

Мишель начал лепетать непонятные слова и, пятясь к двери, старался заслонить проход, не желая тем самым пропустить тетку дальше.

Тетка Марья шагнула к нему и начала довольно понятно изъясняться, говоря, что она сильно прихворнула, но теперь почти что оправилась и в дальнейшем нуждается только в полной тишине и спокойствии.

Понимая всю серьезность дела и не желая мешать объяснению родственников, Изабелла Ефремовна, сказав, что она зайдет завтра, как птичка, выпорхнула на лестницу и исчезла.

А тетка Марья, в сопровождении Мишеля, пошла по коридору, направляясь к своей двери.

Мишель, взяв тетку под руку и стараясь не допустить ее в комнату, в которой оставалась лишь какая-то жалкая дребедень, тянул ее к себе, говоря, что, ну вот и отлично, и прекрасно, вот сейчас они присядут у Мишеля на диване и попьют чайку.

Однако, тетка, не пожелав чаю, настойчиво шла к своей комнате, твердо сохранив в своем непрочном уме расположение комнат.

Она вошла в комнату и остановилась, пораженная и полная гнева.

Автор, щадя нервы читателей, не считает возможным продолжать свое описание скандала и драматических сцен, происшедших в первые полчаса.

Оголенная комната зияла своей пустотой. В углу стоял нетронутый мраморный умывальник и несколько стульев, не проданных в силу значительной изношенности.

По прошествии получаса тетка набросилась на Мишеля снова, по-мужски ругаясь и выкрикивая такие слова, от которых шарахались в сторону видавшие виды жильцы.

Нервный подъем сменился тихими слезами, чем воспользовался Мишель. Он проскользнул в свою комнату и, обессиленный, рухнул на кровать.

К вечеру стало известно, что тетка вновь свихнулась в своем уме и вновь делает по своей комнате какие-то прыжки и движения.

Еле волоча ноги, Мишель убедился в этом и,

сделав соответствующие распоряжения, вернулся к себе.

К ночи тетку Марью вновь отвезли в психиатрическую лечебницу.

Жильцы судачили о всяких превратностях судьбы и говорили о необходимости показательного суда над Мишелем, который обратно свел тетку с ума, решив воспользоваться ее последними креслами.

Однако, Мишель на другой день слег в постель в нервной горячке и этим прекратил пересуды.

Три недели он пролежал, думая, что пришел ему конец и расплата, но молодость и цветущее здоровье сохранили ему жизнь.

Изабелла Ефремовна изредка посещала его. Ее веселость сменилась натянутостью и она еле разговаривала с больным, пикируясь и капризничая.

Болезнь значительно изменила Мишеля. Вся его беспечность ушла, и он снова был таким же, как в Пскове — меланхоличным и созерцательным субъектом.

Вновь приходилось подумать о существовании и о куске насущного хлеба.

М. П. Синягин принялся хлопотать и несколько раз ходил на биржу труда, регистрируясь и отмечаясь.

Не умея ничего делать и не зная никакой специальности, он имел, конечно, мало шансов получить приличную работу.

Правда, ему сразу предложили поехать на торфя-

ные разработки, говоря, что, не имея специальности, он навряд ли получит сейчас что-либо другое.

Это предложение страшно поразило Мишеля и даже напугало. Как, он должен поехать куда-то там такое за 60 верст и там копать лопатой разную дрянь и глину! Это никак не укладывалось в его голове, и он, сердито обругав барышню свиньей, ушел домой.

Он стал продавать свои вещи, приобретенные за время своего благополучия, и полгода жил довольно прилично, не имея сильной нужды.

Но так, конечно, не могло вечно продолжаться, и надо было подумать о чем-то существенном.

И, понимая, что он катится под гору, Мишель старался все же не думать об этом и, сколько возможно, оттягивал решительный момент.

К этому времени он поругался с Изабеллой Ефремовной, которая все еще иногда заходила к нему и, хмуря носик, спрашивала, что он намерен делать.

Он поссорился с ней, назвав ее гадиной и корыстной, канальей, и этот разрыв несколько даже облегчил его существование.

Изабелла Ефремовна охотно пошла на ссору и, хлопнув дверью, упорхнула, предварительно, конечно, поскандалив и поругавшись на разные темы.

Мишель понимал свое критическое положение, и ему временами казалось, что всюду жизнь, и, может, действительно стоит поехать на разработки. Однако, поругавшись на бирже и порвав свой листок, Мишель уже не имел мужества пойти туда вновь.

9

Приятная встреча. Новая работа. Мрачные мысли. Нищета. Душевное спокойствие. Благодетельная природа. Помощь автора. Кража пальто с обезьянковым воротником.

Оставив себе серый пиджачок и осеннее пальто, Мишель без жалости расстался почти со всем своим имуществом.

Но оставленные вещи чрезвычайно быстро приходили в ветхость, и это обстоятельство только усиливало падение.

Понимая, что ему не выбраться из создавшегося положения, Мишель вдруг успокоился и поплыл по течению, мало заботясь о том, что будет.

Однажды, встретив одного знакомого нэпмана и владельца маленькой фабрички минеральных и фруктовых вод, Мишель шутливо попросил какимнибудь образом помочь ему.

Тот обещал устроить его на свою фабричку, однако предупредил, что работа будет не слишком подходящая для поэта и вряд ли Мишель на нее согласится. Надо было мыть бутылки, которые во множестве с разных сторон и даже из помоек поступали на фабрику, где их и приводили в христианский вид, полоща и моя с песком и еще с какой-то дрянью.

Мишель взял эту работу и несколько месяцев ходил в Апраксин рынок на производство, пока не прогорел зарвавшийся нэпман.

Спокойствие и ровное душевное состояние не покидало Мишеля. Он как бы потерял старое

представление о себе. И, приходя домой, ложился спать, не думая ни о чем и ни о чем не вспоминая.

Когда нэпман прогорел и заработок был потерян, Мишель и тут не почувствовал большой беды.

Правда, временами, очень редко находило на него раздумье, и тогда Мишель, как волк, бегал по своей комнате, кусая и грызя свои ногти, к чему он получил привычку за последний год.

Но это, собственно, были последние волнения, после чего жизнь потекла попрежнему ровно, легко и бездумно.

Уже все жильцы в квартире видели и знали, как обстоят дела Мишеля, и сторонились его, побаиваясь, как бы он не сел им на шею.

И, незаметно для себя, Мишель из владельца комнаты стал угловым жильцом, поскольку в его комнату вселился один безработный, который по временам ходил торговать семечками.

Так прошел почти год, и жизнь увлекала Мишеля все глубже и глубже.

Уже портной Егор Елкин, заходя в комнату Мишеля, пьяным голосом иной раз просил его присмотреть за своим младенцем, так как надо было портному отлучиться, а супруга нивесть где бродит по случаю своей красоты и молодости.

И Мишель заходил в комнату к портному и без интереса глядел, как полуголый ребятенок скользит по полу, шаля, забавляясь и поедая тараканов.

Дни шли за днями, и Мишель ничего не предпринимал.

Он стал иногда просить милостыню. И, выходя

на улицу, иной раз останавливался на углу Невского и Фонтанки и стоял там, спокойно поджидая подаяния.

И, глядя на его лицо и на бывший приличный костюм, прохожие довольно охотно подавали ему гривенники и даже двугривенные.

При этом Мишель низко кланялся, и приветливая улыбка растягивала его лицо. И, низко кланяясь, он следил глазами за монетой, стараясь поскорей угадать ее достоинство.

Он не замечал в себе перемены, его душа была попрежнему спокойна и никакого горя он не ощущал в себе.

Автору кажется, что это форменная брехня и вздор, когда многие и даже знаменитые писатели описывают разные трогательные мучения и переживания отдельных граждан, попавших в беду, или, скажем, не жалея никаких красок, сильными мазками описывают душевное состояние уличной женщины, накручивая на нее чорт знает чего, и сами удивляются тому, чего у них получается.

Автор думает, что ничего этого, по большей части, не бывает.

Жизнь устроена гораздо, как бы сказать, проще, лучше и пригодней. И беллетристам от нее совершенно мало проку.

Нищий перестает беспокоиться, как только он становится нищим. Миллионер, привыкнув к своим миллионам, также не думает о том, что он миллионер. И крыса, по мнению автора, не слишком страдает от того, что она крыса.

Ну, насчет миллионера автор, возможно, что и прихватил лишнее. Насчет миллионера автор не утверждает, тем более, что жизнь миллионера проходит для автора, как в тумане.

Но это дела не меняет, и величественная картина нашей жизни остается в силе.

Вот тут-то и приходит на ум то обстоятельство, о котором автор уже имел удовольствие сообщать в своем предисловии. Человек очень даже великолепно устроен и охотно живет такой жизнью, какой живется. Ну, а которые не согласны, те, безусловно, идут на борьбу, и ихнее мужество и смелость всегда вызывали у автора изумление и чувство неподдельного восторга.

Конечно, автор не хочет сказать, что человек, и в данном случае М. П. Сипягин, стал деревянным и перестал иметь чувства, желания, любовь хорошо покушать и так далее.

Нет, это все у него было, но это было уже в другом виде и, так сказать, в другом масштабе, вровень с его возможностями.

Чувства автора перед величием природы не поддаются описанию!

Автор должен еще сказать, что он сам находился в те годы в сильной нужде и помощь с его стороны своему родственнику была незначительная. Однако, автор много раз давал ему, сколько было возможно.

Но однажды, в отсутствие автора, Мишель снял с вешалки чужое пальто с обезьянковым воротником и загнал его буквально за гроши. После чего

Мишель вовсе перестал заходить и даже перестал раскланиваться с автором.

Конечно, автор понимал его грустноватое положение и даже одним словом не заикнулся о краже, но Мишель, чувствуя свою вину, попросту отворачивался от автора и не хотел вступать с ним ни в какие разговоры.

Об этом автору приходится говорить с чрезвычайно, так сказать, стесненным чувством и даже с сознанием какой-то своей вины, в то время как никакой вины, в сущности, не было.

10

Жизнь начинается завтра. Выручка за день. Ночлежный дом. Сорок лет. Неожиданные мысли. Новое решение.

Автор считает нужным предупредить читателя о том, что наше повествование окончится благополучно и в конце концов счастье вновь коснется крыльями нашего друга Мишеля Синягина.

Но пока что нам придется еще немного коснуться кое-каких неприятных переживаний.

Так проходили месяцы и годы. Мишель Синягин побирался и почти всякий день отправлялся на эту свою работу либо к Гостиному двору, либо к Пассажу.

Он становился к стенке и стоял, прямой и неподвижный, не протягивая руки, но кланяясь по мере того, как проходили подходящие для него люди.

Он собирал около трех рублей за день, а иногда

и больше, и вел сносную и даже сытую жизнь, кушая иной раз колбасу, студень и другие товары.

Однако, он задолжал за квартиру, не платя за нее почти два года, и этот долг висел теперь над ним, как Дамоклов меч.

Уже к нему в комнату заходили люди и откровенно спрашивали об его отъезде.

Мишель говорил какие-то неопределенные вещи и давал какие-то неясные обещания и сроки.

Но однажды вечером, не желая новых объяснений и новых натисков, он не вернулся домой, а пошел ночевать в ночлежку или, как еще иначе говорят, на гопу, на Литейный проспект.

В ту пору на Литейном, недалеко от Кирочной, был ночлежный дом, где за 25 копеек давали отдельную койку, кружку чая и мыло для умывания.

Мишель несколько раз оставался здесь ночевать и, в конце концов, вовсе сюда перебрался со своим небольшим скарбом.

И тогда началась совсем размеренная и спокойная жизнь, без ожидания каких-то чудес и возможностей.

Конечно, собирать деньги не было занятием слишком легким. Надо было стоять на улице и, в любую погоду поминутно снимать шапку, застуживая этим свою голову и простужаясь.

Но другого ничего пока не было и другого выхода Мишель не искал.

Ночлежка с ее грубоватыми обитателями и резкими нравами, однако, значительно изменила скромный характер Мишеля.

Здесь тихий характер и робость не представляли никакой ценности и были даже, как бы сказать, ни к чему.

Грубые и крикливые голоса, ругань, кражи и мордобой выживали таких людей или заставляли их соответствующим образом менять свое поведение.

И Мишель стал говорить грубоватые фразы своим сиплым голосом и, защищаясь от ругани и насмешек, нападал в свою очередь сам, безобразно ругаясь и даже участвуя в драках.

Утром Мишель убирал свою койку, пил чай и, часто не мывшись, торопливо шел на работу, иногда беря с собой замызганный парусиновый портфель, который, как бы сказать, придавал ему особенно четкий, интеллигентный вид и указывал на его бывшее происхождение и возможности.

Дурная привычка последних лет — грызть свои ногти — стала совершенно неотвязчивой и Мишель обкусывал свои ногти до крови, не замечая этого и не стараясь от этого отвыкнуть.

Так прошел еще год, итого почти девять лет со дня приезда в Ленинград. Мишелю было 42 года, но длинные и седоватые волосы придавали ему еще более старый и опустившийся вид.

В мае 1929 года, сидя на скамейке Летнего сада и греясь на весеннем солнце, Мишель незаметно и неожиданно для себя с каким-то даже страхом и торопливостью стал думать о своей прошлой жизни, о Пскове, о жене Симочке и о тех прошлых днях, которые казались ему теперь удивительными и даже сказочными.

Он стал думать об этом в первый раз за несколько лет. И, думая об этом, почувствовал тот старый нервный озноб и волнение, которое давно оставило его и которое бывало, когда он сочинял стихи или думал о возвышенных предметах.

И та жизнь, которая ему казалась унизительной для его достоинства, теперь сияла своей небесной чистотой. Та жизнь, от которой он ушел, казалась ему теперь наилучшей жизнью за все время его существования.

Страшно взволнованный, Мишель стал мотаться по саду, махая руками и бегая по дорожкам.

И вдруг ясная и понятная мысль заставила его задрожать всем телом.

Да, вот сейчас и сию минуту он поедет в Псков, там встретит свою бывшую жену, свою любящую Симочку, с ее миленькими веснушками. Он встретит свою жену и проведет с ней остаток своей жизни в полном согласии, любви и нежной дружбе.

И, думая об этом, он вдруг заплакал от всевозможных чувств и восторга, охватившего его.

И, вспоминая те жалкие и счастливые слова, которые она ему говорила 9 лет назад, Мишель поражался теперь, как он мог ею пренебречь и как он мог учинить такое явное сукин-сынство — бросить такую исключительную и достойную даму.

Он вспоминал теперь каждое слово, сказанное ею. Да, это она ему сказала и она молила судьбу, чтоб он был больной, старый и хромой, предполагая, что тогда он вернется к ней.

И, еще более взволновавшись от этих мыслей, Мишель побежал, сам не зная куда.

Быстрая ходьба несколько утихомирила его волнение, и тогда, торопясь и не желая терять ни одной минуты, Мишель отправился на вокзал и там начал расспрашивать, когда и с какой платформы отправляется поезд.

Но, вспомнив, что у него было не больше одного рубля денег, Мишель снова задрожал и стал спрашивать о цене билета.

Проезд до Пскова стоил дороже, и Мишель, взяв билет до Луги, решил оттуда как-нибудь добраться до своего сказочного города.

Он приехал в Лугу ночью и крепко заснул на сложенных возле полотна шпалах.

А чуть свет, дрожа всем телом от утренней прохлады и волнения, Мишель вскочил на ноги и, покушав хлеба, пошел в сторону Пскова.

11

Возвращение. Родные места. Свидание с женой. Обед. Новые друзья. Служба. Новые мечты. Неожиданная болезнь.

Мишель пошел по тропинке вдоль полотна железной дороги, шагая сначала в какой-то нерешительности и неуверенности.

Потом он прибавил шаг и несколько часов подряд шел, не останавливаясь и ни о чем не думая.

Вчерашнее его волнение и радость сменились тупым безразличием и даже апатией. И он шел теперь,

двигаясь по инерции, не имея на это ни воли, ни особой охоты.

Было прелестное майское утро. Птички чирикали, с шумом вылетая из кустов, около которых проходил Мишель.

Солнце все больше и больше пекло ему плечи и ноги, обутые в галоши, стерлись и устали от непривычной ходьбы.

В полдень Мишель, утомившись, присел на край канавы и, обняв свои колени, долго сидел не двигаясь и не меняя позы.

Белые неподвижные облака на горизонте, молодые листочки деревьев, первые желтые цветы одуванчика напомнили Мишелю его лучшие дни и снова заставили его на минуту взволноваться о тех возможностях, которым он шел навстречу.

Мишель растянулся на траве и, глядя в синеву неба, снова почувствовал какую-то радость успокоения.

Но эта радость была умеренная. Это не была та радость и тот восторг, которые охватывали Мишеля в дни его молодости.

Нет, он был другим человеком, с другим сердцем и с другими мыслями.

Неизвестно, правда ли это, но автору одна девушка, окончившая в прошлом году стенографические курсы, рассказала, будто в Африке есть какие-то животные, вроде ящериц, которые при нападении более крупного существа выбрасывают часть своих внутренностей и убегают, с тем, чтобы в безопасном месте свалиться в бессознательном состоянии и ле-

жать на солнце, покуда не нарастут новые органы. А нападающий зверек прекращает погоню, довольствуясь тем, что ему дали.

Если это так, то восхищение автора перед явлениями природы наполняет его новым трепетом и жаждой жить.

Мишель не был похож на такую ящерицу, он сам нападал и сам хватал своих врагов за загривок, но в схватке он, видимо, тоже растерял часть своего добра и сейчас лежал пустой и почти безразличный, не зная, собственно, зачем он пошел и хорошо ли это он сделал.

Через два дня отдыхая почти каждый час и ночуя в кустах, Мишель пришел в Псков, вид которого заставил забиться его сердце.

Мишель прошел по знакомым улицам и вдруг очутился у своего дома, с тоской заглядывая в его окна и до боли сжимая свои руки.

И, открыв плечом калитку ворот, он вошел в сад. в тот небольшой, тенистый сад, в котором когда-то писались стихи и в котором когда-то сидели тетка Марья, мамаша и Симочка.

Все было так же, как и 9 лет назад, только дорожки сада были запущены и заросли травой.

Те же две высокие ели росли у заднего крыльца, и та же собачья будка без собаки стояла у сарайчика.

Несколько минут стоял Мишель неподвижно, как изваяние, созерцая эти старые и милые вещи. Но вдруг чей-то голос вернул его к действительности.

Старая, завернутая в белую косынку, старуха бес-

спокойно глядя на него, спросила, зачем он сюда пожаловал и что ему нужно.

Путаясь в словах и со страхом называя фамилии, Мишель стал расспрашивать о бывших жильцах, об арендаторе дома и о Серафиме Павловне, его бывшей жене.

Старуха, приехавшая сюда недавно, не могла удовлетворить его любопытства, однако, указала адрес, где теперь проживала Симочка.

Через полчаса Мишель, унимая сердцебиение, стоял у дома на Басманной улице.

Он постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь и шагнул на порог кухни.

Молодая женщина в переднике стояла у плиты. держа в одной руке тарелку, другой рукой, вооруженной вилкой, она доставала вареное мясо из кипящей кастрюльки.

Женщина сердито посмотрела и, нахмурившись, приготовилась закричать на вошедшего, но вдруг слова замерли на ее губах.

Это была Серафима Павловна, это была Симочка, сильно изменившаяся и постаревшая.

Ах, она очень похудела! Когда-то полненький ее стан и круглое личико были неузнаваемые и чужие.

У нее было желтоватое увядшее лицо и короткие обстриженные волосы.

— Серафима Павловна, — тихо сказал Мишель и шагнул к ней.

Она страшно закричала, металлическая тарелка выпала из ее рук и со звоном и грохотом покатилась

по полу. И вареное мясо упало в кастрюлю, разбрызгивая кипящий суп.

— Боже мой, — сказала она, не зная, что сделать и что сказать.

Она подняла тарелку и, пробормотав: — «сейчас», — скрылась за дверью.

Через минуту она снова вернулась в кухню и, робко протянув руку, попросила Мишеля сесть.

Не смея к ней подойти и страшась своего вида, Мишель сел на табурет и сказал, что вот он, наконец, пришел и что вот у него какое печальное положение.

Он говорил тихим голосом и, разводя руками, вздыхал и конфузился.

— Боже мой, боже мой, — бормотала молодая женщина, с тоской ломая свои руки.

Она смотрела на его одутловатое лицо и на грязное тряпье его костюма и беззвучно плакала, не соображая, что делать.

Но вдруг из комнаты вышел муж Серафимы Павловны и, видимо, уже зная в чем дело, молча пожал Мишелю руку и, отойдя в сторону, присел на другую табуретку возле окна.

Это был гр. Н., заведывающий кооперативом, немолодой уже и скорей пожилой человек, толстоватый и бледный.

Сразу поняв в чем дело и сразу оценив положение и своего неожиданного соперника, он стал говорить веским и вразумительным тоном, советуя Серафиме Павловне позаботиться о Мишеле и принять в нем участие.

Он предложил Мишелю временно поселиться у них в доме, в верхней летней комнатке, поскольку уже в достаточной мере тепло.

Они обедали втроем за столом и, кушая вареное мясо с хреном, изредка перекидывались словами, относительно дальнейших шагов.

Муж Серафимы Павловны сказал, что службу сейчас найти крайне легко и что безработных сейчас все меньше и меньше на бирже труда, так что в этом он не видит никакого затруднения. И это обстоятельство позволит, вероятно, Мишелю даже выбирать себе службу из нескольких предложений. Во всяком случае, об этом тревожиться не надо. Временно он будет проживать у них, а там, в дальнейшем, будет видно.

Мишель, не смея поднять глаз на Симочку, благодарил и жадно пожирал мясо и хлеб, запихивая в рот большие куски.

Симочка также не смела на него смотреть и только изредка бросала взгляды, по временам бормоча: «Боже мой, боже мой».

Мишелю устроили верхнюю комнату, поставив туда парусиновую кушетку и небольшой туалетный стол.

Мишель получил кое-какое белье и старый люстриновый пиджак и, умывшись и побрив свои щеки, с какой-то радостью облачился во все свежее и с радостью долго разглядывал себя в зеркале, поминутно благодаря своего благодетеля.

Сильные треволнения и ходьба страшно его утомили и он, как камень заснул у себя наверху.

Ночью, часов в 11, ничего не понимая и не соображая, где он находится, Мишель проснулся и вскочил со своего ложа.

Потом, вспомнив о случившемся, он присел у окна и стал вспоминать о всех словах, сказанных за день.

И, просидев около часу, он вдруг почувствовал голод.

Вспоминая сытный питательный обед, который он жадно и без разбора проглотил, Мишель тихой и вороватой походкой спустился вниз, в кухню, с тем, чтобы пошарить там и снова подкрепить свои силы.

Он осторожно по скрипучим половицам вошел в кухню и, не зажигая свет. стал шарить рукой по плите, отыскивая какую-нибудь еду.

Серафима Павловна вышла на кухню, дрожа всем телом и думая, что Мишель пришел с ней поговорить, объясниться и сказать то, чего не было сказано, подошла к нему и, взяв его за руку, начала что-то лепетать взволнованным шопотом.

Сначала страшно испугавшись, Мишель понял в чем дело и, держа в руке кусок хлеба, безмолвно слушал слова своей бывшей возлюбленной.

Она говорила ему, что все изменилось и все прошло, что, вспоминая о нем, она правда, продолжала его любить, но что сейчас ей кажутся ненужными и лишними какие-либо новые шаги и перемены. Она нашла свою тихую пристань и больше ничего не ищет.

Мишель, по простоте душевной, тотчас ответил, что этих перемен он и не ожидает, но что он будет

рад и счастлив, если она позволит ему временно проживать в ихнем доме.

И, жуя хлеб, Мишель благодарно пожимал ее ручки, прося не очень за него беспокоиться и не очень волноваться.

Через несколько дней, отъевшись и приведя себя в порядок, Мишель получил работу в управлении кооперативов.

Угасавшая жизнь снова вернулась к Мишелю и, сидя за обедом, он делился своими впечатлениями за день и строил разные планы о будущих возможностях, говоря, что теперь он начал новую жизнь и что теперь он понял все свои ошибки и все свои наивные фантазии и что он хочет работать, бороться и делать новую жизнь.

Серафима Павловна с мужем дружески беседовали с ним, сердечно радуясь его успехами и возрождению.

Так проходили дни и месяцы и ничто не омрачало жизнь Мишеля.

Но в феврале 1930 года Мишель неожиданно, заболев гриппом, который осложнился воспалением легких, умер почти на руках у своих друзей и благодетелей.

Симочка страшно плакала и долго не находила себе места, проклиная себя за то, что она не сказала Мишелю всего, что хотела и что думала.

Мишель был похоронен на б. монастырском кладбище. Могила его и посейчас убирается живыми цветами.

Сент. 1930 г.

III

ОТ АВТОРА

В этом отделе я печатаю два рассказа, написанные мною в 1921—22 г.

Эти рассказы я почему-то не включил в первые 4 тома моего собрания. Однако мне хотелось бы сохранить их на память. И по этой причине я печатаю их здесь.

При всей их наивности они все же написаны сносно, а первый рассказ «Лялька» — просто хорошо.

Сент. 1930 г.

ЛЯЛЬКА ПЯТЬДЕСЯТ

I

И какой такой чудак сказал, что в Питере жить плохо? Замечательно жить. Нигде нет такого веселья, как в Питере. Только были бы денежки. А без денег... Это точно, что пропадешь без денег. И когда же придет такое великолепное время, что человеку все будет бесплатно?

По вечерам на Невском гуляют люди. И не так чтобы прогулкой, а на углу постоят, полюбопытствуют на девочек, пройдут по-весеннему — танцуют ноги, и на угол снова... И на каждый случай нужны денежки. На каждый случай особый денежный расчет...

— Эх, подходи, фартовый мальчик, подходи! Угощай папиросочкой...

Не подойдет Максим. У Максима дельце есть на прицеле. Ровнехонько складывается в голове, как и что. Как начать и себя как повести. У Максима замечательное дельце. Опасное. Не засыпется Максим — холодок аж по коже — в гору пойдет. Разбогатеет это ужасно как. Ляльку Пятьдесят к себе возьмет. Вот как. И возьмет.

Очень уж замечательная эта Лялька Пятьдесят. Деньги она обожает — даст Максим ей денег. Не жалко. Денег ей много нужно — верно. Такой-то не мало денег нужно. Ковер, пожалуйста, на стене, коврище на полу, а в белой клетке — тропическая птица попугай. Сахар жрет... Хе-хе...

Конешно, нужны денежки. Нужны, пока не пришло человеку бесплатное время.

А Лялька Пятьдесят легка на помине. Идет — каблучками постукивает.

— Здравствуй, Ляля Пятьдесят... Каково живешь? Не узнала, милая?

Узнала Лялька. Как не узнать — шпана известная... Только корысти-то нет от разговоров. У Ляльки дорога к Невскому, а у Максима, может, в другую сторону.

Нелюбезная сегодня Лялька. В приятной беседе нет ей удовольствия. Не надо.

Подошел Максимка близко к ней, в ясные глазки посмотрел.

— Приду, — сказал, — к тебе вечером. С большими деньгами. Жди — поджидай.

Улыбнулась, засмеялась Лялька, да не поверила. Дескать, врет шпана. И зачем такое врет? Непонятно.

Но, прощаясь, на всякий случай за ручку подержалась.

Пошел Максим на Николаевскую, постоял у нужного дома, а в голове дельце все в тонкостях. Отпусти, скажет, бабка Авдотья, товарцу на десять косых. Отпустит бабка, а там как по маслу. Не бу-

дет никакого заскока. А заскока не будет — так придет Максимка к Ляльке Пятьдесят. Выложит денежки... «Бери, — скажет, — пожалуйста. Не имею к деньгам пристрастия. Бери за поцелуй пачечку»...

А Лялька в это время вышла к Невскому, постояла на углу, покачала бедрами, потопала ножками, будто чечетку пляшет, и сразу заимела китайского богача.

Смешно, конешно, что китайского ходю.

Любопытно даже. Да только по-русски китаец говорит замечательно.

— Пойду, — говорит, — к тебе, красивая.

II

Написано мелом на дверях: портной. Да только нет здесь никакого портного. И никогда и не было. А живет здесь Авдотья спекулянтка. У ней закрытое мелочное заведение. Она и написала мелом на дверях для отвода глаз.

К этой-то бабке Авдотье и пошел Максим.

В дверь, где мелом «портной» сказано, постучал условно.

А когда открыли ему дверь — так сразу покосился весь Максимкин план. Не Авдотья, а муж бабки Авдотьи стоял перед Максимом.

Шагнул Максим за порог, лопочет непонятное. Сам соображает, как и что. Покосился план, да и только. Не во-время приехал чортов муж...

Говорит Максимка глупые слова:

— Отпусти, — говорит, — бабка Авдотья, на десять косых...

Усмехнулся бабкин муж и в комнату пошел.

А Максим за ним.

Бабкин муж веса ставит, а Максимка примеряет: как и что. Да только покосился план, мыслимо ли сразу лазеечку найти.

А бабкин муж интересуется:

— Какого же тебе товарцу, кавалер?

— Разного товарцу отпусти...

— Из кисленького, может быть, — интересуется, — капусточки?

— Из кисленького, бабка Авдотья.

Стал тут бабкин муж капусту класть из кадочки, а Максим метнул сюда-туда глазом. Максим схватил гирьку и трехфунтовой гирькой тюкнул по голове бабкиного мужа.

Рухнул бабкин муж у кадочки. В руке вилка. На вилке капуста.

А Максим к прилавку. На прилавке — ящик с деньгами. Шарит Максим — в пальцах дрожь. Вытащил деньги, да маловато денег. Где же такое денежки?

Роет Максим по комнате — нету денег. А в руки все ненужное лезет, — гребенка, например, или блюдечко.

— Тьфу, бес, — где же денежки?

А в дверь на лестнице кто-то постучал условно.

Прикрыл Максим бабкиного мужа рогожкой. И к двери подошел. Слушает. Открыть, не открыть? — открою. Сердце успокоил и дверь открыл,

Малюсенький вошел старичок и тоненько сказал:

— Бабку бы Авдотью мне...

А Максим старичку такое:

— Нету, старичок, Авдотьи. Иди себе с богом. Иди, сделай милость.

Сказал это и видит: гирька трехфунтовая в руке. Испугался Максим, что старичок гирьку заметит, пихает ее в карман, прячет гирьку-то, а старичок бочком, бочком и протискался тем временем в комнату.

— Подожду, — говорит, — бабку Авдотью. У бабки Авдотьи славная картошечка... Э, да у ней и капустка, наверное, славная. Да. Ей-богу, славная капустка...

И такой говорун, научный старичок, Максимке бы с мыслями собраться, а старичок такое:

— Ну, хорошо, человеку все бесплатно... Согласен. Да только, на мой научный взгляд, общественное питание — это уж, извините, это сущий вздор и совершенно ложные слова. На все согласен, а тут уж к бабке Авдотье пойду. Не могу... Извините... Я, скажем, головой поработал — рыбки захотел: фосфор в рыбке. Ты языком поболтал — молочную тебе диэту... А вы говорите — общественное питание. Из корыта... Да-с, молодой человек, на все соглашусь, а уж бабку-то Авдотью мне оставьте... Совершенно ложные слова.

— Да я ничего, — оробел Максимка.

И в коридор вышел. А там на лестницу, да по лестнице да вниз через три ступеньки.

На улицу вышел, нащупал деньги в кармане.

— Эх, мало денег! Где ж такое были денежки?
И пошел покачиваясь.

III

— Эй, подходи, фартовый мальчик, подходи!
— Угощай папиросочкой...
Не полюбопытствовал Максим на девочек.
Встал Максим на углу и к окну прислонился.
Убить не убил человека и по голове ведь не шибко тюкнул, да человеку вредно, человека жаль...
Постоял Максим и подумал, а мысли-то уж все веселые идут.
Глядит Максим королем на всех. Глазами ищет Ляльку Пятьдесят. Да нету Лялечки.
А на углу белокуренькая папиросочкой дымит и Максиму улыбается. На ней высокие сапожки до колен и шелковая юбочка фру-фру... Повернется — шумит и засмеется — шумит.
Зашумела и без слова к Максиму подошла. Подошла и тихо за руку взяла.
Да вдруг как зашумело все, затопало.
— Облава, дамочки, — вскричала белокуренькая и от Максима в сторону, в железные ворота.
За белокуренькой шагнул Максим, а на Максима человек. Весь в шпорах. Шпорами бренчит, саблей стучит, а в руке пятизарядный шпаллер.
Задрожал Максим и пустился бежать.
И бежит и бежит Максим. Гремит сердце. Через Лиговку бежит — на него забор. Максим через за-

бор, а в ноги кучи. Через кучи Максим... Пробежал еще и свалился в грязь. Да не сам свалился.

— Подножка, — сказал Максим и потрогал денежки.

А на Максима Черный вдруг насел. И мало того, что насел, а еще и душит.

— Пусти, — хрипло сказал Максим, — пусти.. дышать трудно.

И Черный отпустил его слегка.

Сидит Черный на Максимке и разговаривает:

— Бежит, вижу, человек по кучам. Стой, думаю. Даром не побежит. Спасибо. Либо вор, либо от вора... Даешь денежки.

А сам уж по карманам шарит.

Ох, вытащил пачечку. Ох, вытащил другую. Ох, опять душит сатана.

— А это что?

— Гирька, — сказал Максим и вспомнил бабкиного мужа.

— Гирька, — усмехнулся Черный и стукнул гирькой по Максимовой голове. — Беги теперь, да не оглядывайся. Беги, шпана, говорю... Стой. Гирьку позабыл. На гирьку.

Взял гирьку Максим и побежал. Пробежал немного и сел на кучу.

Зачем же человека бить по голове!

IV

Посидел Максим на куче, унял сердце и в город пошел. Нужно бы домой, а ноги на Гончарную идут

к Ляльке Пятьдесят. Идет Максим на Гончарную. На улицах пусто. И в сердце пусто...

А вот и Лялькин белый дом.

— Здравствуй, Лялькин милый дом.

Поднялся Максим и постучал и к Ляльке в комнату вошел.

На стене ковер, на полу коврище, а в белой клетке попугай.

А Лялька сидит на китайских коленях, ерошит ручкой китайские усы.

— Принес? — спросила Лялька и к Максиму подошла.

— Принес, — сказал Максим тихо. — Гони только китайскую личность. Смотреть трудно...

А китаец по-русски понимал замечательно. Обиделся и встал. И чашечку с кофеем на пол выплеснул.

— Зачем же, — говорит, — выносить такую резолюцию? Уйду и денег не заплачу.

Ушел китаец и дверкой стукнул. Максим тут к Ляльке подошел. К Ляльке наклонился и Ляльке целует щеку.

— Нет у меня денег, Лялька Пятьдесят.

— А, — вскричала Лялька Пятьдесят, — денег нет?

— Нету денег. Пожалей меня, Лялька! Очень мне трудно, без денег, пожалей, ну, скажи, что жалко.

Как закричала тут Лялька:

— А китайские убытки кто возместит?

— Есть в тебе сердце? — сказал Максим и на

коврище сел и Ляолькины ноги обхватил. — Есть ли сердце, спрашиваю? Птицу жалеешь? Жалеешь попку?

Как ударила тут Лялька Пятьдесят Максима — помутилось все.

Охнул Максим. Охнул, и с полу поднялся.

Гирьку нащупал в кармане. Вытащил гирьку, хотел ударить по Лялькиной голове, да не ударил. Рука не посмела.

Замахнулся Максим и ударил по птицыной клетке.

Ужасно тут закричал попугай, и тонко закричала Лялька. А Максим бросил гирьку и снова на коврище сел.

— Ну, скажи, что жалко, Лялька Пятьдесят!

1922 г.

ЧЕРНАЯ МАГИЯ

I

Не такие теперь годы, чтобы верить в колдовство или, может быть, в черную магию, но только рассказать об этом никогда не мешает.

Много темных людишек и посейчас существует. Как в других деревнях, неизвестно, а в селе Лаптенках это так. В селе Лаптенках бабы, например, и болезни всякие заговаривают, и на огонь и на воду ворожат, и травы драгоценного свойства собирают. Что до другого, не знаю, не скажу, ну, а болезни — это, пожалуй, правильно. С болезнями бабка Василиса очень даже великолепно справляется.

Конешно, приедет какой-нибудь этакий ферт заграничный, он, безусловно, только посмеется.

— Эх, — скажет, — Россия, Россия, темная страна!

Так ему что? Ему подавай в цилиндре доктора, в пиджаке, а на бабку Василису он и не взглянет. Да он, может быть, и на лекарского помощника Федор Иваныча Васильченку не взглянет. Вот что! Вот это какой ферт!

Но только с таким человеком я и спорить никогда не соглашусь. Там у них и жизнь другая, а не такая, там, может быть, и болезней-то таких нет, как у нас.

Вот, рассказывают, грелки у них поставлены в трамваях, чтоб сквознячек, значит, ножку не застудил, пожалуйста...

Ведь это что? Ведь это дальше и итти-то некуда. Полное европейское просвещение и культура...

Ну, а у нас и жизнь тут другая и людишки не такие. У нас вот баба, например, погибла от черной магии. Супруга Димитрия Наумыча.

II

А попустому все и вышло. Ее, имейте в виду, Димитрий Наумыч со двора вон выгнал. Вот оттого все и произошло. А, впрочем, нет, не оттого.

Прежде случай был другой, деревенский. В дело это чортов сын Ванюшка замешался. Вот что.

Жил-был на свете такой Ванюшка, мужик больной и убогий... Из-за него все и произошло. Конешно, бывали тут на селе и раньше разные происшествия: повадились, например, мужички каждую весну тонуть — то Василь Васильич, мужик богатенький, потонул, то староста нырнул нечаянно, то Ванюшка теперь... Но только все это было по веселым делам, а такого дела, чтобы, например, бабу свою вон выгнать — тут и привычки такой ни у кого не было.

Так вот Ванюшка больной и убогий... Я, как в

Лаптенках расположился, сразу обратил полное свое внимание на Ванюшку. Ходит это он, можете себе представить, веселенький, ручки свои, сволочь, потирает. Я его запомнил, остановил тогда на селе, отвел в сторону.

— Ты что ж это, — спрашиваю, — так нахально то ходишь и ручки свои потираешь, гадина?

А он, как сейчас помню, ехидно так посмотрел на меня.

— А чего, — говорит, — мне горе-то горевать? Мне теперь, знаете, лафа. Я хотя и больной и убогий, а жить теперь буду, что надо. Очень передо мной широкий горизонт в смысле богатеньких невест и приданого.

— Да что ты, — говорю, — врешь?

— Нету, — говорит, — не вру. Как хотите. Ходит теперь мужик в очень большой цене, да только, имейте в виду — мужик холостой, неженатый... Да вы, — говорит, — впрочем, сами-то взгляните, что кругом деется.

Взглянул я кругом, ну, вижу — дела-делишки: на селе бабы кишмя кишат, девки на вечеринках дура с дурой танцуют, а кавалеров ихних — как корова языком слизала. Нету ихних кавалеров. Никто из молодых молодчиков, заметьте, с германской войны домой не вернулся.

«Вот, — думаю, — да-а».

А Ванюшка ходит вкруг села и хвалится.

— Дождался, — говорит, — я своего времячка. Как угодно. Дорвался до роскошной жизни. Я хоть

и больной и убогий, а мужик. Из песни слова не выкинешь.

Так вот с недельку походил по селу Ванюшка, стал, сукин сын, на радостях самогонку хлебать, за речку ездить повадился... Жила-была за речкой фря такая, веселая солдатка Нюшка... И — можете себе представить — потонул Ванюшка. От солдатки возвращался ночью пьяненький и потонул, дурак. Не удержал своего счастья.

И очень тогда мужички над ним издевались.

III

Ну, хорошо. К ночи он, например, затонул, утром походили мужички по берегу, посмеялись вдоволь и ловить его принялись.

Выехали на лодках, пошевелили баграми, кошками по дну поцарапали — нету Ванюшки.

А речонка и вся-то ничего не стоит — одно распоряжение, что речонка.

Обиделись мужички.

— Что, — говорят, — за мать честная? Василь Васильича сразу нашли, старосту тоже сразу нашли, а тут этакую невидаль, козявку, представьте себе, такую найти не можем.

Пустили по речке горшки... Ну, да. Обыкновенные горшки. Глиняные... Это не какое-нибудь там темное поверие или, может быть, старинный обычай, это роскошное средство найти утопленника. Да это можно даже доказать научными данными. Скажем, труп лежит, за корягу ногой, может быть,

зацепился. Пожалуйста. Над трупом вода безусловно обязана крутиться и воронку делать... Горшок туда — и там, представьте себе, вертится.

Так вот и тут. Пустили горшки. Поплыл один горшок на середину реки и, смотрим, там крутится. Сунули там багор — глыбоко. Яма. Повертели кошкой — осталась там кошка.

Тьфу ты, дьявол!

Решили мужички: нырнуть нужно.

Тот, другой, пятый — отнекиваются.

— Димитрий Наумыч...

Тот долго спорить не стал, скинул с себя платьишко, рожу свою перекрестил и нырнул.

И тут-то, замечайте, все и началось.

IV

Рассказывал мне после Димитрий Наумыч.

— Нырнул, — говорит, — я. Хорошо. И только я нырнул, как вдруг меня и осенило: «Что ж, — думаю, — ходил тут такой Ванюшка, холостой, неженатый, да и тот в воде захлебнулся. Чего ж, — думаю, — случай-то такой роскошный я буду из рук вон выпущать: выгоню, например, свою бабу, да и поженюсь на богатенькой».

Так вот он подумал и сам чуть водой не поперхнулся, чуть не погиб мужик — пробыл в воде сверх положенной нормы. Даже мужички тогда забеспокоились, потому что пошел по воде пузырь крупный.

Но только через минуту выплыл Димитрий На-

умыч на свет земной, лег на песок и лежит ужасно скучный и даже трясется.

«Ну, — подумали мужички, — чудо-юдо на дне, не иначе».

А на дне, имейте в виду, все спокойно: лежит Ванюшка на дне, уцепившись штанинкой за корягу.

Стали мужички расспрашивать: что, да что, а Димитрий Наумыч и говорит:

— Тащите, — говорит, — кошкой, все спокойно.

Стали мужички тащить... да только об этом и разговор никакой — больше-то Ванюшка и не нужен в нашем деле, потому что пошло дело по другому уклону. Ну, а Ванюшку, да, вытащили. Побежал мужик Димитрий Наумыч домой.

«Что ж, — бежит и думает, — кругом во всех деревнях ходит холостой мужик в большей цене. Да я, — думает, — бабу свою теперь с лица земли сотру, или, может быть, ее выгоню».

Так вот он опять подумал, да видит, как-раз эти самые слова ему и нужны. Пришел домой и фигурять начал.

И баба ему ступит плохо, и вид-то ему из окна, между прочим, плохой.

Видит баба: загрустил мужик, а с чего загрустил, — неизвестно. Подходит тогда она к нему со словами, а слова все у ней тихие.

— Чего, — говорит, — это вы, Димитрий Наумыч, словно как загрустили?

— Да, — отвечает он нахально, — загрустил. Хочу, — говорит, — богатеньким быть, да вы, имейте в виду, мне помеха.

Промолчала баба.

А сказать нужно, баба у Димитрия Наумыча очень даже замечательная была баба. Только одно и несчастье, что не богатая, а бедная. А так-то всем хороша: и голос у ней был тихий и симпатичный, и походка не какая-нибудь утиная — с боку, например, на бок — походка роскошная: идет, будто плавает.

Ее сестру даже родную ферт какой-то за красоту убил. Жить с ним не хотела.

В Киеве дело было. . .

Ну, и эта тоже была очень даже красивая. Все находили. А Димитрий Наумыч мнению этому теперь не внял и свою мысль при себе имел.

Так вот поговорили они, баба промолчала, а Димитрий Наумыч все, замечайте, случая ищет.

Походил он по избе.

— Ну, давай, — орет, — баба, кушать, что ли.

А до обеда далеко было. Баба ему с резоном и отвечает:

— Да что вы, Димитрий Наумыч, я, — говорит, — еще и затоплять-то не думала.

— Ах, — говорит, — ты юмола, юмола, ты, — говорит, — меня, может, голодом уморить думала. Собирай, — говорит, — свое барахлишко, сайки с квасом, вы, — говорит, — мне больше не законная супруга.

Очень тут испугалась баба, умишком раскинула.

Да, видит, гонит. А с чего гонит — неизвестно. Во всех делах она чистая, как зеркальце. Думала

она дело миром порешить. Поклонилась ему в ножки.

— Побей, — говорит, — лучше, Пилат-мученик, а то мне и итти-то некуда.

А Димитрий Наумыч просьбу хотя ее и исполнил, побил, а со двора все-таки вон выгнал.

V

И вот собрала баба барахлишко — юбчонку какую-нибудь свою дырявую — и на двор вышла.

А куда бабе итти, если ей и итти-то некуда?

Покрутилась баба по двору, повыла, поплакала, умишком своим снова раскинула.

«Пойду-ка, — думает, — к соседке, может, что и присоветует».

Пришла она к соседке. Соседка повздыхала, поохала, по столу картишки раскинула.

— Да, — говорит, — плохо твое дело. Прямо, — говорит, — очень твое дело паршивое. Да ты и сама взгляни: вот король виней, вот осьмерка, а баба виней на отлете. Не врут игральные карты. Имеет мужик чтой-то против тебя. Да только ты и есть сама виноватая. Это знай.

Вы обратите внимание, какая дура была соседка. Где бы ей, дуре, утешить бабу, вне себя баба, а она запела такое:

— Да, — запела, — сама ты и есть виноватая. Видишь — загрустил мужик, ты потерпи, не таранти. Он тебя, например, нестерпимыми словами, а ты такое: дозвольте, мол, сапожечки ваши снять

и тряпочкой наисухонькой обтереть — мужик это любит...

Фу ты, старая дура... Такие слова...

Утешить нужно бабу, а она растравила ее до невозможности.

Вскочила баба, трясется.

— Ох, — говорит, — да что же я такоеча наделала? Ох, — говорит, — да присоветуй хоть ты-то мне для ради самого господа. На все я теперь соглашусь. Ведь мне и итти-то некуда.

А та, старая дура, тьфу, и по имени-то назвать ее противно, ручищами развела:

— Не знаю, — говорит, — молодушка. Прямо сказать тебе, ничего не могу. В очень большой цене теперь мужик. И красотой одной и качествами не прельстишь его. Это и думать не смей.

Бросилась тут баба вон из избы, выбежала на зады, да по заднему проспекту и пошла вдоль села. На село-то ей, бедной, и выйти было стыдно.

И вот, видит баба: идет ей навстречу старушка махонькая, неизвестная бабушка. Идет эта бабушка, тихонько катится и чтой-то про себя шепчет.

Поклонилась ей баба наша, заплакала.

— Вздравствуйте, — говорит, — старушка махонькая, неизвестная бабушка. Вот, — говорит, — взгляните, пожалуйста, какие дела-делишки на земном свете-то деятся.

Взглянула старая бабушка, головенкой своей, может быть, мотнула.

— Да, — говорит, — деятся, деятся... Ох, — говорит, — молодая молодушка, знаю все, что на

свете деется — всех людишек передавить надобно — вот что деется. Да только, умоляю тебя, не плачь, не порти очи себе. В деле таком слеза — помощь никакая. А вот что: есть у меня средства разные, есть травы драгоценного свойства. Есть и словесные заговоры, да только в таком великолепном деле они ничего не стоят. А от такого дела, чтобы человека при себе удержать, есть одно только средство. Будет это средство страшное: особая это роскошная черная кошка. Тую кошку завсегда узнать можно. Ох, любит та кошка в очи смотреть, а как смотрит в очи, так хвостом нарочно качает медленно и спинку свою гнет.

Слушает баба ужасные старухины речи, и млеет у ней сердце.

Конешно, никто не слышал такие речи старухины, кроме бабы нашей, да только все это, безусловно, правильно. Об этом Юлия Карловна тоже говорила. Да и в дальнейшем это вполне выяснилось. И еще в дальнейшем выяснилось, что взять нужно было тую кошку черную, в полночь баньку вытопить и тую кошку живую в котел бросить.

— Умоляю тебя, — просила бабушка, — брось тую кошку, безусловно, живую, а не дохлую. А как будет все кончено, вылущи кошачию косточку небольшую, круглую и, умоляю тебя, носи ее завсегда при себе.

Как услышала баба это, ужаснулась, поклонилась старухе низенько.

«Пойду, — думает, — поклонюсь еще раз Ди-

митрию Наумычу, а если не изменит он своего мнения, так есть у меня средство страшное, роскошное».

VI

Пошла баба на село поклониться Димитрию Наумычу, да только пошла она, имейте в виду, зря.

Где же было Димитрию Наумычу изменить свое мнение, если он так и горел и даже в город порывался ехать, закончить дело.

Я к нему тогда зашел. Он уж и лошадь свою запрягал. Он мне многое тогда высказал.

— Никогда бы, — говорит, — я такую бабу не выгнал, как бог свят. Лучше, — говорит, — растерзай ты меня на куски и разбросай те куски по полю; но на такое дело никогда бы я не согласился. Очень она, баба, мне в самый раз. Да только больно мне, слушай, богатеньким-то лестно пожить. Ты сам взгляни: ну, какой я есть мужик? Только и есть одно удовольствие, что лошадь у меня, а так-то все идет в развалку и на сторону. Ну вот, ты сам, слушай, друг ты мой, ответь мне для ради самого господа, есть у меня, например, корова или нету?

— Нет, — говорю, — нет у тебя коровы, Димитрий Наумыч. Это я подтверждаю. У тебя, — говорю, — овцы даже какой-нибудь паршивой и то нету.

— Ну, — говорит, — вот видишь. Какой же я мужик после того?

— Да уж, — говорю, — без коровы тебе, как без рук.

— Так вот, — говорит, — а вы говорите: баба. Баба что? Только что хороша собой, а больше у ней, слушай, и преимуществ-то нет никаких... Ну, сестру ее, скажем, за красоту убили. В Киеве дело было. Так мне теперь что? Мне из этого и пальтишка даже не сшить. Да и меня, прямо скажу, этим теперь не заинтересуешь.

Так вот он говорит, со мной объясняется, а баба, заметьте, рядом стоит.

Увидел он ее, закричал.

— Чего, — закричал, — тебе надобно? Уходи. Сделай такое одолжение.

А баба испугалась окрика, да говорит не то, что нужно.

— Ухожу, — говорит, — я, Димитрий Наумыч, еще не знаю куда, наверное, в Киево-Печерскую лавру, так дозвольте мне на прощанье в баньке вашей попариться.

Посмотрел мужик на нее, не хитрит ли баба. Нет, не хитрит.

Подобрел Димитрий Наумыч.

— Ладно, — говорит, — попарься. В этом, — говорит, — я не притесняю. Ведь я не зверь какой-нибудь. Я за что тебя выгнал? Очень ты хорошая баба и все такое, да только уж извините — рвань коричневая. Ничего у тебя нет и, сознайся, — и не было. Да и родственники, слушай, твои, за сколько лет, хоть бы кто плюнул. Хоть бы кто подарок

мне сделал для ради смеха. Рубашку бы, например, преподнес к празднику к светлому: носите, дескать, Димитрий Наумыч, себе на утешение... Так нет того.

Не стала баба долго его слушать, повернулась да и пошла, а Димитрий Наумыч сел в телегу, свистнул, гикнул, да и был таков.

И вот, представьте себе, едет он в город, а баба тем временем баньку вытопила, кошку попову черную приманила, заперла ее в баньке и ждет ночи.

Встретил я ее, бабу бедную, в тот вечер. По селу она бежала. Стиснула этак вот кошку к груди и бежит и бежит простоволосая и вроде как страшная.

«Ох, — подумал я, — гибнет баба». Но только, имейте в виду, дело мое сторона.

VII

А к ночи сделал мужик свое дело, выпил с братом своим в городе самую что ни на есть малость и едет обратно веселенький, песни даже играет. И не чует, не гадает, что с ним такое сейчас стрясется. А стрясется сейчас с ним дело совершенно удивительное — прут, ну, ветка, скажем, сухая в колесо попадет и лошадь гибнет...

Только об этом после. К этому и время еще не подошло. А мне только сказать нужно: если б не упала тогда лошадь, то ничего бы, может быть, и не случилось с бабой, поспел бы Димитрий Наумыч, ну, а тут лошадь, представьте себе, упала.

Хорошо. Так вот едет мужик по лесу, на телеге раскинулся, ручки свои в стороны разбросал. Едет.

А лошадь идет шажком мелким, ее и править не надо. Да Димитрий Наумыч и не правит. Он, имейте в виду, вожжи даже бросил.

И это верно он поступил: лошадь и днем и ночью завсегда дорогу к дому найдет. Об этом я очень великолепно знаю. В извозчиках я и сам больше года был.

Так вот, идет себе лошадь Димитрия Наумыча шажком, а Димитрий Наумыч вожжи отпустил и про себя песни играет. А ночь, имейте в виду, темнейшая.

Хорошо. Мурлычет он пьяненький — «Кари глазки», только, смотрит, к погосту подъезжает.

И стало мужику не по-себе.

«Вот, — думает, — мать честная, сколько тут людишек позарыто, да и мне места такого не миновать... А я, обратите внимание, такими вещами занят: бабу, например, свою гоню, для ради какого-то богатства и роскоши»...

Подъехал он к погосту хмурый, песни свои забыл и лежит на телеге — скучает. Только чует: смотрит будто на него ктой-то пристально.

— Кто? — крикнул мужик.

— О-о! — закричали ему с погоста.

Хотел мужик подхлестнуть свою лошадь, да только чует: и рукой ему шевельнуть жутко.

«Ну, — думает, — скорее бы место такое злачное миновать».

Только это он так пожелал себе, вдруг его ктой-то хлясь по роже.

Замер Димитрий Наумыч, похолодел.

А прут, представьте себе, обернулся еще раз в колесе — хлясь обратно по роже. Смертельно закричал Димитрий Наумыч. А лошадь — дура. Лошадь слышит — кричит мужик, думает — на нее, — понесла.

Мужик кричит чужим голосом, а лошадь так и дует, так и прет к дому.

Пронеслись они верст наверное пять, Димитрий Наумыч видит: никто его больше по роже не бьет — кричать перестал, в себя пришел.

Пришел в себя, тпр да тпр — не остановит коня.

Ему бы, дураку, нужно ш-ш сказать, а он за вожжу. Он за вожжу, а лошадь несомненно в сторону. Лошадь несомненно в сторону, а в стороне, имейте в виду, дерево.

Наскочила лошадь на дерево. Хрясь башкой об дерево и скосилась замертво.

Выпал мужик из телеги, шапку снял.

Да, видит, скончалась лошадь. «Ой, — думает, — вот беда, так беда, такого и бедствия во всей жизни еще не было. Ну, — думает, — отпущена мне эта беда не иначе, как за бабу мою».

Стоит мужик и себе не верит.

И себя-то ему жалко, и лошадь, — дело такое драгоценное, мужицкое, и за бабу до того грустно, что и сказать невыносимо. Постоял, он постоял.

«Ну, — думает, — что есть, то есть. Пойду-ка я на село поскореича, может быть, с бабой моей еще ничего не случилось». Так вот он подумал, заторопился, привязал зачем-то лошадь к дереву, взвалил на себя дугу да сбрую и пошел скорым шагом.

Да только зря он торопился. Было уже поздно. Случилось уже такое, что и во сне не снилось мужику.

VIII

Начала баба дело свое — черную магию, когда Димитрий Наумыч к погосту подъезжал.

Пришла баба в те часы в баньку, крест и платьишко свои в предбаннике оставила и без ничего в баню вошла. Вошла она в баню, крышку с котла откинула и кошку ищет.

«Где же, — думает, — кот. Не видно его чегой-то». Смотрит: забился кот под лавку.

Баба ему: кыся, кыся, а он, представьте себе, щерится и в очи смотрит.

Баба протянула руку — он зубами. Изловчилась как-то баба, ухватила его за шкурку, плюхнула в котел и крышкой поскорей прикрыла.

Прикрыла она крышкой и слышит: бьется кошка в котле это, ужасно как, даже крышка чугунная вздымается. Налегла баба грудью на котел, а сама от страха сомлела вся, и вот-вот, видит, силушки удержать не хватит. А в котле повертелось, повертелось и заглохло.

Подложила баба дров побольше, отошла от печки

и на лавку присела. Ждет. И вот слышит, будто вода ключом кипит. Посмотрела: да, крышка вздымается и ходуном ходит.

«Ну, — думает баба, — сейчас конец».

Подбежала она к котлу, только приподняла крышку, как в лицо ей бросится кот или чего-то такое другое. Всплеснула баба руками и на пол рухнула.

IX

Конешно, никто не знает, как в точности это было. Скорей всего баба открыла котел, а ее паром и обожгло. А баба с перепугу подумала что это в нее кошка бросилась. Взяла и померла с перепугу. А конец делу был такой.

Вышел я утром на село, смотрю: бежит поскорей мужик Димитрий Наумыч, и на нем, представьте себе, честь честью дуга и сбруя.

Очень я удивился, а он ко мне.

— Не видел ли, — кричит, — бабы моей?

— Нет, — отвечаю, — бабы я твоей не видал. А вот вчера, — говорю, — да, видел, баньку она вечор топила.

Ухватил он тут меня за руку, и мы побежали.

Ворвались в баньку, шагнули за порог, и тут представилась нам такая нестерпимая картина.

Лежит, представьте себе, баба на полу совершенно мертвая.

Охнул тут Димитрий Наумыч, схватил себя за голову и говорит: «Вот, говорит, через свою жадность потерял такую верную супругу».

И, конечно, заплакал горькими слезами.

1921 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I

II

III

А. Ахматова, БЕЛАЯ СТАЯ (1979)
А. Ахматова, АННО ДОМИНИ (1977)
А. Ахматова, ПОДОРОЖНИК (1977)
А. Белый, СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ (1979)
М. Булгаков, ДЬЯВОЛИАДА (1977)
К. Вагинов, КОНСТАНТИН ВАГИНОВ (1978)
Гайто Газданов, ВЕЧЕР У КЛЭР (1979)
Н. Гумилев, ОГНЕННЫЙ СТОЛП (1976)
Н. Гумилев, К СИНЕЙ ЗВЕЗДЕ (1979)
Н. Гумилев, КОСТЕР (1979)
Е. Замятин, НЕЧЕСТИВЫЕ РАССКАЗЫ (1978)
Е. Замятин, ОСТРОВИТЯНЕ (1979)
М. Кузмин, КРЫЛЬЯ (1979)
М. Кузмин, ФОРЕЛЬ РАЗБИВАЕТ ЛЕД (1978)
О. Мандельштам, ЕГИПЕТСКАЯ МАРКА (1976)
О. Мандельштам, КАМЕНЬ (1971)
Ю. Олеша, ЗАВИСТЬ. Рис. Альтмана (1977)
А. Пушкин, ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ (1978)
Ф. Сологуб, МЕЛКИЙ БЕС (1979)
СТРЕЛЕЦ, № 1 (1978)
В. Хлебников, ЗАНГЕЗИ (1978)
В. Ходасевич, ПУТЕМ ЗЕРНА (1979)
В. Ходасевич, ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА (1976)
В. Ходасевич, ИЗ ЕВРЕЙСКИХ ПОЭТОВ (1979)
В. Ходасевич, СТАТЬИ О ЛИТЕРАТУРЕ (1979)
П. Чаадаев, ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА (1978)
Н. Эрдман, САМОУБИЙЦА (1979)

Л. Е. Белозерская-Булгакова, О, МЕД ВОСПОМИНАНИЯ. (Годы с Булгаковым). (1979)
АННА АХМАТОВА: Стихи, переписка, воспоминания, иконография (1977)
И. Бабель, ЗАБЫТЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ (1979)
Л. Шестов, НАЧАЛА И КОНЦЫ (1978)
З. Гиппиус, ПИСЬМА К БЕРБЕРОВОЙ И ХОДАСЕВИЧУ (1979)
ЦЕХ ПОЭТОВ, 1 (1978)
М. Цветаева, ПРОЗА (1979)